

ПИОНЕР

МАРТ

3

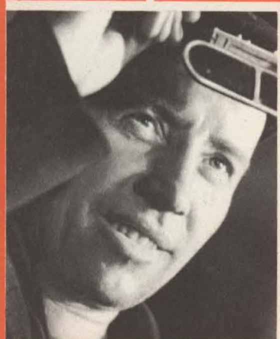
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г.

ТЕЛЕГРАФИРУЕТ УРАЛ

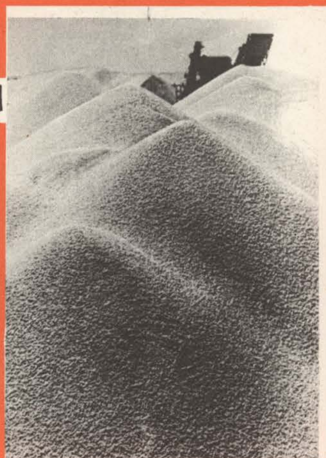
СООБЩАЕТ КАВКАЗ

ГОВОРИТ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

ВСТРЕЧАЕМ СЪЕЗД ПАРТИИ

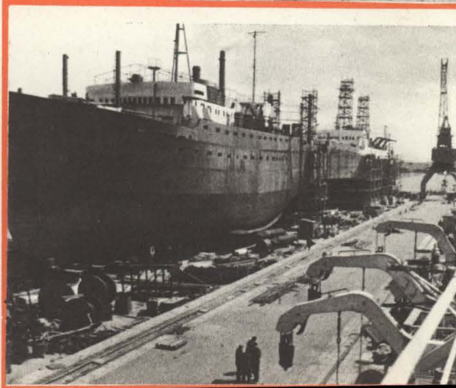

НОВЫМИ ТРУДОВЫМИ ПОБЕДАМИ

ТЕБЕ ПРИШЕЛ НАШ МАРТОВСКИЙ НОМЕР. ТЫ РАСКРОЕШЬ ЕГО НЕЗАДОЛГО ДО ТЕХ ДНЕЙ, КОГДА В МОСКВЕ СОБЕРУТСЯ НА XXIII СЪЕЗД КОММУНИСТЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Каждый человек думает о будущем. У каждого человека, взрослый он или еще мальчишка, свои мечты, свои планы. **СЪЕЗД БУДЕТ ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ НАШЕЙ ОГРОМНОЙ СТРАНЫ.** Как штурман, ведущий корабль в далекое плавание, он проложит маршрут. И завтра по этому маршруту, имя которого — пятилетка, пойдут и твои старшие друзья, и ты сам, и твои сверстники, весь народ.

У каждого человека есть свои желания. Но у всех, кто живет под небом Страны Советов, есть одно общее желание. Спросите любого из нас: хочешь, чтобы еще богаче и сильнее стала Родина? Чтобы домов строили еще больше, было больше новых машин, школ, товаров в магазинах? Чтобы зажиточнее, веселее жили люди? Любой ответит: конечно, хочу. И правильно ответит. Вот **СЪЕЗД И БУДЕТ РЕШАТЬ, КАК И ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ** для того, чтобы это «хочу» претворилось в жизнь.

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА — ЭТО БОЕВЫЕ ЗАДАНИЯ СТРАНЕ, ПАРТИИ И КАЖДОМУ СОВЕТСКОМУ ЧЕЛОВЕКУ. И для тебя тоже есть задание. Важное и ответственное. Вот оно: набирайся побольше сил и знаний. И постарайся сделать для Родины как можно больше полезных и добрых дел.

ГОД ИЗДАНИЯ 43

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

КЛЮЧ К НОМЕРУ

КЛЮЧ ПОДХОДИТ

К ЛЮБОЙ СТРАНИЦЕ,

ОТКРЫВАЙ И ЧИТАЙ.

Джеймс **ОЛДРИДЖ**

Владимир **ЖЕЛЕЗНИКОВ**

3

● В дремучем сосновом лесу в маленькой сторожке лесника живет мальчик Саша Храмцов. Он и не догадывается, что пройдет время — и вокруг лесной избушки вырастут большие, многоэтажные дома, поднимутся корпуса завода и он, Саша, будет здесь жить и работать.

ЧИТАЙ очерк о рабочем-коммунисте Александре Ивановиче Храмцове «А слава тебя найдет!».

● Только клад — клад, скрытый в стене старого особняка у Арбата, который откроет — должен открыть! — шестиклассник Сократик, спасет его, Сократика, от большой беды. А может быть, не только этот злополучный клад!

ЧИТАЙ повесть В. Железникова «Каждый мечтает о собаке».

● В странный незнакомый мир попадает космическая экспедиция Гиё. Все вокруг непонятно, необъяснимо. Но думаем, что ты-то поймешь, в чем тут дело.

ЧИТАЙ научно-фантастический рассказ Я. Зайделя «Странный незнакомый мир».

● Каждое утро в зимнем блокадном Ленинграде пионерский трубач поднимал к губам горн. Клич пионерской трубы помог мальчику Алеше выдержать ту страшную зиму. А когда пришла весна, обнаружилось, что...

ЧИТАЙ рассказ Н. Богданова «Бессмертный горнист».

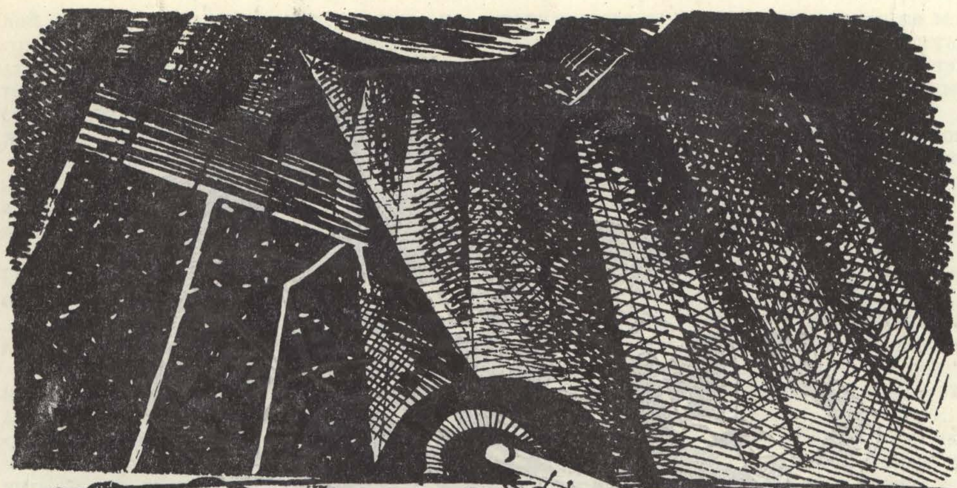
Мишель **СИФР**

● Представь себе: целых два месяца провел человек вдали от людей, в кромешной тьме, гнетущей тишине подземелья.

ЧИТАЙ дневник французского исследователя М. Сифра «Вне времени — под землей».

● Надо посоветоваться. Струсил Дима Добролюбов или не струсил?

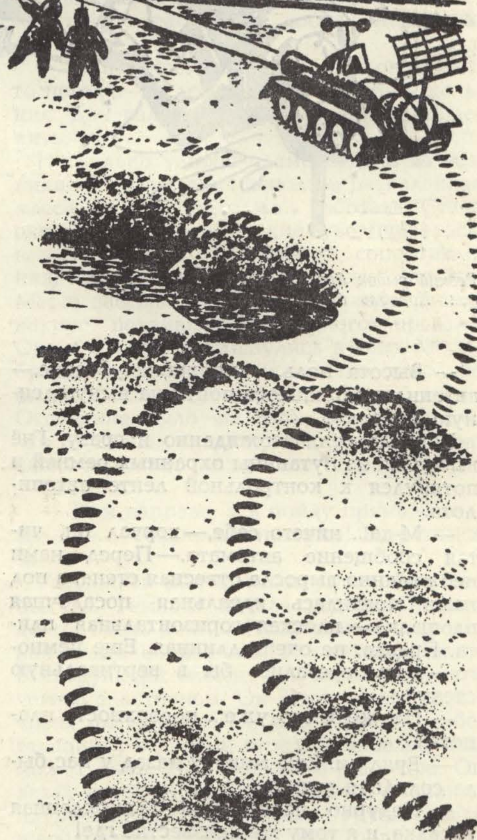
Рассказ известного английского писателя Джеймса Олдриджа, написанный по нашей просьбе, поможет тебе разобраться в этом.

СТРАННЫЙ НЕЗНАКОМЫЙ МИР

Научно-фантастический рассказ

Я. ЗАЙДЕЛЬ **Рисунки Е. Медведева.**

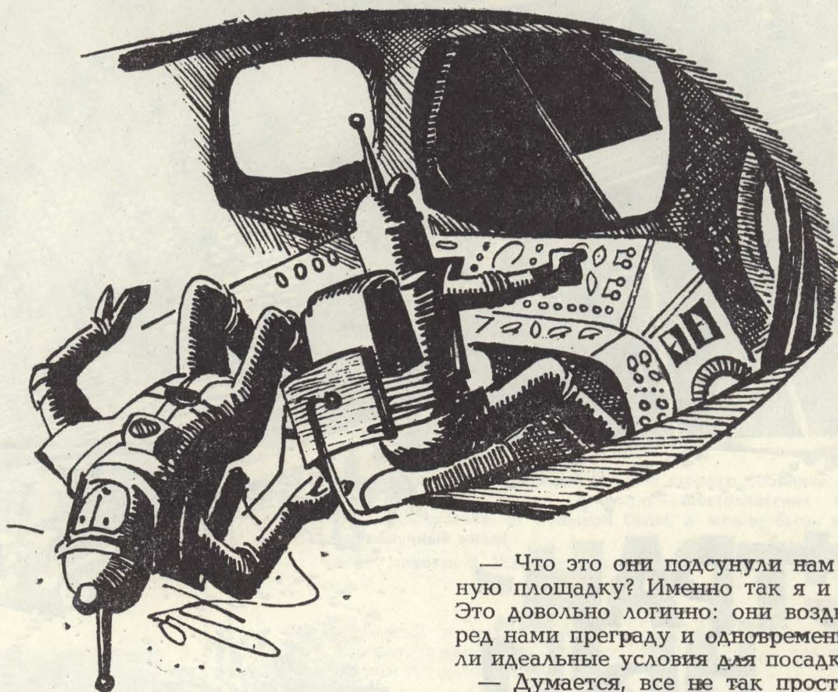
Корабль вошел в атмосферу планеты по пологой параболе.

— Высота?

— Три триста... три двести пятьдесят...

Предостерегающий свист автопилота, неожиданный разворот корабля на 180°, вой двигателей на полной тяге. Резкое торможение вдавило их в кресла.

— Что случилось?

Резкий рывок бросил их на пол. Корабль взмыл вверх.

— Высота ноль...— прохрипел Моокс,— автопилоту пришлось пойти на вынужденную посадку.

Корабль сел. Неожиданно и сразу. Гиё выбрался из путаницы охранных ремней и потянулся к контрольной ленте автопилота.

— М-да... ничего себе,— ворчал он, читая сообщение автомата.— Перед нами неожиданно выросла отвесная стена, а под нами появилась идеальная посадочная площадка — плоская горизонтальная плита. Правда, не очень длинная. Еще немного — и мы врезались бы в вертикальную стену...

— Неужели это уже... поверхность планеты?

— Вряд ли. Еще минуту назад у нас была солидная высота.

— Недурно начинается! Вынужденная посадка, и к тому же неизвестно где!

— Не думаешь ли ты, что...

— Что это они подсунули нам посадочную площадку? Именно так я и подумал. Это довольно логично: они воздвигли перед нами преграду и одновременно создали идеальные условия для посадки.

— Думается, все не так просто! Перед посадкой автопилот провел радарный зондаж. Вокруг нас что-то вроде огромного ящика, закрытого со всех сторон, кроме одной,— там прямоугольное отверстие, через которое мы сюда попали. Это все, что мог сообщить автомат. Остальное придется проверять самим.

— Тогда пошли!

Неожиданно ослепительная вспышка осветила все телеэкраны. Пространство вокруг корабля, погруженное до сих пор в темноту, залил поток резкого, неизвестно откуда льющегося света.

— Они нас осветили! Сейчас найдут! — неуверенно сказал Моокс.

— Интересно, где же они? Ничего не видно...

— Смотри, что это?

Что-то огромное, отливающее металлом приближалось с такой скоростью, что спустя мгновение заслонило три четверти главного экрана, исчезло и снова появилось на обоих боковых экранах одновременно, словно кольцом охватывая корабль. Резкий рывок бросил их на пол. Корабль взмыл вверх, затем полетел боком, поднятый с площадки какой-то невидимой си-

лой, на мгновение повис неподвижно, потом мягко и осторожно опустился и повалился на борт. Они успели только отметить, что почва имеет коричневый цвет и состоит из разнокалиберных глыб, похожих на валуны...

Экраны погасли так же неожиданно, как и загорелись. Корабль лежал неподвижно, а его пассажиры напрасно пытались объяснить себе, что же все-таки произошло.

— Выходим! — нетерпеливо воскликнул Гиё.— Они и так уже знают о нас больше, чем мы о них!

— Захвати анализатор, а я возьму излучатель... на всякий случай...

— Не думаю, чтобы они были настроены враждебно. Судя по всему, они уже давно могли нас уничтожить, а, однако, не сделали этого!

— Видимо, хотят нас как следует изучить, а уж потом...

— Что «потом»?

— Думаешь, я знаю? Во всяком случае, не делай особо резких движений: они могут испугаться, а тогда, кто знает, что может произойти... Мы не знаем, какие они...

Вышли. Скафандры затрудняли движение в каменистой местности. Вывели из корабля гусеничную машину и запустили двигатель. Амфибия с трудом продвигалась по неровностям грунта. Район в радиусе действия сильных рефлекторов выглядел довольно однообразно. Они взбирались на зыбкие холмы, съезжали на дно широких долин. Неожиданно свет фар упал на гладкую, зеркальную поверхность. Подъехали ближе. Перед ними вздымалась отвесная стена, насколько хватал глаз тянувшаяся в обе стороны. Моокс направил луч рефлектора вверх.

— Нечего и думать перебраться поверху. Не видно края...

— Значит, придется вдоль стены. Где-нибудь да она должна кончиться!

Повернули машину влево. Двигались медленно, ежеминутно осматривая местность. Как раз съезжали на дно небольшой впадины, когда что-то блеснуло в свете фар.

— Опять стена? — взволновался Гиё.

— Нет, что-то внизу... Озеро или, может, какой-то бассейн.

«Озеро» оказалось не очень глубоким, заполненным темно-коричневой жидкостью. Грунт вокруг был влажным. Моокс взял пробу для анализа.

— Вода, но обогащенная какими-то соединениями углерода и взвесью из этого коричневого вещества. Анализатор не может точно определить химический состав соединения, но в конце концов это не так уж и важно. Поехали дальше, необходимо выбраться из этой пустыни.

Гиё взглянул на вычерченный автоматом участок пройденного пути. Некоторое время внимательно рассматривал курсовую кривую, потом толкнул Моокса:

— Посмотри-ка! Тебе не кажется это странным?

— Похоже, что... мы движемся по окружности...

— Вот именно! Это начинает меня беспокоить! Кажется, мы оказались внутри цилиндрической поверхности.

— Подожди, посмотрю, из чего эта стена.

Моокс пошел с анализатором к стене. Поверхность ее была гладкая и скользкая. Концом корундового сверла он провел беловатую царапину и собрал несколько крупинок.

— Окись кремния,— сообщил он немного погодя.— С добавлением натрия и кальция. Дай излучатель, я попробую расплавить.

Несколько ударов пламенем — и из возникшего углубления поползла раскаленная масса. Моокс продолжал работать. Стало очень жарко. Углубление увеличивалось, наконец пламя, не встретив сопротивления, прорвалось сквозь отверстие наружу. Масса застывала, понемногу затвердевая вокруг появившегося черного провала. Они с трудом протиснулись в него. Моокс бросил сноп света вниз. Было довольно высоко, поэтому спустились на тросе. Основание было из того же материала, что и стена. Гладкое, оно тянулось насколько хватал глаз во все стороны.

Светало.

— Иди направо, а я пойду прямо,— сказал Гиё.— Только осторожнее! Встретимся здесь.

Разошлись под прямым углом. Гиё шел быстро. Темнота начала редеть. Он шел долго, очень долго... Неожиданно стеклянная плита оборвалась. Гиё полетел вниз. В следующий момент он мягко повис в чем-то эластичном. Он осмотрелся, посвечивая фонариком. Он висел среди разбегающихся в разные стороны кабелей или, может быть, труб большого диаметра. Он встал и пошел по одной из них, наклонно идущей вниз. Поверхность трубы была шероховатой, покрытой чем-то вроде наростов. Уже почти совсем рассвело, когда

он добрался до стены, в которой, словно бы вырастая из нее, исчезали все кабели. Температура немного повысилась. Гиё приблизился к тому месту, в котором один из кабелей исчезал в преграде. Нечего было и думать перебраться за нее: кабель плотно прилегал к стенкам отверстия. Гиё решил рискнуть: либо им заинтересуются, либо... он напрасно погибнет здесь, потому что самостоятельно добраться до ракеты он даже и не мечтал... Он выхватил излучатель и нацелился в стену. Дважды сверкнул огонь, и вдруг неожиданная, какая-то чудовищная буря раскидала вокруг него кабели, а сам он потерял равновесие и полетел вниз. Он падал на белую, покрытую складками, словно бы сплетенную из толстых тросов поверхность...

Моокс решил возвращаться. Стеклянистая плоскость тянулась бесконечно, однообразно. Ни следа жизни, ничего, только гладкая, твердая плита.

Он возвращался тем же путем, направляясь к отверстию в стене. Когда ему показалось, что условленное место встречи уже близко, он включил коротковолновый приемник и... с ужасом увидел, что передатчик контрольного сигнала, оставленный ими у выхода отверстия, не работает. Он перестроился на волну Гиё. И здесь тишина. Или он за пределами приема, или... И что стало с ракетой, заключенной в стеклянную ловушку? Моокс долго кружил вокруг. В тот момент, когда он пытался поймать контрольный сигнал, было почти совсем светло. Теперь, когда, утомленный долгими поисками, он напряг взгляд, силясь отыскать какой-нибудь след ракеты и товарища, он видел только маячившие на далеком горизонте какие-то неясные, перемещающиеся тени. Он взглянул вверх и высоко над головой увидел огромную белую плоскость. Это не могло быть небо. С трех сторон вздымались колоссальные отвесные плоскости, однако чересчур далекие, чтобы различить на них какие-либо подробности. С четвертой же стороны виднелся гигантский светящийся прямоугольник, и именно оттуда струился свет рождающегося дня. Да... радарный зонд удачно охарактеризовал ситуацию: их поймали в колоссальную ловушку с отвесными стенами.

На фоне далекой светлой плоскости, занимавшей четверть горизонта, двигалось более темное пятно, словно бы движущаяся туча или горный массив.

Нигде никакого признака ракеты. Гиё молчит... Да, это конец экспедиции, которая должна была стать прелюдией к освоению и колонизации Большой Планеты в системе Желтого Солнца...

Окончательно измотанный, Моокс упал на стеклянистый, безнадежно однообразный грунт...

Сон быстро овладел моим телом, однако мозг, утомленный многочасовым напряжением, еще не поддавался и по инерции продолжал работать. Я понимал, что засыпаю. Перед глазами передвигались предсонные картины, перемешивающиеся в бессвязное целое с действительностью. Я слышал шум ветра за раскрытым окном, но мне казалось, что это отзвук работы ракетного двигателя. Еще немного — и этот необычный предсонный фильм исчезнет...

Вдруг я вздрогнул. В полуреальный мир миражей вторглось нечто, своей несомненной реальностью развеявшее легкий покров сна. В первый момент я не понял, какого рода было это ощущение. Лишь позже я сообразил, что это был звук. Словно бы скрежет металла о металл...

Где я? Ах, да: сплю в лаборатории института... Я работал допоздна и прозевал последний поезд в город.

Что это могло быть? Этот неожиданный звук... Я потянулся к выключателю. Зажглись осветительные трубки, и спустя секунду комнату заполнил яркий белый свет. Я повел немного ослепленными глазами вдоль ряда переключателей и контрольных лампочек электронного мозга. Все погашено, значит, звук шел не отсюда. Мой взгляд упал на горизонтальную, отсвечивающую никелем плиту, тянувшуюся от раскрытого окна вдоль всей стены, образующей лобовую панель электромозга. Плита была крышкой мнемотеки и защищала элементы памяти от влияния внешних магнитных полей. У одного конца плиты темнело раскрытое окно. Я лежал у другого ее конца на алюминиевой раскладушке. На блестящей поверхности плиты четко выделялась темная прямая царапина. Я приподнялся на локте. Царапина начиналась в метре от окна и бежала к стене. Я повел взглядом вдоль этой линии, взглянул через плечо и... вздрогнул от удивления: она кончалась почти на высоте моей головы в полуметре от стены. На ее конце лежал какой-то загадочный предмет, который на первый

Гиё решил рискнуть...

взгляд показался мне похожим на пулю от малокалиберной винтовки. Я поднес было руку, но, чувствуя тепло, излучаемое этим предметом, потянулся на полку за щипчиками. С их помощью взял странную пулю и осмотрел ее.

Она действительно походила на пулю, была не длиннее половины спички, а на заднем обрезе имела несколько симметрично расположенных отверстий. «Что это? — подумал я.— Покушение на мою жизнь?» Я рассмеялся при одной мысли о чем-либо подобном. У меня же нет таких врагов! Впрочем, откуда бы и стрелять? Разве что с вертолета, ведь моя комната находится на семнадцатом этаже высотного здания, а перед окнами на расстоянии примерно десяти километров нет второго столь же высокого строения. Кроме того, стрелять должны были откуда-то издалека, потому что звука выстрела я не слышал, а конечная скорость пули была слишком мала, коль она остановилась, проехав по плите всего три метра! Наверно, какая-нибудь шальная охотничья пуля! Вокруг охотничьи районы. Надо будет утром показать ее товарищам. Любопытное стечение обстоятельств: именно в мое открытое окно, одно из нескольких сотен окон здания, попала заблудшая пуля. Куда бы ее спрятать, чтобы не потерять? На расстоянии вытянутой руки на стеклянной плите столика стоял стакан из-под выпитого кофе.

Я осторожно опустил находку в стакан, потом лег и накрылся одеялом, потому что утро обещало быть прохладным, и спустя несколько минут уснул.

Разбудил меня резкий укол в темя, словно бы меня ужалила пчела. Я быстро вскочил, уселся на постели и начал растирать болевшее место. Пчелы нигде не было. Может, просто комары... Впрочем, боль почти сразу же прекратилась.

Было семь часов утра. Через полчаса на работу придут товарищи. Надо побыстрее привести себя «в божеский вид». Прежде всего крепкий кофе. Я поставил на газовую горелку поллитровую лабораторную колбу с водой (высоконаучный метод заварки кофе, практикующийся почти во всех лабораториях) и схватил со стола стакан, чтобы сполоснуть его под умывальником. Вместе с осадком от вчерашнего кофе из стакана выпало что-то и звякнуло о фарфор.

Моя пуля!

Увы, было уже поздно: таинственная пу-

ля соскользнула в сливную трубу, смытая сильной струей воды из открытого крана.

Жаль! Теперь никто не поверит в мое ночное приключение!

Держа в руке уже чистый стакан, я чрезвычайно удивился: из его стенки сочилась тонкая струйка воды... «Дырявый стакан? — подумал я. — Но ведь еще вчера он был совершенно цел! Видимо, при изготовлении в стекле возник воздушный пузырек. Теперь он лопнул, осталось отверстие».

Подобное объяснение меня вполне удовлетворило, и я закончил изучение стакана на том, что выбросил его в мусорный ящик.

В коридоре послышались шаги уборщиц и первых научных сотрудников; скоро соберется и наш коллектив. Мы сейчас готовимся к очень интересным исследованиям. С помощью самого большого в стране электронного мозга собираемся доказать, что на других планетах в радиусе действия фотонных ракет вероятность обнаружить разумное существо чрезвычайно мала, потому что невероятно мала вероятность возникновения условий для появления разума столь же высокого, как человеческий!

С помощью щипчиков я опустил находку в стакан...

Перевел с польского Евг. ВАЙСБРОТ

МОЛЧОК

Владимир ОРЛОВ

**Ко мне приходит
Старичок
С коротким именем —
«Молчок».
Он появляется
Тогда,
Когда случается
Беда.
К примеру, я
Хочу конфет:
Я открываю
Наш буфет
И разбиваю сразу
Два блюдечка
И вазу.
И вот ревет
Мой младший брат,
А брат ни в чем
Не виноват.
Он два часа
Уже ревет,
Но он меня
Не выдает.
Я смело в комнату
Вхожу:
Сейчас я правду
Расскажу!
Но вдруг навстречу —
Старичок
И ножкой топает:
— Молчок!
Я обо всем
Сказать хочу,
Но я молчу,
Молчу,
Молчу.
В квартире нашей
Пес живет,
С ним дружбу водит
Старый кот.
Но ведь дружить-то
Им нельзя:
Они враги,
А не друзья!
Я их поссорил
В пять минут.
Была такая драка!
Зато теперь они живут,
Как кошка
И собака.
Опять ревет
Мой младший брат,
А брат ни в чем
Не виноват.
Я смело в комнату
Вхожу:
Сейчас я правду
Расскажу!
Но вдруг навстречу —
Старичок
И ножкой топает:
— Молчок!
Я обо всем
Сказать хочу,
Но я молчу,
Молчу,
Молчу.
А рассказать,
Какой Молчок?
Он, как фасолевый
Стручок.
Он ходит в синем
Колпачке,
Халат
На этом старичке.
Теперь я правду
Расскажу:
Я с ним нисколько
Не дружу!
А дело в том,
А дело в том...
Ах, лучше я
Скажу потом!
Вот появился
Старичок
И ножкой топает:
— Молчок!
Я обо всем
Сказать хочу,
Но я молчу,
Молчу,
Молчу.**

В. МАТВЕЕВ

...А слава тебя найдет!

РАССКАЗ

о том, как лесная сторожка оказалась в центре большого города, и как мальчишка, выросший в ней, стал рабочим, коммунистом, членом правительства.

Александр Иванович идет по улице, приглядываясь, прислушиваясь ко всему, что вокруг. А вокруг весна: галдеж мальчишек, бег автомобилей, перезвон капели, солнце. Солнце всюду: в небе и под ногами, в магазинных витринах и на фуражках у милиционеров.

Он, видно, не замечает, что его узнают девчонки, скачущие на углу через веревочку, водитель проходящего мимо троллейбуса, высокий старик с сучковатой палкой.

Александр Иванович Храмцов знаменит.

●

У меня в кармане лежит письмо. Алеша Пшеничный, человек тринадцати лет, пишет в нем:

«Вот я думаю о своей жизни. Какая у меня будет в будущем жизнь? Я мечтаю о том, чтобы стать знаменитым, чтобы меня в будущем все знали.

Ужас как не хочется оставаться простым смертным, каким-нибудь серым работягой. Имеет ли право человек на такую мечту?»

Алеша, судя по почтовому штемпелю, живет здесь, в Свердловске.

Задал свой вопрос, а адреса не оставил. То ли по забывчивости, то ли по другой причине... Но ответа, видимо, ждет. Чтобы ответить, мне надо разыскать Алешу.

То и дело попадаются на глаза мальчишки. Разные мальчишки.

Кто же из них Алеша? Очень может быть, он тут, совсем рядом, мы уже встречались и не раз, как вон с тем крутолобым, который все ходит кругами около нового магазина «Охотник» (там в витрине такие двустволки!). Не станешь же каждого спрашивать: «Скажи-ка, товарищ, уж не ты ли Алеша Пшеничный?»...

●

А Александр Иванович мечтал в детстве стать знаменитым?

...На той самой улице, где снуют машины и троллейбусы, стоят большие, многоэтажные дома, вечерами горят неоновые огни, надо представить себе густой, темный сосновый лес. Он тут был когда-то. И в том лесу маленькую поляну. На ней стоит домик лесника, и на десяток километров вокруг ни одной живой души.

В лесной избушке живут объездчик Иван Дмитриевич, его жена и маленький мальчик — их сын.

Семилетний Сашок один-одинешенек в лесу. Нет у него друга-мальчишки. Только лес кругом. Лес ему друг.

Да и тот не сразу предложил дружбу. Лишь отец к ночи оседлает коня, как сойдутся сосны вокруг избушки черной, глухой стеной и зашумят страшно, тревожно. Сашина мама начнет креститься, а Сашок ее утешает:

— Он нарочно пугает, я знаю.

А то еще и выйдет на крыльцо — и в самую тьму.

— Смотри, а мне не страшно ничуть!

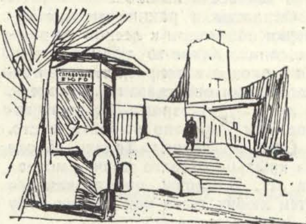

Нет, видно, не испугать лесу Сашка. Лучше открыть ему все тайны свои, все тропки потаенные, все свои ягодные, грибные местечки. Пусть живет здесь, как дома. А Сашок и живет. С крапивой один на один рубится. Или на дереве самом высоченном сидит и песни на весь лес распевает. Какие песни? Военные, конечно, кавалерийские. Отец его кавалеристом раньше был. А Сашок мечтает на отца быть похожим. Отец высок, усы буденновские, галоши — пятнадцатый размер!

Лесные воры его боятся. Однажды один, безоружный, он десять мужиков с топорами среди ночи в избушку привел...

●

...На улице Ленина, дом 15, в маленьком двухэтажном особнячке, расположено Свердловское адрес-

ное бюро. Если подать в окошечко листок с именем, отчеством, фамилией «разыскиваемого лица», указать год и место рождения, здесь могут сообщить адрес...

Я же могу лишь назвать имя и фамилию — Алеша Пшеничный, да возраст — примерно 1952 год рождения. Но вот беда: справки в бюро выдаются только о совершеннолетних.

А интересно бы узнать у Алеши, что он имеет в виду, когда пишет о «сером работяге» и где собирается искать себе славы. В артистах, писателях, ученых, космонавтах? Иногда думают, что именно здесь слава скорее надевает на человека свой венок...

Александр Иванович Храмцов не артист и не писатель, не ученый и, конечно, не космонавт... Александр Иванович — рабочий. Коммунист.

●

...Заляжет Сашок в густую траву или на стог заберется и глядит в небо. В полдень глядит и в полночь. И размышляет, какая у него будет жизнь.

Чего он только не напридумывал про свою жизнь, а все равно ни разу не угадал.

Можно ли было придумать, что вот тут, на этом самом месте, где Сашок лежит сейчас, будет стоять огромный красивый каменный дом с балконами и он в этом доме будет жить. А там, где пасется в кустах их корова Манька, будет самая середина широкой городской улицы и он каждый день будет ходить по ней. И всюду, где он лазал один в лесных зарослях, где собирал чернику и грибы, где косил с отцом нетронутые травы,— всюду будут дома, магазины, площади, скверы, которые он и представить себе не мог, потому что в большом городе ни разу не был. А самое главное, что все это произойдет не без его участия...

И вот ведь еще какое веселое дело: старенький их домик — лесная избушка — будет еще долго стоять в этом большом и красивом городе как память о том, что здесь был когда-то лес.

А так все и вышло...

Однажды в ранние зимние сумерки подъехали к лесной сторожке сани... Какие-то люди постучали в оконце и попросились на ночлег. Утром они сказали, что здесь, в лесу, будут строить большой завод. Им поручено выбрать место.

Отец промолчал. Только вышел на крыльцо и долго молча смотрел на лес. И Сашок понял, как его отец любит лес и как трудно отцу с ним расставаться.

Сашок ведь и сам его любит. Но и люди, приехавшие откуда-то издалека, поселившиеся в их домике, молодые, веселые люди, ему тоже понравились.

●

Обнаружилось, что Пшеничных в Свердловске немного. Все адреса выписаны на отдельный листок. С утра я хожу по одному адресу, другому, третьему и думаю, что скажу Алеше Пшеничному, если найду его. И все размышляю о человеческой славе, известности — к кому и как она приходит.

●

Пока строили «Уралмаш», Сашок вырастал. А как построили его, пошел на завод работать.

Мать сказала:

— «Уралмаш» нас с места стронул, он тебя к месту и пристроит.

Отца к шестнадцати годам у Саши не стало: погиб, защищая лес от пожара.

И стал Саша рабочим человеком.

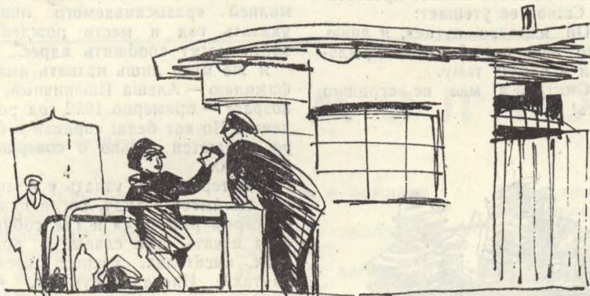
В следующем, 1967 году будет уже тридцать лет, как Александр Иванович работает на «Уралмаше». В одном и том же цехе. Простым рабочим.

Мастер Барков заметил Сашу с первого дня, как тот пришел на завод.

У мальчишки были очень уж внимательные глаза. А когда он встал к зуборезному станку, на удивление всем, быстро научился владеть им.

«Смекалист»,— подумал мастер и, когда кто-то из рабочих ушел в отпуск, перевел мальчишку на другой станок. А Саша через три дня работал на нем лучше, чем прежний хозяин. Красиво, чисто, точно — загляденье просто как работал!

Ему дали третий станок, более хитрый,— он и его приручил. Подвели к четвертому, самому сложному, самому мудреному,— и этот, четвертый, сразу же ему подчинился.

— У этого Храмцова талант,— любил повторять мастер Барков, когда Саша его не слышал.— Самородная жилка редчайшая, доложу я вам.— И поручал ему самую сложную работу.

●

В первые дни войны в военкомат от рабочего Храмцова А. И. поступило заявление: «Прошу послать на фронт». Такие заявления он писал часто. Целый том можно было бы собрать из них.

Но всякий раз он получал один и тот же ответ:

— Ты и сейчас на фронте, рабочий Храмцов. На самом жарком, самом ответственном участке.

«Уралмаш» воевал.

Объясняя провал «молниеносной войны», фашисты писали в своих газетах: «На Урале вдруг поднялся на ноги страшный русский богатырь, который поднял против нас невиданной силы бронированный кулак».

По восемнадцать часов в сутки не останавливал своего станка Храмцов. А работая, все думал, что бы такое изобрести, чтобы давать деталей побольше. Каждый месяц он «что-нибудь такое» изобретал.

Однажды лучшим станочникам цеха поручили новый военный заказ. Деталь была мудреная, и норму — семьдесят штук в смену — все выдавали с великим трудом. Александр Иванович придумал нехитрое приспособление и нарезал за день сто тридцать деталей.

— Да ты понимаешь, что делаешь?! — в сердцах сказал ему Костюков, новичок с ленинградского завода.

— А что?— удивился Александр Иванович.

— Да завтра же норму увеличат до ста тридцати!

В тот день пришло сообщение: погиб Коля Бессолицын. Колька, с которым работали бок о бок и были друзьями...

Александр побелел, но тотчас же овладел собой. И сказал очень тихо:

— Будем давать сто тридцать, сто пятьдесят, двести — столько, сколько потребуется! Понимаешь ты, сырой человек! А еще ленинградец!

«Сырой»,— так говорят о металле, не испытавшем термической обработки. Вслед за Александром Ивановичем так стали говорить на «Уралмаше» о людях нетвердых, не прошедших еще рабочей закалки.

— Рядом с такими становишься человеком,— много лет спустя сказал об Александре Ивановиче Костюков.

●

Рабочий Александр Иванович Храмцов — член Советского правительства. Его на второй срок выбрали депутатом Верховного Совета СССР. На сессиях он сидит в Большом Кремлевском дворце рядом с Юрием Гагариным.

Простой рабочий... Один из тысячи, из многих тысяч рабочих. Человек, никогда в своей жизни не помышлявший о славе.

День от дня он работал у станка, рядом с другими. И все кругом видели, какую любовь, какую энергию, силу умел он вложить в работу. Видели, с какой гордостью носил он свое рабочее звание. Как внимателен к людям: каждому готов сказать доброе слово, помочь, поддержать, поправить...

И когда на «Уралмаше» стали думать, кого послать депутатом в Верховный Совет, все сошлись на одном: Храмцова. Правильный, надежный человек.

О чем думал Александр Иванович, уезжая в Москву на сессию? Нет, он думал совсем не о славе, своей известности: вот, мол, все его знают и посылают на важный государственный пост. Он боялся: сможет ли? Хватит ли ему ума, а тут не просто ум — мудрость нужна государственная, чтобы заниматься самыми главными делами страны.

Об этом он и разговорился однажды с соседом по гостинице, тоже депутатом.

И услышал в ответ слова, которые его немножко успокоили:

— Ты рабочий человек, Храмцов. Вся жизнь твоя в самой рабочей гуще прошла. Вот ты гляди на себя и на других таких же, как ты, может, так думать над государственными проблемами тебе будет полегче.

Идет восьмой год депутатства Александра Ивановича в Верховном Совете.

Мы разговариваем в исполкомовской приемной Александра Ивановича.

— Посмотрите, не узнать нашего «Уралмаша». Целый город вырос вокруг.

И правда: за окнами ряды новеньких многоэтажных домов.

— А вот,— говорит он,— взгляните теперь в мою записную книжку. К концу первого срока депутатства у меня побывало четыре тысячи человек по квартирным делам. Сейчас в десять раз меньше: много легче стало с жильем. А избушка наша стояла вон там на месте нового дома...

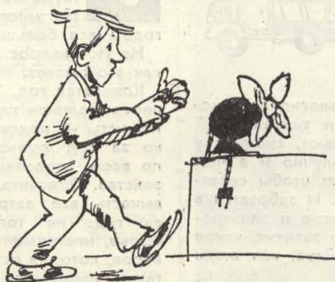
●

Алешу Пшеничного я так и не нашел. Пожалуй, это не такая уж большая беда. Наверное, не только один Алеша — и другие ребята размышляют сейчас над своей будущей жизнью. И кажется мне, что Александр Иванович Храмцов — рабочий, коммунист, государственный человек — своей жизнью, своими делами и Алеше и другим ребятам ответил.

Рисунки Ю. Узбякова.

Что бы такое изобрести? Самолет давно изобретен...

Счетная машина?.. Спутник?.. Вентилятор... Все придумано...

Механический художник? Это, кажется, ново!..

Итак, за работу!

— Внимание! Включаю.

Вот это картина!

РАЗГОВОР ТРЕТИЙ

ДЛЯ ЖИЗНИ СОВСЕМ ХОРОШЕЙ

ХОЗЯЙСТВО

ШАГАМИ ПЯТИЛЕТОК

В прошлых номерах журнала мы рассказывали тебе об удивительно сложной и точной науке — планировании, о том, как рождается план и как он становится законом. Закон о государственном плане принимается Верховным Советом на каждые пять — семь лет жизни нашей страны. Как сказочный богатырь, страна шагами знаменитых пятилеток и семилеток поднялась из разрухи, построила передовую промышленность и не только догнала, но и перегоняет самые богатые капиталистические страны.

Посмотри сам: все страны мира мы обогнали по выпуску тракторов, тепловозов, электровозов, железобетонных конструкций для строек! На первом месте мы и по выработке электроэнергии (до революции Россия занимала восьмое место) и по добыче угля (а были на шестом), больше всех производим сахара, шерстяных тканей. Только США впереди нас по производству станков и химических продуктов.

А вот в чем еще мы перегнали самую передовую страну капиталистов — в производстве велосипедов, мотоциклов, швейных машин, шерстяных тканей...

Когда ученые Госплана подсчитывают, сколько у нас чего производится, где благополучно и в чем мы пока отстаем, забота у них одна: чтобы советский народ жил лучше всех в мире. И заботятся в Госплане о станках и машинах, об угле и электроэнергии именно потому, что от этого зависит, какое у каждой советской семьи будет жилье, как люди будут питаться и одеваться.

ДВЕСТИ КВАРТИР КАЖДЫЙ ЧАС!

Да, да, каждый час в городах нашей страны распахивают двери двести новых квартир — просторных, с газом, ванной, отоплением, с горячей и холодной водой! А в селах — семьдесят новых домов! Вот и получается, что каждый час приносит праздник в десятки семей, а всего за день таких праздников-новоселий справляется около семи тысяч!

Удобные квартиры для всех, хорошее питание, красивая одежда, умный и веселый отдых — вот что нужно, чтобы людям жилось лучше. Об этом и думает Госплан, думают директора фабрик и заводов.

Машиностроители делают станки для текстильных фабрик, а значит, помогают советским людям хорошо одеваться. Тепловозы, пароходы, автомашины перевозят людей на отдых, на экскурсии, к месту работы. Химики создают новые волокна, чтобы утеплить жилье, сделать одежду небывалой красоты и прочности. Колхозы и совхозы заботятся, чтобы советские люди питались все лучше и лучше. Строители готовят жилье, но не забывают и о том, что миллионам ребят надо учиться. Новых школ у нас за последние пять лет построено на шесть миллионов девочек и мальчиков! А детских садов — на полтора миллиона малышей!

КУДА ИДЕТ НАРОДНЫЙ ДОХОД

Откуда же государство берет средства, чтобы так много строить и выпускать с каждым годом все больше и больше товаров для народа?

На этот вопрос нам снова ответят экономисты. Вот как это бывает.

Кончается год. Заводы выполнили, а некоторые и перевыполнили планы! Теперь берутся за дело экономисты — подсчитывают, сколько за год произведено изделий по всем отраслям народного хозяйства. Подсчитали. Теперь надо вычесть все затраты, сделанные за год: на топливо, энергию, сырье, инструменты. Та масса товаров, которая осталась в результате, называется национальным доходом.

Это доход всего народа — то, что за год прибавилось к народному богатству.

Что же теперь делать с нашим общим доходом? Разделить на всех, чтобы каждый истратил свою долю на что захочет? Нет, так поступить нельзя.

Тогда неоткуда было бы взять денег на новые заводы, фабрики, электростанции, школы, больницы, стадионы. А раз мы не хотим остаться без всего этого, значит, никак нельзя «проесть» все, что было создано за год работы.

Поэтому-то весь наш национальный доход делят на две части: одна пойдет на расширение производства, на новое строительство. Это фонд накопления.

ТВОЕЙ СТРАНЫ

А другая — фонд потребления. Она пойдет на выплату зарплаты рабочим и служащим, трудодней колхозникам, стипендий студентам, пенсий и пособий инвалидам и престарелым.

ВСЕМ ПО ТРУДУ

Рабочие строили дома, выпускали новые машины, шили одежду, колхозники растили хлеб. Эти люди и создавали наш доход. Но ведь учителя, врачи, артисты, продавцы тоже делали очень полезное для народа дело: учили детей, лечили больных, обслуживали нас в магазинах и столовых... Значит, и им тоже нужно оплатить их работу, выделить часть общего национального дохода. Как же его поделить? Поровну между всеми? Или кто сколько хочет? Нет, сейчас мы не можем сделать ни того, ни другого: у нас еще есть нехватка некоторых товаров, недостает жилья, поэтому и распределяют фонд потребления по труду. Ты лучше и больше поработал, твоя работа сложнее — получай больше.

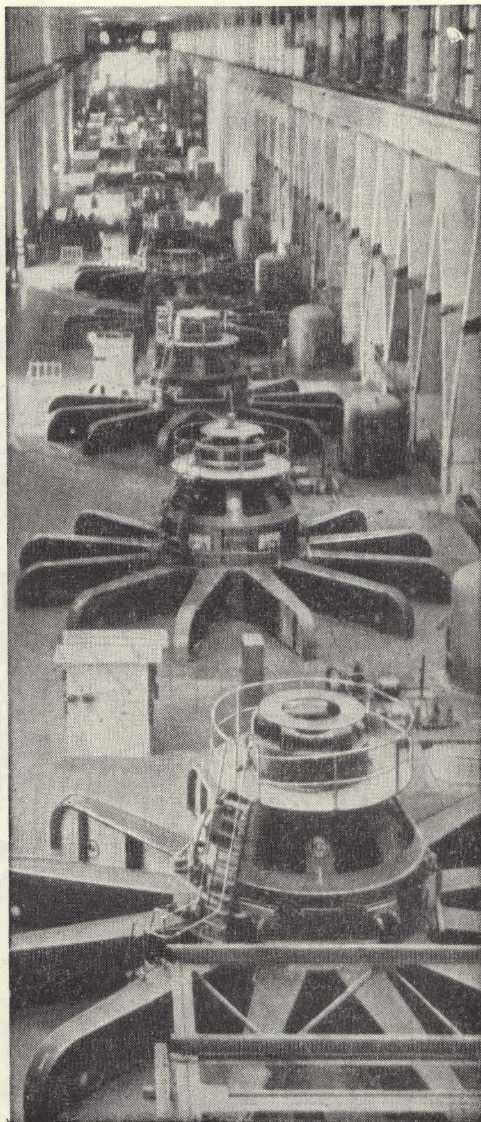
Но по труду делится не весь фонд потребления, а только часть его. Другая часть — для тех, кто не может трудиться по возрасту или по болезни. Из этой части — общественного фонда потребления — выплачиваются пенсии, пособия, стипендии. Из этой же доли фонда потребления берутся средства для содержания больниц, школ, санаториев, стадионов.

В нашей стране и странах народной демократии медицинская помощь бесплатная. Любая семья может лечиться в поликлинике, вызывать врача на дом, а если кто серьезно заболеет, положить его в больницу, не тратя на это ни рубля из своего бюджета. За это платит государство. Государство берет на себя и расходы по обучению детей и взрослых. А в капиталистических странах рабочий должен платить, если он решил повысить свою квалификацию.

ШАГ В БУДУЩЕЕ

Сейчас весь советский народ на пороге новой пятилетки — пятилетки строительства коммунизма. XXIII съезд партии поставит перед страной новые задачи. Советский народ выполнит их: ведь от этого зависит его будущее, счастливая жизнь новых поколений советских людей!

Три самые крупные гидроэлектростанции в мире — это наши электростанции. Две из них на Волге: ГЭС имени В. И. Ленина около города Куйбышева и ГЭС имени XXII съезда под Волгоградом. А третья — самая мощная! — Братская ГЭС на реке Ангаре. Ее мощность достигает почти четырех миллионов киловатт. Перед вами машинный зал этой гигантской ГЭС.

Ты, конечно, знаешь, что недавно коллектив строителей Братской ГЭС награжден орденом Ленина.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ГЕРОЕВ ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ СТРОЙКИ!

Фото Вл. Климова.

КАЖДЫЙ МЕЧТАЕТ О СОБАКЕ

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ Рисунки В. ПЕРЦЕВА.

В тот день, когда началась вся эта путаница, эта история, из-за которой я так прославился в школе, я вышел из дому позже обычного. Все утро я «танцевал» вокруг матери, ждал, когда она скажет мне, где пропадала вчера допоздна. Но она ничего не сказала, и я выскочил из дому, понесся галопом по Арбату. Хорошо еще, что в это время на улице нет дневной толчеи и можно бежать без всяких помех. И никому ты не попадаешь под ноги, и никто не толкает тебя в спину, и машин мало. И даже в воздухе еще не пахнет бензином.

Наша школа находится в переулке. А сам я живу на всемирно известном московском Арбате, рядом с домом, на котором висит серая мраморная доска с указанием, что здесь в 1831 году жил Александр Сергеевич Пушкин. Раньше я пробегал мимо этого дома в день по сто пятьдесят раз и не замечал этой знаменитой надписи. Жил целых тринадцать лет и не замечал. А тут в начале года к нам пришел новый

учитель по литературе и спросил меня как-то, где я живу. Я ему ответил. А он говорит: «Знаю, это рядом с домом Пушкина». Я, как дурачок, переспросил:«Какого Пушкина?» Вроде бы у нас с ним общих знакомых с такой фамилией нет. А он говорит: «Александра Сергеевича... Того самого, главного... Ты, когда сегодня пойдешь домой, сделай одолжение, подыми голову и прочитай на доме 53 надпись на мемориальной доске».

Я потом около этой доски час простоял, глазам своим не верил. И представьте, эту доску повесили еще до моего дня рождения. Полное отсутствие наблюдательности.

А учитель такой симпатичный оказался, настоящий комик, и фамилия у него смешная: Долгоносик Федор Федорович. Сам литератор, а фамилия зоологическая. То есть сначала он мне совсем не показался, потому что у него на каждый случай жизни припасена цитата из классической литературы, и он так ловко приклеивал их к месту. Вот это мне и не понравилось. Что, у него своих слов нет, что ли? Но потом я разобрался, и это мне даже стало нравиться. Он как скажет какую-нибудь цитату, так и поставит точку. Коротко, и объяснять ничего не надо. И еще. Когда он говорил эти цитаты, то волновался, а не просто шпарил наизусть. В общем, настоящий комик. Сам-то он редко смеется, хотя еще довольно молодой и не усталый, а комик в том смысле, что внимательный к нам, к ребятам, и умеет слушать других, и без лишних слов все понимает, и не лезет в душу, если тебе этого не хочется.

Ну, в общем, получилось так, что мы здорово с ним подружились, и я к нему часто забегал, в его «одиночку». Так он называл свою однокомнатную квартирку.

И в этой истории он мне здорово помог, как настоящий друг, а то после скандала с кладом меня прямо поедом ели.

Собственно, все и началось из-за клада.

Нет, все началось из-за Ивана Кулакова.

Нет, все началось, еще раньше, из-за матери...

2

Я бежал до самой школы. Влетел в класс и вдруг увидел: на первой парте в моем ряду сидят сразу двое новеньких: он и она. Парень и девочка.

Парень обыкновенный, а девчонка рыжая-рыжая. Волосы у нее перепутаны. Не голова, а куст смородины. Сидят они и так мило беседуют. Не знаю, как кто, а я люблю, когда появляются новенькие, потому что они пришли неизвестно откуда, и это интересно.

Иду прямо к своему месту, а глаза влево, влево, влево на новичков. И тут ко мне сразу подскочила Ленка Попова. Я насторожился: от нее ничего хорошего не жди.

— Здравствуйте, — пропела она сладким голоском.— С чем пожаловали? — А говорит нарочно громко-громко. Совершенно ясно, что играет на новичков.

«С чем пожаловали?»— какой милый вопросик, просто оригиналка... Мы-то известно, с чем пожаловали: с портфелем, в котором сложены учебники и тетради. А вы-то чего так орете? И тут я вспомнил, что в этом самом портфеле, с которым я только что пожаловал, лежит тетрадка по алгебре с нерешенной задачкой. Достал тетрадь, чтобы решить эту задачу. А Ленка не уходит: вертится и крутится возле меня.

— Хочешь, я тебе дам списать задачку?— заорала она снова на весь класс.

Рыжая оглянулась.

— Хочу! — заорал я в ответ.

Ленка бросилась к своей парте, достала тетрадь и услужливо протянула ее мне. Это было совершенно на нее не похоже. И тут я увидел, что она отрезала косы. Гром и молния! Еще вчера была с косами, а сегодня короткие волосы.

— Ты это что?— спросил я. Просто так спросил из вежливости.

— Ничего.— Притворяется, что ничего особенного не случилось, любит она из себя строить актрису.

— А где косы?

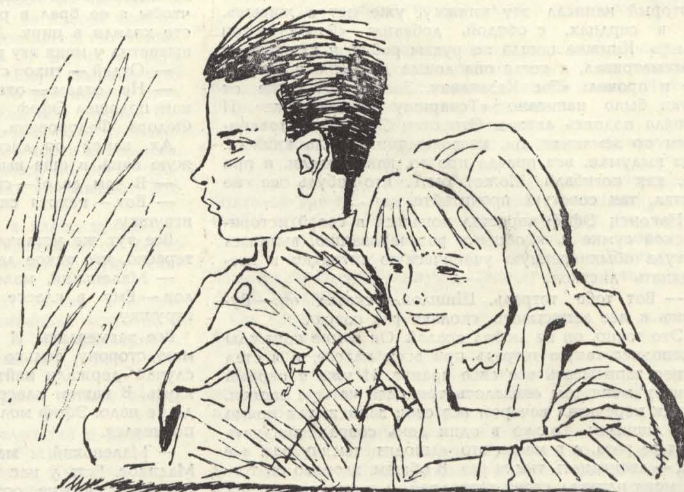
— В век атома и нейлона,— сказала Лена, и опять так громко-громко, чтобы эти новенькие обратили на нее внимание,— косы только мешают.

Конечно, мне было наплевать на ее косы. Девчонка с косами, девчонка без кос не все ли равно, но просто неожиданно все это. Знаешь человека сто лет, как я Ленку, и вдруг он является в совершенно новом виде. И какой-то весь сразу новый, как сейчас Ленка. Тоненькая, длинная шея, маленькие уши торчком.

— Ты их совсем остригла?

— Нет, на время,— сказала она.— Завтра приду с косами.— И засмеялась, что подловила меня.

Я видел, как новая улыбнулась и сказала что-то своему соседу. Видно, ей понравилась острота этой актрисули. Все они одного поля ягоды. Рыжая оглянулась второй раз, и я на нее так посмотрел, что, думаю, у нее надолго отпала охота оглядываться.

На первой парте в моем ряду сидели двое новеньких.

Если захочу, я умею посмотреть — заерзаешь. Хоть она и новенькая, а пускай знает свое место. А ты, Леночка, у меня еще попляшешь, мало я тебя таскал за косы, теперь потаскаю за короткие волосы!

Хотел тут же вернуть ей тетрадь с задачкой. Решил подойти, бросить тетрадь и заорать на весь класс: «Оказывается, я сделал задачку сам...— и добавить: — А без кос, между прочим, ты просто селедка...»

Я уже встал было, но потом передумал. Неохота было связываться.

Тут последняя минута проскочила, точно одна секунда, и зазвенел звонок. Вошел Федор Федорович. Мы его зовем сокращенно. «Эфэф».

Он всегда входит стремительно, точно боится опоздать. Оглядит класс и скажет: «Не будем терять даром времени». Но сегодня у нас урок классного руководства. На этом уроке Эфэф разрешает говорить, что хочешь. Можно даже шутить и нести всякую чепуховину, а можно задавать любые вопросы.

Сразу за Федором Федоровичем в класс влетел Андрей Шишлов, мой сосед по парте.

— Почему ты опять опоздал?— спросил Эфэф.

— Понимаете, Федор Федорович,— сказал Андрей, — задумался и проехал одну лишнюю остановку.

Он притворился, что говорит чистую правду, а на самом деле врал и кривлялся. Таких субчиков в нашем классе сколько угодно.

— Ты же знаешь, Шишлов,— сказал Эфэф,— я не люблю вралей.— Он склонился к своей старой солдатской полевой сумке, которая ему досталась по наследству от отца, и все примолкли и вытянули шеи.

И я вытянул шею: раз Эфэф полез в сумку, значит, будет дело. У него там такие вещички лежат — закачаешься! Он, например, однажды на уроке русского языка, когда всем до чертиков надоели разговоры об однородных членах предложения, просто до тошноты надоели, вытащил из сумки какую-то тоненькую потрепанную книжонку и без всякого предупреждения стал ее читать. Я до сих пор помню, как Эфэф ее читал, без выражения, тихо, однообразно, точно не читал, а рассказывал то, что видел сам. А потом, когда он закончил, то сказал: «Солдата, который написал эту книжку, уже нет в живых». И в сердцах, с обидой, добавил: «Рановато он умер». Книжка пошла по рукам ребят, и каждый ее рассматривал, а когда она дошла до меня, я открыл ее и прочел: «Эм. Казакевич. Звезда». А ниже от руки было написано: «Товарищу по землянке». И стояла подпись автора. Это отец Эфэф был товарищем по землянке. Да, настоящая это была книжка, без выдумки, вся правда про то, как воевали, и про то, как погибали. Может быть, кто-нибудь ее не читал, так советую, прочитайте.

Наконец Эфэф перестал копаться в своей исторической сумке и, к общему разочарованию, вытащил оттуда обыкновенную ученическую тетрадку в двенадцать листков.

— Вот тебе тетрадь, Шишлов,— сказал он.— Будешь в нее записывать, сколько раз соврал.

Это точно, он не любил вралей. Он и мне однажды преподнес такую тетрадь при всем классе, и я стал в нее записывать все свое вранье. И уже в первый день у меня там оказалось тридцать четыре записи. Я как перечитал вечером все свои записи, так прямо сна лишился. Только в один день соврал тридцать четыре раза, а в месяц это выходит тысячу раз, а в год — двенадцать тысяч раз. В общем, здорово он тогда меня напугал своей тетрадкой, и я почти перестал врать. Так, иногда только, по очень сильной необходимости.

— Неплохо выпутался,— сказал Андрей, когда опустился на парту рядом со мной. — Думал, старик, меня не впустит.

Я ничего ему не успел ответить, потому что Эфэф подошел к новеньким и поздоровался с ними. Новенькие встали.

— Как вас величают?— спросил Эфэф.

— Кулаковы,— сказала рыжая.— Его Иван, а меня Тоша.— Она говорила медленно и совсем не волновалась. — Мы брат и сестра.

— Ну, что ж, садитесь, Кулаковы, брат и сестра, надеюсь, мы будем с вами дружить... Брат и сестра, брат и сестра.— У него была привычка повторять то, что ему только что сказали, по нескольку раз.

Я же говорю, комик он, повторяет одни и те же слова, а сам в это время думает, вероятно, про свою сестру или даже про новеньких, и они уже навсегда занимают какое-то место в его голове. Он теперь об этих Кулаковых будет думать, может быть, до самого вечера, хотя еще ничего про них не знает. Он всегда так. Он мне как-то сознался, что любит думать больше про незнакомых, чем про знакомых. Про знакомых все знаешь, а про незнакомых можешь придумать то, что тебе хочется.

Я теперь тоже часто, как он, думаю про незнакомых. Раньше я всегда думал про деда, да про мать, да про свой класс, и все. А теперь я увижу какого-нибудь случайного паренька на улице, какого-нибудь симпатичного великана, вроде этого новенького, Ивана Кулакова, и целый день про него думаю, и представляю, что он стал моим лучшим другом и мне все-все завидуют, потому что такого надежного друга каждому охота иметь.

Я задумался про все это, и представил себя уже лучшим другом новенького, и так задумался, что не заметил, как вытащил из кармана маленькую деревянную лошадку. Детскую игрушку, которую я вчера случайно нашел в письменном столе, когда, поджидая мать, рылся в старых вещах. Люблю я рыться в старых вещах и вспоминать всякую чепуху, которую никогда уже не вернешь. Ей было лет восемь, этой лошадке. Мне ее вырезал отец, после того как мы впервые побывали в цирке. Я до этого ни разу не видел живой лошади, ну вот он мне и вырезал, чтобы я ее брал в руки и вспоминал, как мы вместе ходили в цирк. А тут вдруг Андрей нагнулся и выхватил у меня эту игрушку.

— Отдай,— тихо сказал я.

— Не отдам,— ответил Андрей. В это время к нам подошел Эфэф, и он добавил:— Сиди и слушай Федора Федоровича.

Ах, какой он дисциплинированный! Схватил чужую вещь и еще выставляется.

— В чем дело?— спросил Эфэф.

— Вот,— нехотя сказал Андрей и протянул мою игрушку.

Все тут же уставились на нас, очень им было интересно, что такое держит Эфэф в руках.

— Маленький, маленький мальчик,— сказал Шишлов.— Ему в классе скучно, и он принес с собой игрушку.

Все засмеялись. И новенькие тоже повернулись в мою сторону, только они не засмеялись. На всякий случай держали нейтралитет. А все остальные смеялись. В нашем классе умеют посмеяться, даже когда не надо. Эфэф молча отдал мне лошадку. Он тоже посмеялся.

— Маленький, маленький мальчик! — закричал Маликов. Есть у нас такой Маликов, который всегда повторяет чужие остроты.

Но тут вскочила Зинка Сулоева и сказала:

— Федор Федорович, а Лена остригла косы.

И все сразу переключились на Ленку и забыли про меня. Наконец-то она добилась своего: все-все смотрели на нее. А главное — это Кулаковы!

— В век атома и нейлона романтические косы ни к чему,— выскочил я.— И вообще голову надо развивать, а не завивать.

Я заметил, что Эфэф чуть подобрал губы, он всегда так делает, когда чем-нибудь недоволен.

Он сказал громко и так медленно:

— «Невластны мы в самих себе.
И в молодые наши леты
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе».

Странные стихи. Как это «не властны мы в самих себе...»?

На перемене ко мне подскочила Зинка и своим таинственным, телепатическим голосом прошептала:

— Дай твою руку, и я догадаюсь, о чем ты сейчас думаешь,— и сразу схватила мою руку.

А я, точно по какому-то гипнотическому приказу, подумал об этой рыжей, об этой новенькой. А Зинка — страшный человек. Так, обыкновенная толстуха, но иногда на нее находит, и она угадывает чужие мысли. Или мы в классе спрячем какой-нибудь предмет, а она находит его.

Пришлось довольно грубо вырвать у нее руку. Мне такие таинственные штучки ни к чему, а то еще заорет про эту рыжую...

— А я догадалась и так!— закричала Зинка.

— А чего ты кричишь?— сказал я тихо и спокойно.— Подумаешь...— и добавил многозначительно:— Неизвестно еще, что и как...

— А мне известно, а мне известно!— закричала снова Зинка, уже совсем не телепатическим голосом, захохотала и выскочила из класса.

3

После уроков прибежал наш вожатый, десятиклассник Борис Капустин. Он возится с нами пятый год, еще со второго класса, и все время твердит, что наша компания ему надоела до макушки и что он мечтает поскорее окончить школу, чтобы избавиться от нас. Даже собирался за один год два класса проскочить, да не разрешили. Он в министерство гонял, там тоже оказались консерваторы. И Эфэф за него хлопотал — ничего не помогло. Ему сказали, что «закон есть закон», и точка. А то все начнут прыгать через класс, и во всех школах еще больше будет путаницы. Смешно, как будто все люди одинаковые: ведь одни могут прыгать в год через два класса, а другие — за два года одного класса не могут одолеть, и им учителя с тоской тройки выставляют. Это же ни для кого не секрет.

Ну, в общем, влетел Капустин в класс, прогремел своими железными коробками, которыми он вечно набивает карманы (он в них таскает всякую живность), и заорал:

— Братцы, выберем звеньевых! Только в современном темпе. Как говорят американцы: «стресс» и «тенш», что значит «давление» и «направление»...

Сначала образовали четыре звена. И я попал в четвертое. А потом Борис сказал:

— Всем, кто не попал в первые четыре звена, встать.

Встали Андрей, Лена, Зинка-телепатка и двое новеньких. Неплохая компания подобралась!

Ох, и длинный он оказался, этот Кулаков, черт! На голову выше своей сестры. Посмотрел на меня и улыбнулся. Не кому-нибудь улыбнулся — не Шишлову, не остряку Маликову и даже не расстриге Ленке,— а мне. И я ему, конечно, улыбнулся и встал, как будто я еще не попал ни в какое звено.

— А ты чего встал?— спросил Борис.

Я промолчал. Не скажешь ведь, что, по-моему, Кулаков — хороший парень и я хочу быть с ним в одном звене. Борис внимательно оглядел всех стоящих, понимающе хмыкнул — каждому человеку приятно догадаться — и сказал:

— А звеньевых выберете сами.— Он уже вскочил, чтобы уйти, он уже был на ходу, но что-то грохнуло у него в кармане, и он тут же вытащил здоровую железную коробку из-под монпансье.

Мы окружили его. Он осторожно открыл коробку: там в горстке земли возился какой-то червяк. Довольно противно так извивался. Ленка испуганно взвизгнула, а новенькая, эта рыжая, видно, бойкая на язычок, сказала:

— Обыкновенный дождевой червяк.

— Не червяк, а «лумбрикус террестрис». Интереснейшее существо!

Ну и тип же Капустин! «Интереснейшее существо»!

— А мой папа на таких «лумбрикусов» рыбу ловит,— сказала новенькая и засмеялась. И смех у нее такой ехидный, и глаза издевательски смеются.

Другая бы на ее месте ни слова не произнесла, а она даже на Бориса замахнулась. Борис, тоже размазня, вместо того, чтобы сказать ей какое-нибудь «ласковое» слово и мигом осадить — таких надо сразу осаживать,— смутился и торопливо ушел.

А она посмотрела на меня, и я на всякий случай отвернулся. Попадешь еще ей на язык, сделает из тебя посмешище. Настоящая рыжая бестия!

Когда Борис ушел, мы сели в угол и выбрали по моему предложению звеньевым новичка Ивана Кулакова. Выбрали единогласно, даже слишком единогласно, потому что Ленка подняла за него сразу две руки.

Домой мы возвращались с новеньким. Вблизи он был здорово похож на сестру: такие же блестящие глаза и густая шапка волос. Он налетел на меня, как ураган.

— Ты мне понравился,— сказал он.— Я понимаю тебя: ты мечтаешь! Ты не желаешь, чтобы тебя обманывали, правда? А я уже нашел свою мечту. Вот в чем наше различие, но все равно я предлагаю тебе дружбу.

Он не дал мне вставить ни одного слова. Трещал, как хороший скорострельный пулемет. Бил бронебойными. Ничего себе стрелок, высший класс! И теперь он будет моим лучшим другом.

— Как тебя зовут?— спросил он.

— Юрка,— ответил я.— А по прозвищу Сократик.

— А меня Иван.

Ох, до чего же длинный он был: его подбородок болтался где-то над моей головой! Я отодвинулся, чтобы это было не так заметно. По-моему, он заметил, что я отодвинулся от него, и догадался, почему.

— У тебя неплохой рост,— сказал я.— Пожалуй, возьмут в баскетбольную команду. У нас там все такие жирафы.

Он ничуть не обиделся, что я обозвал его жирафой, и ответил:

— Рост — ерунда. Самое главное — цель в жизни.

Вот это был человек! Я такого еще никогда не встречал, первый за всю мою жизнь и мой лучший друг. Ничего себе, повезло.

— А какая у тебя цель в жизни?— спросил я.

— Я буду любить людей, буду стараться делать для них что-нибудь необыкновенное,— сказал он.— И никогда ничего не просить себе взамен. Как ты думаешь, это выполнимо?

— Не знаю,— ответил я.

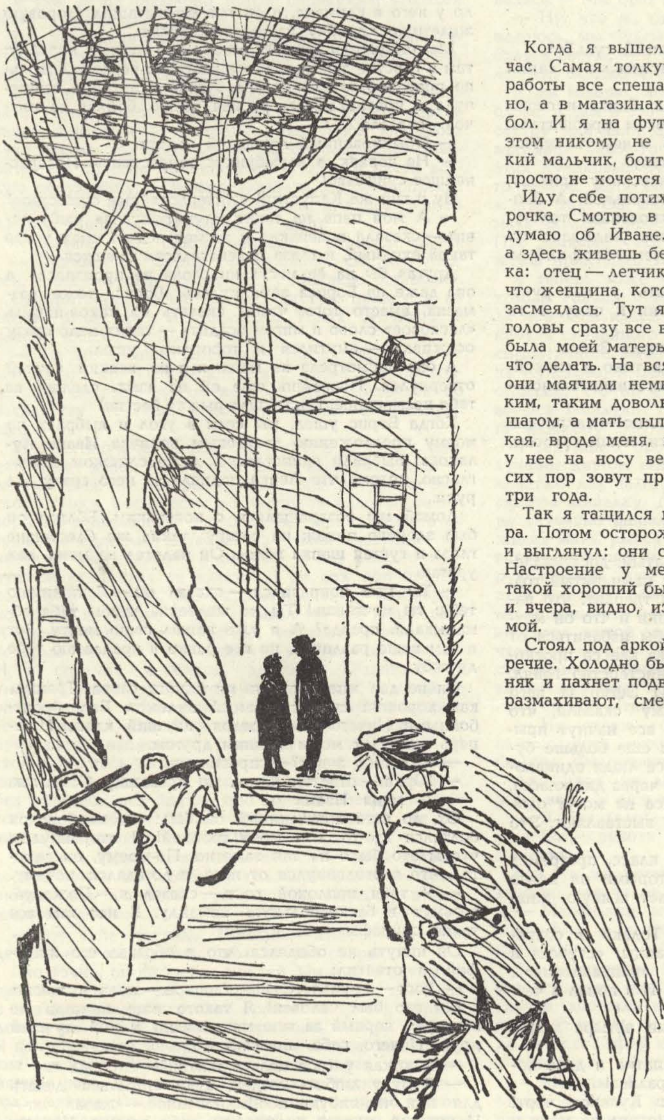
— А я каждый день об этом думаю,— сказал он.— Вот только время медленно тянется. Представляешь, сейчас бы махнуть куда-нибудь на Крайний Север или на Камчатку, на передовое строительство. А нам всего тринадцать. Жди-поджидай у родителей за спиной. Надоело!

— Да,— сказал я.— Ждать не очень-то интересно.— Мне хотелось узнать что-нибудь про его жизнь. Но неудобно было расспрашивать.

Мы остановились около замечательного нового дома в Плотниковом переулке. Это такой роскошный дом, его знает вся Москва, — широченные окна, балконы под навесами. И оказалось, что он жил в этом доме. Прямо не человек, а какой-то волшебник.

— Зайдем,— сказал он.

И я, конечно, согласился. Да и кто вообще бы на моем месте отказался от такого предложения?

Они стояли у подъезда и разговаривали.

4

Когда я вышел от Кулаковых, был уже шестой час. Самая толкучка на Арбате, потому что после работы все спешат домой. Толкаются все беспощадно, а в магазинах, как в метро, когда едут на футбол. И я на футбол не хожу поэтому, только об этом никому не говорю: засмеют, скажут, маленький мальчик, боится, что ему кости обломают. А мне просто не хочется толкаться.

Иду себе потихоньку. Впереди меня какая-то парочка. Смотрю в спины этой милой парочки, а сам думаю об Иване. Здорово у него все продумано, а здесь живешь без всякой цели! И вообще-то семейка: отец — летчик-испытатель. И вдруг я услыхал, что женщина, которая шла впереди меня с мужчиной, засмеялась. Тут я просто остолбенел, и у меня из головы сразу все выскочило, потому что эта женщина была моей матерью. Просто я растерялся и не знал, что делать. На всякий случай решил отстать. Теперь они маячили немного впереди меня: он шел широким, таким довольным, внушительным, размашистым шагом, а мать сыпала рядом с ним. Она тоже маленькая, вроде меня, и худенькая. На девчонку похожа, у нее на носу веснушки. Ее на работе поэтому до сих пор зовут просто Галей, хотя ей уже тридцать три года.

Так я тащился позади них до самого нашего двора. Потом осторожно, следом за ними, вошел в арку и выглянул: они стояли у подъезда и разговаривали. Настроение у меня почему-то сразу испортилось: такой хороший был день — и на тебе, подарочек. Она и вчера, видно, из-за него так поздно вернулась домой.

Стоял под аркой и ждал, когда их покинет красноречие. Холодно было стоять, в этой арке вечно сквозняк и пахнет подвалом. А они там беседуют, руками размахивают, смеются, видно, ударились в воспоминания о детстве. Почему все люди любят вспоминать свое детство и навязывать его другим? Им кажется, что всем это очень интересно.

Но вот он наконец оторвался от моей матери. Она скрылась в подъезде, а он стал быстро приближаться ко мне. Прошел мимо все тем же размашистым шагом, что-то напевая себе под нос. Певец какой, распелся. Не люблю я таких типусов: уж очень он гладкий и аккуратный и шел по двору без всякого любопытства. И мне, между прочим, чуть по носу рукой не съездил, хорошо, я успел отскочить, и даже не посмотрел в мою сторону.

Может быть, я несправедлив к нему, может быть, он замечательный, расчудесный человек, но в прошлом году

маму тоже так один иногда провожал, а потом однажды раздается звонок в дверь. Я открываю, стоит какая-то незнакомая женщина. Высокая, круглолицая, похожая на певицу из хора имени Пятницкого. «У вас нет... его?» — спрашивает так спокойно-спокойно. Но тут я случайно посмотрел на ее руки, вижу, она прямо разрывает свой платок. «Ничего себе спокойная»,— подумал я и сразу догадался, кем она интересуется. «Ты кто, ее сын?» — спросила она. «Сын». «Передай ей,— говорит,— что приходила его жена». И ушла. Ни одного имени не назвала, одними местоимениями обошлась. Хорошо, что матери тогда не было дома. Отец просил меня: береги мать. А как это делать? Неизвестно.

Двор мне показался коротким — не успел опомниться и уже стоял перед нашим подъездом. Ноги мои приросли к месту. Может быть, к тому самому месту, где только что стояла моя мать, где три года назад последний раз прошел мой отец.

И тут меня словно подбросило, подхлестнуло; у меня так бывает: вот не знаю, что делать и как быть, а потом решаю все в один момент. Я принял решение: броситься к моей матери, чтобы рассказать ей про эту женщину, про эту «певицу из хора Пятницкого», которая вот уже целый год скребла мое сердце. На ошибках ведь люди учатся...

И вдруг я почувствовал плечо отца, меня даже качнуло от того, как он резко и неожиданно прижался ко мне плечом. А теперь его рука обняла меня. Так хорошо, когда на плече его рука.

Он часто ко мне приходит. Первое время это было всегда ночью. Встанет, бывало, в самом тесном углу моей комнаты и стоит. Ему там неудобно, потому что он большой и толстый, а он стоит. Сначала я старался от него отделаться, начинал вспоминать какие-нибудь дневные истории или содержание каких-нибудь книг или просто пел про себя. Но это не помогало, и тогда я стал с ним разговаривать, вот как сейчас. Одевал его в военные костюмы — нравился он мне в военном — и развешивал на его груди ордена. Он всю войну был на фронте, и у него было много орденов. Его два ордена Отечественной войны до сих пор хранятся у нас, а два ордена Красного Знамени пришлось отдать в военкомат. Такой порядок. А жалко: мне очень нравились эти ордена.

Он умер три года назад, и все, может быть, думали, что я его забыл, а он, наоборот, за эти три года крепко засел в моей памяти, и не проходило дня, чтобы я его не вспомнил. Вот и сейчас он шел рядом со мной, и его рука приятно грела мне плечо. Какая у него тяжелая рука, это оттого, что он вырос в семье лесорубов, а на войне был артиллеристом. На таких работах рукам некогда отдыхать.

Пойти посидеть с ним в сквер, где играют малыши? Они там здорово пищат, но мне это не мешает думать.

5

Мать сидела около окна и читала книгу. Можно было подумать, что она так сидела уже два часа, а можно было подумать, что она схватилась за книгу, когда услыхала, что я открываю дверь.

— Ты почему так поздно? — спросила она и потрогала пальцами одной руки кончики пальцев другой. Вечно у нее болят кончики пальцев от клавиш машинки.

Я уже хотел ей ответить, что был у Кулаковых, но тут она выскочила вперед и сказала:

— Я волновалась.

Ловко придумала! Сама только что пришла и обо мне-то, может быть, и не вспомнила, а говорит: «Волновалась». Повернулся и пошел мыть в ванную руки. Что-то ведь надо было делать. Пришел в ванную и стал мыть руки, три раза намылил, все старался придумать, как же мне поступить. Ужас, до чего я нерешительный и жалостливый. Я поэтому всегда во все игры проигрываю, в шахматы, например, потому что мне жалко противника. Иногда мне хочется крикнуть ей: «Эй, мама, отзовись, расскажи, какая ты, когда одна, днем или ночью, в темноте о чем ты думаешь? Я ведь уже не маленький». А когда увижу ее, снова про все молчу.

Я не слышал из-за шума воды, как она вошла в ванную. Она выросла передо мной неожиданно и так неожиданно заглянула мне в глаза, что поняла, о чем я думал. Вот бывает так, другой человек посмотрит тебе в глаза и все прочтет в них, — и она прочитала все по моим глазам, но сделала вид, что ничего не поняла.

— Ты голодный? — спросила она, точно это было сейчас самое главное.

— Нет,— ответил я и намылил руки в десятый раз.

Она все еще стояла за моей спиной.

— Мне повезло, получила большую работу на дом. Диссертацию одного молодого ученого. Заработаю деньги и куплю тебе новую лыжную куртку. А то скоро зима.

Видели мы этого молодого ученого! Руки у меня окоченели от воды, и я стал их вытирать. По-моему, было что-то унизительное в том, что она будет печатать его работу, а потом купит мне на эти деньги куртку.

— У меня и старая куртка не такая уж плохая,— сказал я.

Она помолчала, потом прижала кончики пальцев к вискам. Это значит, у нее заболела голова. Я увидел, как на левом виске под ее тоненькими, прозрачными пальцами нетерпеливо билась жилка. У нее даже веснушки на носу побелели.

Мы вернулись в комнату и сели по разным углам. Мы, даже когда ссоримся, все равно сидим в одной комнате. Мама мне говорила, что когда она меня обидит, то моя боль тут же передается ей.

— Гвоздик! — окликнула она меня. Она всегда присваивает мне разные имена, когда у нее хорошее настроение или когда она наперекор всему хочет его сделать хорошим.— Гвоздик, может быть, ты все же расскажешь мне, где ты был и почему ты не хочешь есть?

А вдруг он вправду только отдал ей перепечатать свою диссертацию?

— У Кулаковых я был. Это новенькие из нашего класса. Брат и сестра. Они живут в Плотниковом переулке, в новом доме.— Она слушала меня и чему-то улыбалась. Не понял я, мне она улыбалась или нет.— Мы там под руководством Ирины Тимофеевны, это их мать, жарили мясо. Здорово получилось. А отец у них летчик-испытатель, его дома не было, но его фотографии я видел. У Ивана над столом ими вся стена увешана.

Она снова чему-то улыбнулась. Мне даже захотелось оглянуться, потому что выходило, будто она улыбалась кому-то, кто стоял позади меня. У меня так бывает, например, мне иногда кажется, что я войду в свою комнату, а там сидит отец. Вот и сейчас мне захотелось оглянуться, и я бы оглянулся, но тут хлопнула входная дверь, и в комнату вошел дед.

Он пришел не один, с шофером такси, и они втащили большой картонный ящик. Я сразу узнал, что это за ящик, но все это было настолько неожиданно, что и надеяться боялся.

Наконец шофер ушел, и дед сказал:

— А что вы на это скажете?

Я подошел, развязал веревку, приоткрыл картонный ящик, увидел полированную стенку телевизора и сказал:

— Порядок.

— «Порядок»! — передразнил меня дед. — Какое куцее слово подыскал для выражения чувства восторга и радости!

Мама тоже подбежала к ящику, провела рукой по его гладкой полированной поверхности и сказала:

— Такой дорогой! Спасибо, отец! Теперь мы не будем скучать вечерами. И для Юры это полезно: по телевизору часто идут передачи для детей. А то у Шишловых есть телевизор, и у Поповых, у всех его приятелей, так он может в своем развитии отстать от них.

— Ну, ладно, ладно,— сказал дед.— Где мы поставим сей предмет?

— Вон, в углу. Пока на пол,— сказала мать.— А потом купим маленький столик.— Она с беспокойством посмотрела на деда, какой-то у нее был виноватый вид.— Я взяла на дом работу, перепечатаю, получу деньги и купим столик. А ты, Юра, немного подождешь с курткой? Ладно?

— Могу подождать,— сказал я. Мне было обидно за мать: чего она так перед дедом? — А вообще-то я могу сделать столик сам на уроке труда. У нас Роман Иванович любит, когда мы на уроке что-нибудь делаем для дома.

— Знаю я вашу работу. Один обман,— ответил дед.— На твой столик поставь эту вещь — цена ее сто девяносто рублей! — а твой столик — хряк! — и нет телевизора.

— Мы делаем крепко,— сказал я.— Роман Иванович говорит, у нас золотые руки.

— Золотые руки! Отойди, пожалуйста, от телевизора. Понял? Не ты купил, не тебе ломать.

— А я разве собираюсь ломать?— удивился я.

— Иди, иди, мы вдвоем с матерью все сделаем...

Я повернулся и отошел к окну, пока они там пыхтели около телевизора, вытаскивали его из коробки, ставили в угол и дед проверял лакировку и отделку. «Ну и пусть себе проверяет,— подумал я.— Не знает даже, что проверять».

— Что это ты так вдруг расщедрился?— спросила мать.

— Кто же вас пожалеет, как не я,— сказал дед.— Только ты Юрия предупреди, чтобы он не таскал к нам ребят со двора. Обязательно сломают...

— Конечно. После них разве что лишняя работа,— в тон деду поддакнула мать.— Полы все затопчут...

Мать говорила как-то неуверенно, она ведь была совсем другой, и то, что она сейчас говорила, было против ее воли. Она подлаживалась под деда, старалась ему угодить, и все из-за какого-то телевизора. Плевать мне тысячу раз на этот телевизор! Ни разу к нему не подойду, к этому проклятому телевизору.

Хуже всего, когда человек только для себя. Мне бы сейчас поговорить с дедом, как надо, а я молчу. Знаю, что дед жадный, несправедливый, а прощаю его. Странно это. Чужих осуждаешь, а своим все прощаешь. Вот Иван Кулаков ни за что бы его не простил.

— Эй, Юрий!— крикнул дед.— Подойди помоги.

Я даже не оглянулся.

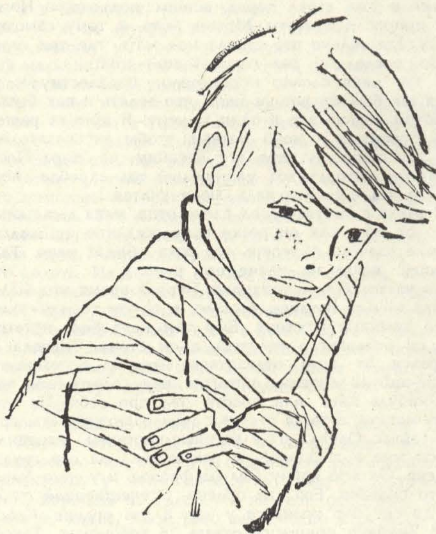
— Кажется, я попал в немилость,— сказал дед.— Они очень чувствительны.

— Юра, будь справедлив к деду,— сказала мать.— Без него мы просто пропали бы.

Не буду прощать. Не буду, не буду. Хотелось сделать себе больно-больно, ударить себя, чтобы можно было заплакать. Прижался лбом к стеклу и надавил изо всех сил: нос приплюснул, и губы прижал, и стал смотреть в окно напротив, где сидели люди и пили чай. Мирно так пили, а потом один вскочил, стал размахивать руками и кричать.

— Эх, молодо-зелено! Ничего, ничего, Галина,— сказал дед. — Я на него не обижаюсь. Вырастет — поймет и меня еще вспомнит добрым словом.

В это время зазвонил телефон, и мама выскочила в коридор. Она о чем-то там долго болтала по телефону, но ничего не было слышно, потому что дед включил свой телевизор и опробовал звук. Он так его опробовал, что от грохота телевизора даже в

Я молча смотрел на нее.

ушах звенело. А потом вернулась мама. Она была в пальто. Узенькое такое пальто из коричневого вельвета. Она его сама шила, а примерку делала по мне. Я еще ни разу не видел ее в пальто.

— Ну, как выглядит твоя старушка, Сережка?— спросила она.

Это теперь у нее на целый день. То Гвоздик, то Сережка, то Лопушок, то Кешка. Ей нравится, что я на все имена откликаюсь.

— Неплохо,— сказал я.

Действительно, ей здорово было к лицу это пальтишко. Она в нем какая-то ненастоящая, какая-то Золушка, какая-то коричневая птичка, и я вдруг подумал, что она это пальто сшила для него. Совершенно ясно, что ей захотелось покрасоваться перед ним, потому что она шила пальто целых два месяца без всякого интереса, а тут в два дня все закончила.

Она подошла к зеркалу, попудрила нос и сказала:

— Я ненадолго.

Дед и я молча посмотрели на нее. Всем все было ясно, но каждый продолжал играть в «кошки-мышки», никто не мог первый сказать правду.

— В магазин,— сказала она.— И еще кое-куда...— Повернулась и быстро вышла.

Я тоже стал одеваться. Дед подошел ко мне.

— Я ненадолго,— сказал я, подражая матери.— К товарищу. И еще кое-куда.

— Не тебе судить мать!— сказал дед.— Мал еще.

Я хотел ему крикнуть в лицо, что нечего врать, но не стал кричать, просто хлопнул дверью и ушел. Хлопнул так, что ему все стало ясно и без слов.

6

Эфэф спрятал толстую, потрепанную тетрадь в стол. Видно, он до моего прихода что-то писал в нее и я ему помешал. Чем он был хорош, так это тем, что никогда не произносил любимой фразы взрослых, которые безумно всегда заняты и желают побыстрее отделаться от нашего брата: «С чем пожаловали, дорогой мой или милый мой?» По-моему, эта фраза никак не годится для начала разговора, она сразу отбивает всякую охоту вообще разговаривать. А у Эфэфа не так. Раз пожаловали, значит, пожаловали. Значит, так надо.

Мы помолчали.

Как всегда, на рубахе у него пуговицы были застегнуты не в те петли, и воротник от этого съехал набок. Нет, он был совсем не «любезный и прекрасный», не то, что наш историк Сергей Сергеевич. Эфэф просто многого не замечал и разговоры обыкновенные вести не умел: там какая погода, дует ветер или не дует или еще какую-нибудь ерунду. Вот не умел он болтать.

— Я сегодня вспомнил свое детство,— вдруг сказал он.— И убедился, к стыду, что ничего не помню. Помню свое общее состояние тревоги за отца или за мать, помню, как волновался, когда сестра поздно возвращалась домой. А какие мы слова при этом говорили, начисто забыл. Обидно. Может быть, и никто слов не помнит? Помню учителя географии, который каждый урок начинал одними и теми же словами: «Прежде всего отложите свои учебники в сторону. Я вам расскажу нечто более интересное, чем там изложено». Потом он вытаскивал тетрадь и начинал читать нам новый урок, где не было ни одного слова из учебника. Об остальных учителях я ничего не помню. Товарищей помню внешне, а себя нет. Никогда не видел себя со стороны. Так вот и с тобой будет: я тебя лучше знаю, чем ты сам себя. Ты в моей памяти останешься таким, как ты сейчас есть: маленький, лохматый, точно тебя кто-то только что сильно обидел и ты после этого долго болтался по переулкам, шлепал по лужам и забрызгал все ботинки, разговаривая сам с собой. В поисках истины, которую не так легко установить. А сам ты себя таким не будешь помнить. Тебе не кажется это удивительным? Если нет,— значит, ты живешь только собой.

— Нет,— сказал я.— Я часто вспоминаю отца.

— Но ты ведь не один такой,— сказал Эфэф.— И я тоже часто вспоминаю отца. Надо учиться понимать страдания других.

Он встал, подошел к полке, взял какую-то книгу и стал читать слова, будто специально написанные для меня:

«Что до матери, то, конечно, я заметил и понял ее прежде всех. Мать была для меня совсем особым существом среди всех прочих, нераздельным с моим собственным, я заметил, почувствовал ее, вероятно, тогда же, когда и себя самого... С матерью связана самая горькая любовь всей моей жизни. Все и все, кого мы любим, есть наша мука,— чего стоит один вечный страх потери любимого! А я с младенчества нес великое бремя моей неизменной любви к ней,— к той, которая, давши мне жизнь, поразила мою душу именно мукой, поразила тем более, что, в силу любви, из коей состояла вся ее душа, была она и воплощенной печалью: сколько слез видел я ребенком на ее глазах, сколько горестных песен слышал из ее уст!»

Когда я вернулся домой, дед уже спал, а матери еще не было. Я сел и стал ее ждать. Походил по комнате, зачем-то попрыгал, поиграл с лошадкой, как трехлетний пацан, привязал к ее шее нитку и таскал по столу. Хуже всего ждать и замирать каждый раз, когда где-то внизу хлопает дверка лифта, и надеяться, что лифт остановится на нашем этаже. Потом покривлялся перед зеркалом. Потом потушил в комнате свет, и смотрел в темный двор, и считал несколько раз до тысячи и один раз до пяти тысяч.

А потом мать наконец пришла, и я, как был одетый, только скинув ботинки, нырнул под одеяло. Она осторожно разделась, подошла ко мне и нагнулась надо мной, и на меня пахнуло свежим воздухом от ее щек и губ. И я уже хотел закричать ей, что она может идти к нему, раз она без него не может жить! А я как-нибудь проживу и один. Но я ничего не закричал, и она, ступая неслышно на носках, прошла в ванную комнату. Я подумал, что она... «горькая любовь всей моей жизни».

7

Теперь, прежде чем открыть дверь класса, я всегда думаю о том, что увижу за первой партой Кулаковых. Ивана, этого необыкновенного человека, моего лучшего друга, и его прямую противоположность — его ехидную сестричку, рыжую бестию Тошку.

Вхожу в класс, а глаза влево, влево, влево. Это у меня рефлекс, даже не хочу косить, а кошу. Я бы мог, конечно, просто подойти к Ивану и все, но мне нравится, когда он на виду у всего класса окликает меня.

Как-то остряк Маликов сострил на мой счет, что я похож на Хлестакова из «Ревизора». Он вытащил «Родную литературу» и стал читать характеристику Хлестакова, что он без царя в голове и модно одет, а все стали хохотать. Но тут Иван подошел к Маликову, выхватил у него книгу и сказал: «Слушай, Маликов, это неблагородно»,— и выразительно положил Маликову руку на плечо. Мне, конечно, плевать на шуточки этого остряка, но все-таки приятно, что Иван за меня заступился.

Значит, иду я прямо, а глаза влево, влево, влево. Но вот Иван увидел меня и окликнул. А я, когда вижу его, всегда почему-то хочу улыбаться.

— Здорово,— говорю и крепко жму ему руку.

— Привет.—Он тоже крепко пожимает мне руку в ответ.

И вдруг эта Тошка, эта рыжая бестия — до сих пор она сидела к нам спиной, — поворачивается и протягивает мне ладошку. У всех на виду! Желает поздороваться. Каково? А сама на меня так нежно и лукаво смотрит и жеманно улыбается. И прическа у нее новая: на макушке бантик, а волосы болтаются до плеч. Взял и тряхнул ее ладошку изо всех сил, чуть не вырвал у нее руку, чтобы в следующий раз не лезла. Она захохотала на весь класс и сказала:

— Сократик у нас самый вежливый мальчик во всем классе. Прямо французский мушкетер граф де Ла Фер.

Я даже покраснел от ее слов.

— Хватит дурачиться! — сказал Иван.

Она презрительно оглядела брата, ловко у нее это получилось: сощурила глаза, ногу на ногу закинула,

чтобы все видели ее капроновые чулки, и отвернулась.

— Вообще-то я за мужскую дружбу! — громко сказал я.

Иван посмотрел на меня круглыми глазами и ответил:

— Я тоже за мужскую дружбу.

Тошка по-прежнему сидела к нам спиной. А спина у нее худющая — по ней хорошо считать, как у скелета. Ну, думаю, позвоночная твоя душа, сейчас я тебя доконаю.

— Мужская дружба — это надежно! — И заметил, что она напряглась, выпрямила спину, и позвонки у нее все пропали. Самое время было уходить, пока она не бросилась в атаку. Но какой-то отчаянный черт крутнулся во мне, и я добавил: — А на девчонок лично мне наплевать, я на них плюю с самой высокой вершины мира.

И тут она ко мне повернулась и при всеобщем внимании сказала:

— «Невластны мы в самих себе.
И в молодые наши леты
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе».

Значит, она запомнила эти стихи, когда их прочитал Эфэф, и теперь намекала, что некоторые мальчишки ругают девчонок, а потом сами же пишут им всякие записочки.

Все девчонки, конечно, захохотали и захлопали ей в ладоши. Ах, как остроумно, ах, как ловко и смело!

— Это, может быть, вы «невластны в самих себе»,— сказал я и, скрестив руки на груди, принял позу нашего любезного историка Сергея Сергеевича. — А мы-то властны.

Дело в том, что все наши девчонки от него без ума, млеют и блеют, как овечки, когда его видят. У них у всех по истории только пятерки. Нет, правда, вы когда-нибудь слышали о классе, в котором учатся семнадцать девчонок и у всех пятерки по истории? Прямо неповторимое историческое чудо. Такого необыкновенного класса не отыскать во всем Советском Союзе и, может быть, даже во всем мире. И эта рыженькая штучка тоже уже успела схватить пятерку.

Девчонки начали нервно хохотать и визжать. А Зинка-телепатка закричала, что сейчас она докажет, что это не совсем так, и сделала несколько шагов в мою сторону. Вот привязалась.

— Уйди ты, надоело,— сказал я.

— Девочки! — заорала Зинка.— Он боится.

И действительно, я боялся, неизвестно, что она могла еще наплести, и самое главное, что девчонки в нашем классе крикливые, они кого хочешь на смех подымут.

— Ребята, ладно,— сказал Иван, нагнулся к нам и прошептал: — Экстренное заседание пятого звена считаю открытым. Сногсшибательная новость.— Мы стояли кружком, как баскетболисты во время перерыва, склонив головы к Ивану.— Если наше звено выйдет на первое место,— продолжал Иван,— то нас всех к Октябрьским праздникам примут в комсомол.

— Вот здорово! — сказал Андрей.

— Здорово! — сказала Тошка совсем уже не жеманным голосом.

— Вырвемся? — спросил Иван.

— Вырвемся,— ответила Ленка.

— Ребята,— жалобно сказала Зинка,— а я сегодня не выучила историю.

— Десять минут тебе достаточно? — спросил Андрей.

— Достаточно,— ответила Зинка.

— Можешь на меня положиться,— сказал Андрей.

Действительно, совсем было бы неплохо вырваться на первое место и вступить в комсомол. Может быть, тогда можно летом вместе со студентами махнуть на целину или организовать хор и рвануть на Сахалин и Камчатку: для комсомольцев все дороги открыты.

Прозвенел звонок на урок истории, и в класс вошел историк Сергей Сергеевич.

— Ну, ребята, держись! — сказал Иван, и все мы разбежались по своим местам.

Сергей Сергеевич сегодня был, как картинка. В новом темно-сером костюме и синем галстуке с какими-то блестящими звездочками. Когда он повернулся ко мне спиной, я увидел, что пиджак у него с двумя длинными разрезами по бокам: писк моды! — и затылок так аккуратно подстрижен, как на фотографиях, которые выставлены в парикмахерских. Вот если бы я был такой! Тогда бы мы с Тошкой поговорили!

— Ребята,— сказал Сергей Сергеевич.— Прежде чем начать урок, я открою вам маленькую тайну...— Он помолчал.— Дело в том, что я пишу диссертацию на тему «Новые методы ведения уроков». Понимаете, многие наши ученые изучают проблемы, как бы вас учить так, чтобы вы побольше знали... Ну, и я вот тоже решил приложить к этому руку,— скромно закончил свою речь Сергей Сергеевич.

— Сергей Сергеевич, можно вопрос? — спросил Андрей. Наш любезный историк кивнул ему головой, и Андрей встал.— Сергей Сергеевич, а как вы относитесь к проблеме обучения во сне?..

Историк стоял возле парты Кулаковых, заложив руки в карманы, и издали был очень похож на доктора Зорге. Тошке, видно, он очень нравился, она прямо ела его глазами.

— Это сложная проблема,— сказал Сергей Сергеевич.— В другой раз, Шишлов.

Андрей сел, и я увидел, что Зинка сделала страшные глаза. Она оглянулась и прошептала: «Я чувствую, что он сейчас вызовет меня». Это уже было опасно. Я встал и сказал:

— А все же, Сергей Сергеевич?

— Я же сказал, что в другой раз. — Сергей Сергеевич чуть повысил голос.

Зинка опять сделала круглые глаза: эта несчастная телепатка никак не могла дочитать до конца заданную страницу.

— И еще одно, ребята,— снова начал Сергей Сергеевич.— У нас на уроке будет присутствовать доцент из Академии педагогических наук Нина Романовна Байкова. Она интересуется моей диссертацией... Так что я на вас надеюсь...

Зинка в ужасе схватилась за свою телепатическую голову. А Сергей Сергеевич подошел к дверям и громко сказал:

— Нина Романовна, пожалуйста!

В дверях появилась — о ужас! — женщина из нашего подъезда. Я чуть не свалился с парты. Я ее знал сто тысяч лет, она жила в нашем доме на первом этаже, я всегда боялся, что мы выбьем ей окно футбольным мячом, и она, высунувшись в окно, очень часто ругала нас и грозила милицией. Мы все встали, и она оглядела класс: пришлось скорчить рожу, чтобы она не узнала меня.

— Здравствуйте, ребята,— сказала Нина Романовна совсем не своим голосом, не сказала, а пропела. Ее-то голос я знаю отлично. Он мне иногда ночью снится, так я тогда просто соскакиваю с кровати, чтобы куда-нибудь подальше убежать.— Садитесь, садитесь.— Она скромно прошла к последней парте и с трудом, смущенно улыбаясь, втиснулась в парту.

Мы замерли... Урок начался... Сергей Сергеевич склонился к классному журналу и стал шарить гла-

зами, кого бы вызвать. Видно, он колебался, ему совсем не хотелось ударить лицом в грязь, чтобы подорвать свою диссертацию «Новые методы ведения уроков». Наконец он поднял голову и сказал:

— Сулоева.

Зинка медленно встала, оглянулась на меня и гордо пошла к доске. А я чуть не упал с парты: это же надо, это ли не телепатия в действии, чтение чужих мыслей на расстоянии! Все-таки, я всегда был прав, когда держался от нее подальше: этак она все тайное в одну минуту сделает явным. Ее бы в разведчики, она просто пропадает в школе.

— Сулоева,— сказал Сергей Сергеевич,— расскажи нам про поход Суворова через Альпы... Как всегда, совершенно не обязательно, чтобы ты говорила только по учебнику... Свободно, свободно преподноси материал...

И вдруг Зинка, та самая Зинка, которая только что клялась нам, что ничего не знает и умирала от страха, затараторила, как хорошо заряженный автомат: «та-та-та» — очередь по представительнице из Академии педагогических наук, «та-та-та» — снова очередь. Ох, эти девчонки! Она рассказала и про Альпы, и попутно про самые высокие вершины этих расчудесных, распрекрасных гор, и про знаменитых альпинистов, которые штурмовали Монблан, и даже сколько этих храбрых альпинистов погибло, и, конечно, про суворовский поход...

Сергей Сергеевич улыбался... Вот что значит свободно преподносить материал, вот она, новая система в действии! И Иван улыбался: наше звено начинало вырываться на первое место.

Я скосил глаза на «представительницу». Она была довольна ответом, она даже улыбалась, на моих глазах впервые в жизни: значит, оценила нашу Зиночку.

А Зина тем временем опустила долу глаза, как какая-нибудь царевна морская, и прошла к своему месту.

— От лица нашего звена,— прошептал Шишлов,— объявляю благодарность...

— Чудаки,— тихо ответила Зинка.— Я ведь ничегошеньки не знала... Просто прочитала мысли Сергея Сергеевича...

У меня прямо зубы щелкнули от неожиданности, а Андрей с великим сожалением сказал:

— Везет же некоторым...

— Прекратите разговоры,— необычно строго сказал Сергей Сергеевич и снова стал шарить по спискам ребят, но я теперь был спокоен: я знал, что все эти «списки» — просто искусный суворовский маневр. Совершенно ясно было, что он вызовет зубрилу Маликова. Когда Маликов отвечает, то можно прослушать все с начала до конца и уже не открывать учебника, потому что он прямо по учебнику шпарит. А Сергей Сергеевич продолжал напряженно искать, кого бы вызвать, но вот он поднял глаза...

— Маликов,— тихо прошептал я.

Я тоже был неплохой телепат. Сергей Сергеевич услышал, что я прошептал фамилию «Маликов», но притворился, будто не понял.

— Ты что там шепчешь, Палеолог?— строго спросил он.

— Ничего,— ответил я.

— Маликов,— вызвал Сергей Сергеевич.

Маликов бодрым шагом вышел к доске. У Маликова голова была круглая, как ядро от старинных пушек-мортир, какая-то историко-археологическая голова, и лицо у него было круглое и глаза круглые.

— Скажи мне, Маликов, чем прославил Россию Суворов?— спросил Сергей Сергеевич.

Теперь надо было внимательно слушать, потому что я урок не очень-то хорошо выучил, а при помощи Маликова можно слегка укрепить свои позиции.

— Во второй половине восемнадцатого века прославился русский полководец А. В. Суворов,— процитировал Маликов.— Многими своими успехами обязана ему Россия. Он не потерпел ни одного поражения и выиграл все сражения, в которых участвовал...

— Хорошо, хорошо,— перебил его Сергей Сергеевич.— Достаточно... А теперь расскажи нам о Ломоносове...

И Маликов начал, не вздохнув:

— Михаил Васильевич Ломоносов родился в 1711 году в деревне близ города Холмогоры.

Тут я вспомнил фильм «Сережа» и вспомнил, как мальчишка, герой этого фильма, орал, когда родители уезжали в эти самые Холмогоры, а его оставляли на старом месте. Он так жалобно орал: «Хочу в Холмогоры, хочу в Холмогоры...» Мальчишка был беленький, симпатичный... И тут я совсем забыл про Маликова и вспомнил пацана из нашего двора, который вместо буквы «д» говорит букву «г». Однажды я его застал в подъезде, когда он дрался с кошкой, и говорю ему: «Нашел с кем драться». А он мне в ответ: «Гля кого кошка, а гля меня тигр».

— Все возбуждало пытливую любознательность маленького Ломоносова: северное сияние, льдины, с шумом и грохотом сталкивающиеся между собой, морской прилив и отлив. Мальчик жадно хотел учиться, а учиться было негде.

До чего же этот Маликов трещал, у меня голова кружилась! Может, в его словах ничего такого дурацкого и не было, но оттого, что он так шпарил по книге, противно было слушать. Андрей рядом со мной зевал так, что мог проглотить Сергея Сергеевича, «представительницу» и за компанию Маликова. Вот тогда-то наступила бы тишина.

— С большим трудом достал он книги, очень обрадовался.— Это опять был Маликов.— Когда добыл учебник — грамматику и арифметику, жадно читал их и перечитывал...

Ох, до чего же великий Михайло Ломоносов был жадный до всего: жадно хотел учиться, жадно читал и перечитывал учебники!

— Достаточно,— сказал Сергей Сергеевич. Потом он галантно повернулся к «представительнице» и спросил:— Нина Романовна, может быть, у вас будет какой-нибудь вопрос к Маликову?

Нина Романовна задумалась, а мы все уставились на нее: неужели она будет так жестока?

— Скажите мне, Маликов,— у нее был такой милый голос, просто нежнейший, тоненький голосок,— когда был основан город Петербург, нынешний Ленинград?

— Только свободнее, свободнее, Маликов,— попросил Сергей Сергеевич.

И вот тут-то Маликов дал на полную железку:

— На Заячьем острове, близ правого берега Невы, в мае 1703 года заложили по чертежу Петра I Петропавловскую крепость. Около этой крепости на болотистых берегах Невы Петр решил основать новую столицу государства.

И думал он,—

вдруг завыл Маликов стихами,—

Отсель грозить мы будет шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.

Так писал Пушкин об основании Петербурга в своей поэме «Медный всадник». Новая столица была основана в 1703 году и названа городом Петра — Петербургом. Позже она стала называться Санкт-Петербургом, или просто Петербургом. «Санкт» озна-

чает «святой». Точный перевод названия Санкт-Петербург — святой Петра город.

— Отлично, Маликов,— сказал Сергей Сергеевич.— У вас будут еще вопросы, Нина Романовна? Нет? Садись, Маликов.

И когда Маликов бодрым, солдатским шагом прошел к своему месту, началось самое главное. Сергей Сергеевич возбужденно ходил по классу, поворачиваясь то к одному, то к другому ученику, и быстро говорил:

— Смирнова, какую-нибудь детальку про Суворова.

— Суворов очень любил простую солдатскую пищу,— сказала Смирнова.— Особенно гречневую кашу...

— Кулакова?

— Тяжело в учении, легко в бою.— Она, по-моему, улыбнулась Сергею Сергеевичу. Эти девчонки из-за него готовы были идти на эшафот.

— Матвеева?

— Русак не трусак!

— Коршунов?

— Вы орлы, вы чудо-богатыри! — так любил говорить солдатам Суворов.

Ребята рвались отвечать, каждому хотелось легко и просто отличиться, каждому охота было покрасоваться: сказал три или четыре слова — и сразу в умниках... Сергей Сергеевич улыбался: урок проходил на славу... Он был как ловкий кукольник: дернет за веревочку — кукла вскакивает и говорит именно то, что надо кукольнику... И тут он тыкнул в меня, я вскочил, и все стали смотреть мне в рот, и эта «представительница» тоже. А у меня в голове вдруг неизвестно откуда стала вертеться фраза «ненавистница футбола». Я даже испугался, что она у меня сама по себе выскочит и обидит ее, потому что, может быть, если бы под моими окнами каждый день играли в футбол, так я бы тоже таким голосом заорал, как громкоговоритель, или завыл бы сиреной, как «Скорая помощь»...

— Ну?— сказал Сергей Сергеевич и посмотрел на меня жалобными глазами: мол, не подведи, эксперимент погубишь...

А у меня в голове была какая-то поговорка Суворова: «Смелого штык не берет, смелого пуля боится»,— но мне вдруг показались эти слова до обидного глупыми и несправедливыми. Сколько храбрых людей погибло, а здесь вдруг такая поговорка! Суворов, конечно, ее никогда не придумывал...

— Суворов,— сказал я.— Суворов...— В голове завертелось, и я напрочь забыл все про Суворова. Если бы меня сейчас спросили, кто такой Суворов, то я бы вообще ничего не ответил или сказал бы какую-нибудь чушь. И тут я вспомнил такую картинку: в большой железной клетке везут человека — это Пугачев... А рядом гарцует на коне офицер — это Суворов, и я сказал:— Суворов привез в железной клетке Пугачева.— Потом мне этого показалось мало, и я добавил:— Чтобы казнить его на Лобном месте в Москве...

И вдруг в классе наступила мертвая тишина, будто я сказал что-то ужасное, будто я оклеветал человека, и все теперь не знают, как им поступить со мной. Первым нашелся Сергей Сергеевич.

— Так,— сказал он.— Этот случай был в жизни Суворова... Мрачный случай.. Он потом переживал его всю жизнь... История наша не любит фальсификации... Суворов тогда был молод, неопытен. Так. Ну, а что ты еще знаешь о Суворове? О полководце, народном герое, гордости русского народа?..

Я промолчал. Не хотелось почему-то ничего говорить, язык перестал ворочаться.

— О походе через Альпы?

. . . .

— О взятии Измаила?

. . . .

— О взятии Константинополя?

. . . .

— Я вынужден буду тебе поставить двойку,— сказал Сергей Сергеевич и четким шагом подошел к учительскому столу и влепил мне двойку.

И наше звено благодаря мне шарахнулось на последнее место. Я покосился на «представительницу», она что-то писала в толстую тетрадь. Потом подняла глаза, и наши взгляды встретились. По-моему, она меня узнала, потому что на секунду она превратилась в «ненавистницу футбола». А когда она проходила мимо меня, даже укоризненно покачала головой. Определенно узнала. Теперь разнесет по всему двору. Но это все было ерундой по сравнению с тем, что случилось дальше...

Не успела захлопнуться дверь за Сергеем Сергеевичем и его спутницей, как Иван заорал на весь класс:

— Эх ты, шляпа... Всех подвел...

Честно, этого я не ожидал. Подошел бы и высказал мне все потихоньку, а то орет на весь класс. Он бы еще на всю школу заорал. Все, конечно, уставились на меня, и те, кто собирался выйти в коридор, повернули оглобли обратно. Любят у нас скандальчики.

— Иван, ты потише можешь?— попросил я.— Я тебе потом все объясню.

— Да ты, Иван, не волнуйся,— сказал Шишлов.— Он исправит.

Тоже мне защитник нашелся. Я его толкнул локтем, чтобы не лез в чужие дела. А все смотрели на меня. Тошка, та прямо развернулась в мою сторону и рот открыла от удивления. Против ее Ивана — ах, ах, ах!..

— И не подумаю исправлять,— сказал я, а сам подмигнул Ивану: мол, успокойся, все я исправлю.

— Нет, вы слышите! — возмутился Иван. Его словно подменили.— Подвел все звено и еще хорохорится! Да мы тебя всем коллективом...

— Но я ведь правду сказал про Суворова, а он придрался,— сказал я.

— Ну и что,— сказал Иван.— Кто тебя за язык тянул при посторонних?

— Выходит так, что на правде далеко не уедешь,— сказал я.

— Что?— переспросил Иван.— Ребята, видали вы этого правдолюбца?

И все-все уставились на меня, а я не могу, когда на меня сразу смотрит столько глаз. Мне тогда даже знакомые глаза кажутся чужими.

— Да бросьте, ребята,— сказал я.— Иван, да я... да я... Завтра исправлю эту двойку. Ребята, я же не хотел. Ребята! — Я захохотал, решил превратить все в шутку, хохотал прямо до слез, а они смотрели на меня по-прежнему чужими глазами.

— Вот тогда и поговорим,— сказал Иван и вышел из класса. Следом за ним и другие вышли из класса, а Маликов, когда проходил мимо меня, крикнул мне в ухо: «Привет правдолюбцу!»

8

После уроков я первым выскочил во двор, чтобы перехватить Ивана и объяснить ему все без посторонних, признать свою вину, раз он так хочет. Хотя в общем-то ведь я правду сказал, но если Иван настаивает,— пожалуйста. Выскочил, сел на скамейку и стал ждать.

Наконец толпа ребят схлынула, прошли все наши: и Андрей, и Зинка, и Тошка,— а потом только появился Иван. Но он был не один. К нему пристала Ленка Попова. Сижу, жду, когда он от нее отделается. А он скользнул глазами мимо меня, и прошел, и что-то ей рассказывает, рассказывает, а она идет с ним рядом и размахивает своей новенькой синей сумкой на длинном ремне. Видно, считает, что очень у нее это красиво получается.

Я подумал, что Иван меня не заметил, и крикнул:

— Эй, Иван!

Он оглянулся, но даже и не подумал меня подождать. Ленка тоже оглянулась. И они пошли дальше. А сам говорил: «Я твой лучший друг. Я за мужскую дружбу»...

И тут меня догнал Эфэф.

Я шел за ними до угла. Надо все же поговорить. На углу Ленка и Иван должны были разойтись. Иван пойдет прямо к своему дому, а Ленка свернет налево. Но на углу они не остановились, а оба свернули налево.

И тут меня нагнал Эфэф. На улице он совсем не такой, как в классе. В классе он какой-то громкий и уверенный, а на улице превращается в обыкновенного человека, небольшого роста, худенького. И пальто у него старое, вроде моего, и кепка со сломанным козырьком. Он, конечно, великолепно видел, кто шел впереди нас, видел эту стриженую Ленку Попову с ее распрекрасной синей сумкой, и Ивана Кулакова, который всеми силами старался ее развеселить. Ничего не скажешь, здорово получилось: только вчера я ему расписывал, какая у нас надежная дружба с Иваном, а сегодня он видит эту любопытную картину.

Мы шли с ним молча по переулку. А сзади нас плелся какой-то гражданин с любознательным сынком, вроде «почемучки». Сынок говорил: «А по какой улице мы идем?» А он отвечал: «По Сивцеву Овражку»,— и рассказывал, что раньше, давным-давно, еще при царе Горохе, здесь не было улиц, а был «овражек». А неподалеку от него стоял дом купца Сивы. Врал вовсю, хотя стоило ему поднять голову, и он увидел бы табличку, на которой было написано, что эта улица называется не Сивцев Овражек, а Сивцев Вражек. В общем, «всезнайка»-папа был вроде меня, такой же наблюдательный. И вдруг Эфэф как-то непонятно стремительно взметнулся, подскочил к «всезнайке»-папе и говорит:

— Зачем вы говорите своему сыну неправду?— Лицо у него стало жесткое, незнакомое мне.— Прочитайте, как называется эта улица. Овражек, или «вражек», тут действительно был, но никакого Сивы не было, а протекала река Сивка.

А папа тогда крикнул:

— Иди, иди, а то сдам в милицию. Нализался!

Я видел, как у Эфэфа дрожали руки.

— Вот так и начинается вранье на всю жизнь,— сказал он.— Родители плетут детям, дети вырастают и плетут своим детям. А во вранье вырастают люди, которые легко могут обмануть и в большом деле.

Ленка и Иван все еще маячили впереди нас.

— Что ты такой печальный?— спросил Эфэф.

— Я? Наоборот, я очень веселый.

— Незаметно.

— А у меня внутренний смех.

— Внутренний смех всегда печальный,— сказал Эфэф.— Это я по себе знаю. Если меня кто-нибудь обидит, то я, чтобы заглушить обиду, начинаю смеяться над собой.

— И помогает?— спросил я.

— Нет. Не помогает,— сказал он и вдруг добавил:— А женщины... женщины так же, впрочем, как и мужчины, бывают иногда очень плохими: трусливыми, подлыми, плохими товарищами, но чаще, даже почти всегда, бывают прекрасными. Нежными, умными, преданными.

Он замолчал. Мне показалось, что он не просто так замолчал, а от собственных слов, что-то вспомнил. Какую-нибудь прекрасную, нежную, умную и преданную. Я внимательно посмотрел на него. Он смутился и как-то необычно улыбнулся, ясно, что я отгадал.

— А что ты скажешь о женах декабристов?— торопливо спросил Эфэф.

Нечего сказать, сравнил: жена, например, декабриста Трубецкого, которая за своим мужем на каторгу, и вдруг Ленка Попова. Стриженая штучка с модной сумочкой, фик-фок на один бок, школьная актрисуля для первоклашек — «Зайка-серенький, зайка-беленький пошел прогуляться в лесочек»— и Трубецкая?

— При чем тут жены декабристов?— возмутился я.

— А при том,— ответил Эфэф.— Ты подумай и сам догадаешься, при чем...—Он повернулся и, не попрощавшись, ушел.

Ох, до чего тошно стало! Сразу, как по заказу, вспомнилось все самое плохое. Вспомнил, как дед вчера опять весь вечер орал про свою доброту и про нашу бестолковость и грозился нам с матерью показать, как надо жить. Мне даже хотелось подойти и треснуть по его телевизору, так он мне надоел со своей добротой.

Незаметно для себя я свернул на Ленкину улицу, и теперь они, милые голубки, сизокрылый голубь Иван и пестрокрылая голубка Елена, прыгали у меня перед глазами. Он шел степенно, все же хватало

выдержки. А она, от радости, что ли, крутила свою сумку, как крутит молот перед броском олимпийский чемпион Ромуальд Клим. Честное слово, она отнимет у него рекорд.

Эх, Иван, Иван... Такой пустяк не можешь простить товарищу. Да если ты только пожелаешь, завтра же получу по истории пятерку. Я просто стану биографом Суворова и в лучшем виде опишу все его подвиги во славу родины. А если хочешь, я завтра же извинюсь перед Сергеем Сергеевичем и буду до конца моих школьных дней лучшим его учеником. Лучше, чем эти влюбленные визжалки. В конце концов, я даже не возражаю против Ленки. Она совсем неплохой человек, и я ее знаю уже семь лет. Она даже как-то со мной и с моим отцом ходила в зоопарк, и она потеряла там свои варежки, и руки у нее от холода стали красными-красными. И тогда я отдал ей свои варежки, хотя без варежек мне было холодно. Честно, отдал. А на большом пальце в моих варежках была дырка, и она все время высовывала в эту дырку палец, и мы хохотали. А потом я заболел скарлатиной, и Ленка каждый день приходила к нашим дверям и что-нибудь оставляла для меня. Оставила машину «ЗИЛ-110». Привязала к дверной ручке. Потом лото. А потом она принесла и бросила в почтовый ящик две книги: сказки Андерсена и «Голубую чашку» Гайдара.

Хорошие были книги, жалко их было сжигать, когда я поправился. Но отец сказал, что это необходимо, а то придут ко мне ребята в гости, возьмут эти книги в руки и заболеют. Когда книги горели, я все думал не про бумагу, которая факелом пылала в тазу, а про людей, что жили в этих книгах. Они были для меня как живые, поэтому мне было жалко эти книги.

Теперь я шел совсем один. Ленка и Иван куда-то свернули, и все люди пропали, и я шел по переулку совсем один.

9

Когда я осторожно, бесшумно открыл дверь, чтобы войти в нашу квартиру, то сразу же услышал чей-то чужой голос, который довольно громко рассказывал маме какую-то смешную историю. Он, можно сказать, не рассказывал, а прямо орал, и мама хохотала. Потом я увидел на вешалке его пальто. Тогда я хлопнул дверью посильнее, и смех сразу оборвался, точно дверь, которой я так трахнул, прищемила им языки.

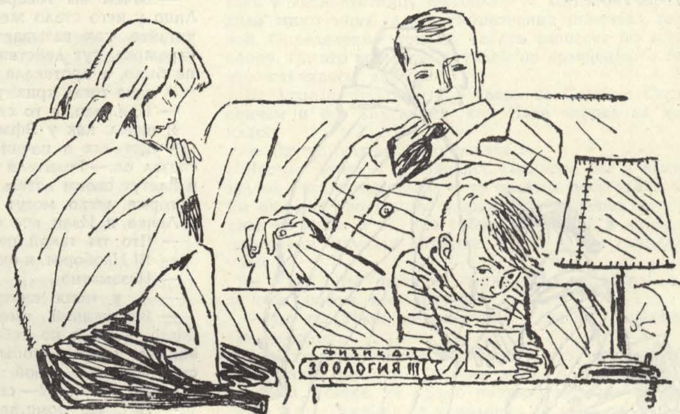
Ко мне навстречу вылетела мама. Она была в летнем голубом платье, видно, считала его самым нарядным, хотя оно было и не по сезону.

— А, наконец-то,— сказала мама.— Явление второе, те же и Сократик.

Она схватила меня за руку и хотела тут же втащить в комнату, чтобы представить этому великому герцогу. Но я вырвался и пошел мыть руки. Одним ухом я прислушивался к словам, которые доносились из комнаты. Они там продолжали хихикать, правда, не так громко. Всему миру было понятно, хоть мама и сказала мне «ах, наконец-то», что в этой комнате смеха третий был лишний. Но я вытер руки и пошел в комнату. Еще неизвестно, кто лишний, может быть, этим третьим окажусь не я, а кое-кто другой...

Он сидел на диване, положив ногу на ногу. Волосы у него были совсем седые, но лицо не старое, а нос широкий, придавленный, без переносицы, как у боксера. В общем, он был совсем не красавец, и непонятно, почему мать влюбилась в него. При моем появлении он почему-то вскочил и вытянулся, как солдат перед генералом, по струнке, и протянул мне руку.

— Меня зовут Геннадий Павлович,— раздельно сказал он.

Я вытащил фотографию из альбома.

А я промолчал: ему моя биография и так, видно, известна во всех подробностях. Когда я родился, когда произнес первое слово и какой я был хорошенький в младенческом возрасте. Так что не к чему распространяться.

— Есть хочешь?— спросила мама. От волнения она даже как-то заикнулась.

— Нет,— гордо ответил я и прошел к своему столу. Сел к ним спиной и стал медленно вытаскивать из ящика стола учебники, хотя уроки совсем не хотелось делать. Достал физику и бросил ее с лету на стол — она треснулась, но не очень. Тогда я достал литературу, поднял ее повыше и шмякнул на стол — она потолще истории и треснулась посильнее. А за моей спиной наступила тишина. Можно было подумать, что они разговаривают по азбуке глухонемых. Заранее изучили эту азбуку, чтобы специально разговаривать за моей спиной.

— Сократик,— услышал я наконец голос матери, он донесся откуда-то с другого конца земли.— Мы тебе не будем мешать, если Геннадий Павлович мне немного подиктует?

— Пожалуйста,— сказал я и шлепнул по столу самым тяжелым учебником. Это уже был настоящий взрыв.

Он что-то потихоньку начал читать ей про коров и про удои молока, про жирность молока и про телят...

А я встал и пошел к телефону, чтобы они не думали, что мне очень интересны их разговоры. Позвонил Ивану. Но к телефону подошел какой-то мужчина, видно, сам знаменитый летчик, и пришлось

повесить трубку. Тогда я позвонил Ленке Поповой, может быть, она мне скажет что-нибудь об Иване. А может быть, она даже проговорится, что Иван переживал ссору со мной.

Она подлетела к телефону и сказала взрослым голосом: «Да, говорите». Если бы я не знал эту стриженую штучку, то подумал бы, что ей лет двадцать.

— Привет, — сказал я. — Это я.

— Ты?— Она замолчала. Я не хотел ее разыгрывать, но сразу понял, что она приняла меня за Ивана, потому что на всей земле только он один теперь и существовал.

— Я,— ответил.— Представляешь, мне уже звонил этот балбес Сократик.

Она помолчала, потом сказала:

— Знаешь что, ты из меня дурочку не сделаешь. Я тебя сразу узнала. Нечего меня разыгрывать.

— А я тебя и не думал разыгрывать, — сказал я.— Ну, что там Иван говорил про меня?

— А что ты у меня спрашиваешь? — сказала она. — У него и спроси.

Ах, какая она гордая, уже задается. В это время я услышал, что мамина машинка перестала стучать, и сказал нарочно громко, почти закричал в трубку:

— Ленка, а ты не знаешь, как по-латыни будет «корова»?

— Чего, чего?— не поняла Ленка.— Ты что, совсем-совсем?

Я, не попрощавшись, повесил трубку, вернулся в комнату и стал ждать, когда же он уйдет. По-моему, я довольно ясно высказался, когда спросил у Ленки про корову. Но он сидел, как у себя дома, и не думал уходить. А мне захотелось есть. Только признаться в этом я боялся, а то еще как бы мама, чего доброго, и его не пригласила. Будет у нас тогда милый семейный чай и разговоры про погоду, про то, как я учусь, и про то, что наше сельское хозяйство по-прежнему отстает, — так сказать, разговор по специальности.

Я посмотрел на учебники, которые валялись на столе, и мне очень захотелось снова поднять их и с треском бросить на стол. Но я все же утерпел: жалко было мать. Чтобы как-то успокоиться, стал перебирать марки. Потом полез в стол и натолкнулся на альбом с фотографиями. Достал его и стал листать. На первой странице альбома фотографии папы и мамы. Папа совсем молодой, на петлицах у него два квадратика, эти петлицы и квадратики носили еще до войны. А мама на фотографии совсем девочка, школьница. Под фотографиями рукой отца написано: «1941 год». У нас фотографии в альбоме все по годам разложены. Потом я стал листать дальше и увидел маму постарше и совсем еще нестарого деда. Под фотографией стоял сорок третий год. А потом я увидел ту знаменитую фотографию отца, где он стоит у подбитого фашистского танка. Он улыбается, видно, доволен, но лицо у него усталое, и глаза усталые, и он небритый. И тут я услышал его голос и понял, как мне его не хватает. Я вытащил фотографию из альбома и кнопками прикрепил к стене над столом. Пусть висит, пусть я буду его видеть каждый день. И мать пусть его видит, может быть, тогда она поймет, что поступает, как предатель.

Я почувствовал, что этот стоит позади меня, я так увлекся, что не слышал, как он подошел ко мне. Хотел что-то, видно, сказать, наладить со мной контакт, но натолкнулся глазами на фотографию отца и проглотил язык. Он долго-долго смотрел на фотографию, а потом сказал:

— Тигр.

Я промолчал, нечего было мне с ним пускаться в разговоры.

— Немецкий танк марки «тигр», — сказал он.

А я снова промолчал.

Тогда он наконец понял, что он здесь лишний, попрощался и ушел. И мы остались одни. И тогда она подошла и включила телевизор, как будто это было сейчас самое нужное, а по телевизору передавали передачу для маленьких «Спокойной ночи, малыши».

— Ты что, не хочешь, чтобы Геннадий Павлович к нам приходил?— спросила она вдруг.

Она повернулась ко мне, загородив телевизор, и из-за ее спины кто-то противным голосом пел, что всем-всем детям пора спать. Она, видно, ждала, что я ей отвечу. А я промолчал, потому что это и так было понятно.

— Нет, ты ответь мне, почему?

В это время в дверь позвонили. Я открыл. Передо мной стояла Зинка Сулоева. Она и раньше ко мне приходила, и я к ней иногда захаживал, но сейчас я ее совсем не ожидал.

— Добрый вечер, Сократик.— До чего она была вежлива, уму непостижимо.— Можно мне пройти?— спросила она.

Я все еще стоял в дверях, загораживая ей дорогу. Все еще думал о матери и просто не совсем понимал, что делал.

— Проходи,— сказал я.

Когда она снимала пальто, мимо нас проскочила мама. Зинка даже не успела с ней как следует поздороваться. Закричала свое «здравствуйте» ей в спину и удивленно, изучающе посмотрела на меня.

— Чрезвычайный и полномочный посланник! — крикнул я почему-то.— Из компании Кулаковых и прочих рекордсменов.

— Ничего подобного,— сказала она.— Я пришла по собственной инициативе.

— Чрезвычайный и полномочный инициатор! — крикнул я.

Я только и делал, что выживал сегодня всех из дома: сначала Геннадия Павловича, теперь Зинку. У меня столько стало тайных дел, что просто ужас взял. И мне вдруг захотелось закричать ей в лицо и про Ивана и про мать, чтобы мне не надо было притворяться перед ней, что у меня все просто и замечательно.

— Хватит тебе строить из себя дурачка,— сказала Зинка.— Нам надо выходить на первое место.

— Чрезвычайный и полномочный первоместник! — крикнул я.

— Что с тобой?— спросила Зинка и вышколенным телепатическим движением взяла меня за руку, задумалась.

— Чрезвычайный и полномочный телепат! — крикнул я.

— Ничего ты не понимаешь, Сократик,— сказала Зинка.— Ты страшный человек.

Меня ударили ее слова по сердцу, и я подумал, что, может быть, я действительно не все понимаю...

Потом я немного успокоился, и мы долго учили историю. А мать несколько раз входила в комнату, и я видел, что она приготовила целую речь в защиту Геннадия Павловича и только ждет, когда уйдет Зинка.

Но я нарочно пошел провожать Зинку, чтобы не разговаривать с матерью. Всю дорогу Зинка вела себя как-то странно. Она шла рядом со мной и величественно молчала. Потом она попросила меня, чтобы я понес ее портфельчик. Я взял у нее портфельчик, с портфельчиком даже лучше, когда размахиваешь им на ходу, чуть-чуть веселее делается. Проводил Зинку до ее дома и поплелся к себе, медленно, чтобы не прийти раньше деда, а в голове

у меня прыгали какие-то слова про Суворова. Я теперь про него все знал не хуже Маликова, и если бы я был поэтом, то написал бы сейчас про него историко-географическую поэму. Вот бы тогда Сергей Сергеевич меня похвалил, и Иван бы остался доволен, вообще тогда я бы стал первым человеком в классе!

Когда я стоял и ждал лифта, из своих дверей вышла «представительница» Нина Романовна. Видно, она шла в магазин, потому что чей-то цыплячий голос крикнул из-за двери: «Мамочка, купи мне мороженое за двадцать восемь копеек». Мне совсем не хотелось с ней встречаться, но лифт, как назло, кто-то задержал. Повернулся к ней и вежливо сказал:

— Здрасте!

— А, это ты, герой! Добрый вечер, — сказала она иронически и остановилась.— Ну, что же ты думаешь делать дальше?

— Ничего,— ответил я. Лифт освободился, и я нажал кнопку вызова.

— Ничего?— переспросила она и попробовала прикрыть свою дверь, но я увидел, как кто-то высунул в щель нос облупленного ботинка.— Казя, пусти дверь, простудишься.

Казя отпустила дверь, потом незаметно снова открыла ее.

— Так ты говоришь «ничего»? Ты заметил, что вы, ребята, очень любите говорить: «не знаю», «ничего», «за меня не беспокойся» и так далее? А на самом деле вы все прекрасно знаете: за вашим «ничего» кроется элементарное упрямство.

Совершенно было ясно, что она никуда не спешит. Нет опаснее таких людей. Тут пришел лифт, и я открыл дверь.

— Исправлю двойку, — сказал я.

Мало мне было учителей в школе, так теперь на мою бедную голову еще появилась «представительница» Академии педагогических наук.

— По-моему, ты неглупый парень и должен понять, что этого мало.

Кто-то крикнул сверху, чтобы закрыли дверь лифта, и лифт снова укатил от меня.

— А что же еще надо?— спросил я.

— Главное, надо, чтобы ты ощутил, осознал собственную вину,— сказала она.

— Так я же правду сказал про Суворова! — возмутился я.

— Правда правде рознь,— сказала она.

Вот этого я уже не мог понять. Тут Казя высунула свою цыплячью мордочку, увешанную бантами, и пропищала:

— Мамочка, купи мне мороженое за двадцать восемь копеек.

— Казя, закрой сейчас же дверь... Ты же знаешь, что мороженого тебе нельзя.

— Нет, купи, купи, купи!— заныла Казя.

— Хорошо, куплю, только закрой сейчас же дверь,— сказала «представительница».

Казя закрыла дверь, а она посмотрела на меня и как-то виновато сказала:

— Эти маленькие дети хуже взрослых... А над моими словами ты подумай.

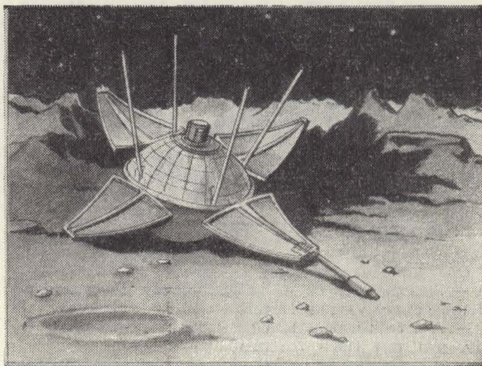
На этом мы разошлись.

Дома мама и дед пили чай. Мама тут же налила стакан чаю мне и тихо сказала:

— Садись пей чай.

Я сел и стал пить чай, а прямо передо мной висела фотография моего отца. И я почувствовал по взгляду матери, по ее спокойному голосу, что я добился победы.

(Продолжение в следующем номере.)

«Луна-9» на Луне.

Под ногами Луна

Ф. Ю. ЗИГЕЛЬ

Когда-то мир первобытного человека ограничивался окрестностями его пещеры. Мир древнего европейца кончался за Геркулесовыми столбами. Современный человек почувствовал себя Гражданином Космоса и уверенно выходит из своей космической колыбели.

Осваивая Космос, человечество приобретет, говоря словами Циолковского, «бездну могущества», и счастливое коммунистическое общество будущего изберет местом своего обитания не только нашу матушку-Землю, но всю Солнечную систему.

Кто рискнет сейчас утверждать, что это беспочвенные фантазии?

Луна — первое из небесных тел на пути расселения человечества в околосолнечном пространстве. Это мир, в котором будут жить наши потомки. Воображение легко перенесет нас в будущее и поможет наглядно представить себя в роли селенитов — обитателей Луны.

Итак, под ногами Луна! Над головой черное звездное небо, усеянное тысячами немерцающих звезд, висящий в небе мутноватый (из-за атмосферы) ущербный «глобус» — наша Земля и там же — нестерпимо яркое, косматое Солнце.

Но что под ногами? Каков «лунит» — вещество поверхностных слоев Луны?

Теперь, после успешной мягкой посадки «Луны-9», можно с уверенностью утверждать, что ни космический корабль, ни космонавты не утонут, как предполагали раньше некоторые ученые, в глубоком океане пыли.

Под ногами твердая, хотя и хрупкая, темно-серая, со слабым коричневатым оттенком лунная порода, по строению (но не по составу) напоминающая земную пемзу. Этот ноздреватый поверхностный слой Луны — результат «обработки» Луны метеоритами. Мириады метеоритов ударялись (и ударяются) со скоростью в десятки километров в секунду о лунную поверхность, буквально взрываясь при этом. В результате образуется спекшаяся пленка комбинированного состава: что́ вошло в нее от метеоритов, что́ от коренных лунных пород—определить нелегко.

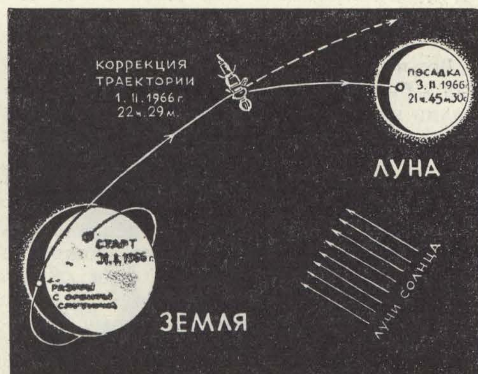
Внутренние процессы сыграли также немалую роль в формировании поверхности Луны. Эти силы воздвигли высочайшие горные хребты, опустили дно

лунных «морей», залили лавовыми потоками обширные пространства.

Если, оглядевшись, мы задумали совершить прогулку по Луне, будем осторожны. Нас поджидают глубокие трещины шириной в километры и длиной подчас в сотни километров, отвесные обрывы, остроконечные горные вершины.

Нигде вокруг нет и следов той приглаженности рельефа, которая так характерна для Земли. Разрушительная работа воды и ветра здесь всегда отсутствовала, и рельеф предстает перед нами во всей своей первозданной красоте.

Держитесь, альпинисты! Вам придется штурмовать голые вершины высотой более девяти километров

Вот какой путь проделала «Луна-9».

или опускаться на шесть-семь километров в глубь лунных кратеров.

Геологи, или, точнее, селенологи! Будьте внимательны: вас ждут важные открытия! Прогнозы указывают на обилие в поверхностных слоях Луны тяжелых включений — полезных ископаемых. А в лунных трещинах или под полушариями так называемых лунных куполов есть шансы найти лед — ценнейшую в условиях Луны воду!

Не зевайте и биологи, точнее, астробиологи! Недаром полеты на Луну сопровождаются строжайшей стерилизацией, как самая сложная хирургическая операция. Мы боимся заразить Луну земной жизнью, потому что рассчитываем встретить на Луне свою, местную жизнь, пусть в простейших формах.

Стоит ли говорить, что и физики, и химики, и многие другие специалисты мечтают очутиться в роли селенитов! Работы там для всех — непочатый край!

Уже сейчас, буквально сегодня, можно было бы создать международный Проектный лунный институт, что-нибудь вроде Главлунпроекта. Проблем и тем предостаточно! Давно уже разработаны и обсуждаются сотни проектов лунных жилищ, лунных дорог, лунных автомобилей, лунных реактивных вертолетов.

Если собрать все эти проекты и осуществить их на Луне, получился бы вполне обжитой мир, филиал нашей планеты! Прикрытые лунными горами жилища и города, которым не страшна метеоритная бомбардировка и вредоносные солнечные излучения,— как заманчиво выглядят (пока в проекте) эти будущие обиталища наших близких потомков!

...Разведаны и используются лунные недра, проложены лунные трассы, солнечные и атомные установки добывают обитателям Луны колоссальные количества энергии. Астрономические обсерватории, физические и химические лаборатории, густая сеть своеобразных космических научных учреждений сплошь покрыли Луну. Регулярные рейсы лунолетов связывают Землю с ее филиалом столь же прочно, как современные авиалинии — разные страны. Покоренная Луна — вот что видится в тумане ближайших десятилетий!

...Не будем, однако, увлекаться! Сегодня, в 1966 году, сделан пока лишь первый шаг на пути к заветной цели. Первая лунная обсерватория прочно стоит на Луне!

Прошлогодний полет Беляева и Леонова — первая попытка активных действий космонавта вне корабля в безвоздушном пространстве. Такие действия понадобятся в будущем при стыковке космических кораблей на орбите для обмена экипажами, для монтажных и строительных работ в пространстве между Землей и Луной и, наконец, для создания больших орбитальных заправочных станций для будущих лунных ракет.

Такой путь к Луне, по-видимому, самый короткий. Непосредственный запуск с Земли на Луну пассажирской лунной ракеты представляется ныне задачей гораздо более сложной, чем запуск лунной ракеты с большого искусственного спутника Земли.

Мы знаем, придет время, космонавты увидят Луну не на небе, а у себя под ногами!

Не на Земле, а на Луне,
На дне сухого океана
Стоит, поблескивая странно,
Корабль, который снится мне.

Мне чудится, что это я
Во сне, теряя равновесье,
Морозной ночью февраля
Лечу, как пуля, в поднебесье
В скорлупке хрупкой корабля
И что последние известья
Вещает обо мне Земля...

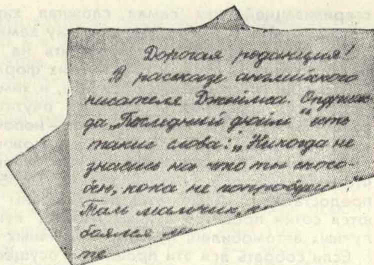
На дне сухого океана,
Не на Земле, а на Луне,
Корабль, который снится мне,
Стоит, поблескивая странно.

С. ФЕДОРОВ

Рисунок Н. Доброхотовой.

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

Дорогая редакция! В рассказе английского писателя Джеймса Олдриджа „Последний дюйм" есть такие слова: „Никогда не знаешь на что ты способен, пока не попробуешь". Там мальчик, который боялся ...

В рассказе английского писателя Джеймса Олдриджа «Последний дюйм» есть такие слова: «Никогда не знаешь, на что ты способен, пока не попробуешь». Там мальчик, который боялся летать на самолете, сам сумел довести самолет до аэродрома, когда его отец из-за ран не мог управлять самолетом.

Мне очень понравился этот рассказ и все другие рассказы из сборника «Последний дюйм».

Но я хочу рассказать вот о чем. Один раз, это было летом, мы с ребятами купались у недостроенного моста. Один рабочий попросил нас принести ему с берега ящик с инструментами. Никто не согласился, потому что надо было пройти по узкому бревну.

Я прошел по нему, хотя бревно было на высоте двадцати или тридцати метров от воды и пройти по нему нужно было метров восемь.

Но обратно я не мог вернуться, потому что у меня заболела нога. Пришлось возвращаться кружным путем. Ребята стали говорить: «Струсил, струсил!» — хотя никто из них не осмелился повторить мое путешествие. Прошло уже много времени, а я все думаю: может, я и правда струсил? Но ведь просьбу дяди Миши я все-таки выполнил.

Дима Добролюбов,
г. Москва,
603-я школа, 6 класс «А».

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

Нам, Дима, твои раздумья кажутся серьезными. Разумеется, ты не спасовал, когда надо было сделать дело, которое требовало смелости. Порой сам не знаешь, на какую отвагу способен, если твоя помощь кому-то очень нужна. Но давай признаемся себе, что нога вдруг начинает болеть, когда хочешь, чтобы она заболела. Может быть, и на этот раз было так?

Советуем тебе и всем читателям «Пионера» прочитать рассказ Джеймса Олдриджа, который написан писателем по просьбе журнала. Надеемся, он послужит ответом на твои сомнения.

Через реку

Джеймс ОЛДРИДЖ

Вот что однажды случилось со мной, когда я был мальчиком. Я жил тогда в Австралии на берегу большой реки, быстрой и полноводной зимой, а летом медленной и узкой.

Для нас, мальчиков, лето начиналось тогда, когда мы могли переплыть на противоположный берег реки. Но переплывать ее слишком рано было опасно: можно не справиться с течением, а если ждать слишком долго, то кто-нибудь другой мог переплыть речку первым. Поэтому в конце весны мы все каждый день ходили на берег смотреть на реку: не уменьшилась ли скорость течения? И трудно ли с ним справиться? Конечно, доплыв до противоположного берега, нужно еще плыть обратно, иначе придется пять часов идти пешком, чтобы попасть домой через мост, расположенный выше по течению.

В тот год, когда мне исполнилось двенадцать лет, я решил первым переплыть реку. Весна была на исходе, и по пути в школу я всякий раз сворачивал к реке и вечером после уроков снова шел на берег и присматривался к течению.

Внимательно наблюдая за рекой, я заметил одну любопытную вещь. Под водой был затопленный островок, который разбивал течение на два потока: один очень быстрый, а другой замедлялся и потом даже, по существу, поворачивал назад. И я понял, что если смогу доплыть до середины реки, до этого бокового течения, то все остальное будет легко.

Итак, однажды в субботу я отважился попытаться переплыть реку гораздо раньше, чем обычно.

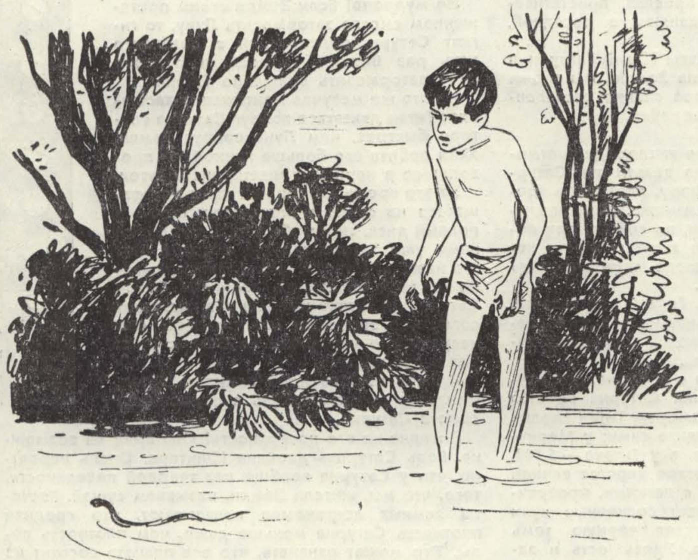
Я уже был тогда хорошим пловцом и сначала поплыл совсем спокойно, не чувствуя никакой опасности, пока не добрался до быстрины. Здесь я опустил голову в воду и поплыл со всей скоростью, на которую был способен. Через пять минут,

еще не проплыв и полпути, я уже выбился из сил, а повернуть назад было нельзя: меня снесло бы на несколько миль вниз.

Но я рассчитывал, что, когда доберусь до бокового течения, оно легко перенесет меня к противоположному берегу. Так и случилось, и я вылез на берег, торжествующий, хотя и обессиленный.

Однако я тут же понял, что совершил ошибку. Боковое течение помогло мне переплыть реку, но оно не поможет вернуться. А раз так — вся моя затея напрасна.

Я вошел в боковое течение и попытался

плыть. Река буквально вытолкнула меня назад. Переплыть реку обратно было невозможно.

Множество людей могло видеть меня сейчас из окон своих домов, расположенных неподалеку от берега, и, должно быть, они считали меня глупцом,— я попытался так рано переплыть реку только для того, чтобы «установить рекорд», однако для рекорда-то ведь нужно вернуться обратно, а как раз этого-то я и не мог сделать.

Я пошел вдоль реки, высматривая другое боковое течение, у противоположного берега, которое смогло бы помочь мне переплыть реку. Берег был топким, вязким, идти было так трудно, что куда легче оказалось шагать по воде, даже против течения.

Стало смеркаться. Внезапно я увидел маленькую водяную змейку, она преспокойно переплывала реку. Я внимательно смотрел, где и как она плывет, а когда змейка добралась до середины реки, я последовал за ней.

Конечно, я был не столь ловок в воде, как змейка, да вдобавок к этому времени уже почти совсем стемнело. Одним словом, я ни на что не рассчитывал, разве только на счастливый случай. Добравшись примерно до середины реки, я почувствовал, что не могу преодолеть остаток пути. И тогда я повторил то, что делала змейка: дождался, когда течение снесет меня к извилине реки, и тут поплыл изо всех сил.

Мне казалось, что плыву я уже несколько часов, и я изумился и отчаянно обрадовался, когда моя нога коснулась дна.

Я переплыл реку, я победил!

Но я никому не рассказал об этом: ведь я знал, что никогда не смогу этого повторить, и чувствовал себя скорее глупцом, чем рекордсменом. Поэтому, когда через несколько недель один из моих приятелей переплыл реку в «первый раз», мне было и печально и радостно.

Когда я вспоминаю этот день, то всегда думаю о космонавтах, потому что проблема состоит не только в том, чтобы попасть в космос, но и безопасно добраться назад, не только достичь Луны, но и живыми вернуться на Землю.

Для меня это был хороший урок — урок не осторожности, а точного учета всех возможностей, и когда мне в жизни предстояло переплывать другие «реки», я всегда старался быть уверенным, что смогу вернуться назад и не попаду в катастрофу или в глупое положение.

Перевел с английского Г. Шведов.

КОСМИЧЕСКИЙ РЕЙС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

МЫ ЛЕТИМ К САТУРНУ!

УЖЕ НЕ МЕЧТА, УЖЕ РЕАЛЬНОСТЬ — СОВЕТСКАЯ КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ «ЛУНА-9» МЯГКО КОСНУЛАСЬ КАМЕНИСТОЙ СУШИ ОКЕАНА БУРЬ! «ЛУНА-9» ПРИСТАЛЬНО РАССМОТРЕЛА ЛУННЫЙ ЛАНДШАФТ И РАССКАЗАЛА О НЕМ ЗЕМЛЯНАМ. НО ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ МЕЧТА, ОНА ВСЕГДА ЛЕТИТ ДАЛЬШЕ ВОЗМОЖНОГО! НАШ ВООБРАЖАЕМЫЙ КОСМОЛЕТ БЕРЕТ СЕГОДНЯ КУРС НА САТУРН!

Десять лет, как корабль «Пионер» покинул Землю.

Во всех отсеках пронзительно завыли сирены, объявляя готовность номер один. По местам! Полулежа в противоперегрузочных креслах, пристегиваемся ремнями. Автоматы, управляющие посадкой, уже включены.

Как когда-то первые космонавты Юрий Гагарин и Герман Титов при возвращении на Землю, мы видим сквозь иллюминаторы голубоватое сияние раскаленных газов, обтекающих корпус корабля.

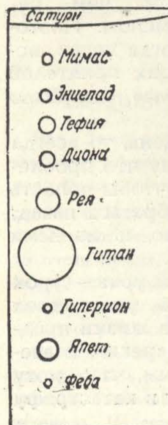
Трение об атмосферу!

Да! Только это не живительная кислородная атмосфера Земли. Самая большая из девяти лун Сатурна — Титан — тоже имеет атмосферу, плотную и ядовитую атмосферу из метана и аммиака. Нам, землянам, она не годится для дыхания, но сейчас, при посадке, служит хорошую службу: гасит скорость корабля. Только на последнем этапе «приземления» включатся тормозные двигатели.

Вот они уже начали работать. Глухой рев газовых струй... Почти непереносимая вибрация, пронизывающая и корабль и все, что в нем... Свинцовая тяжесть отрицательного ускорения...

Наконец, толчок и тишина. Все в порядке. Мы опустились на планету. Этот спутник Сатурна хочется называть планетой: по своим размерам Титан вполне мог бы быть в ранге планет. Судите сами: у Меркурия диаметр — 4 720 километров, а у Титана — 5 500.

Нас окружает холодное и мертвое царство вечной зимы. Зеленоватое небо Титана с легкими, прозрачными облачками днем рассеивает солнечные лучи и смягчает черную темь космоса. Здесь есть и закаты и утренние зори, здесь ночью звезды мерцают, как на Земле, и в их призрачном свете искрятся глыбы льда и снежные сугробы. Можно бы подумать, что мы где-то в Антарктиде, если бы в небе не висел золотистый шар Сатурна, перечеркнутый серебряной полоской кольца.

Вот сравнительные размеры спутников Сатурна. Над ними край его диска.

Сатурн всегда неподвижен на небе Титана, и для каждого места он на определенной высоте над горизонтом. Так же, как Земля на небе Луны. Это означает, что у Титана время полного оборота вокруг оси равно времени обращения по орбите и что он всегда повернут к Сатурну одним и тем же полушарием.

Не мудрено! Если Земля своим притяжением смогла затормозить Луну, то гигант Сатурн, обладающий в девяносто пять раз большей массой, и подавно смог затормозить вращение Титана.

Но это же могучее притяжение заставляет Титан двигаться вокруг Сатурна впятеро быстрее, чем Луна вокруг Земли. Хотя орбита его больше лунной, он проходит ее в неполных шестнадцать суток.

За это время Сатурн на глазах превращается из серпа в полумесяц, потом в полный диск, снова убывает, и вот перед нами уже затененная его сторона. Как это назвать! Новосатурние! Одновременно с этой последней, «ночной» фазой Сатурна на Титане каждый раз наступает солнечное затмение. Так что здесь оно несравненно чаще, чем на Земле: один раз в две недели.

Однако настала пора покидать Титан. Нам еще предстоит путь в окрестности самого Сатурна.

Посадка на его поверхность! Она вряд ли возможна. Ведь Сатурн — двойник Юпитера. Очень вероятно, что у Сатурна вообще нет твердой поверхности, того, что мы, жители Земли, называем сушей. Расчеты земных астрономов показывают, что средняя плотность Сатурна меньше даже, чем плотность воды. Это может означать, что вся планета состоит из газов, что эти газы, постепенно уплотняясь от верхних слоев к нижним, где-то в глубине под давлением в сотни тысяч атмосфер становятся жидкими, а еще дальше к центру, где давление в миллионы атмосфер, они переходят в металлическое состояние и образуют твердое, упругое ядро.

Попасть в плен к Сатурну — значит утонуть в нем, проваливаясь в его недра, пока не будешь раздавлен.

Наша задача — подойти к кольцам Сатурна, исследовать их, а потом отсюда, с расстояния в четыре тысячи раз меньшего, чем от Земли, вести наблюдения над планетой-великаном: ловить ее радиоизлучение, нащупывать локаторами поверхность, если она есть, исследовать ее инфракрасными лучами, проникающими сквозь облачную толщу.

Рисунок вверху страницы показывает, как для наблюдателя с Земли меняется наклон колец на протяжении шестнадцати лет.

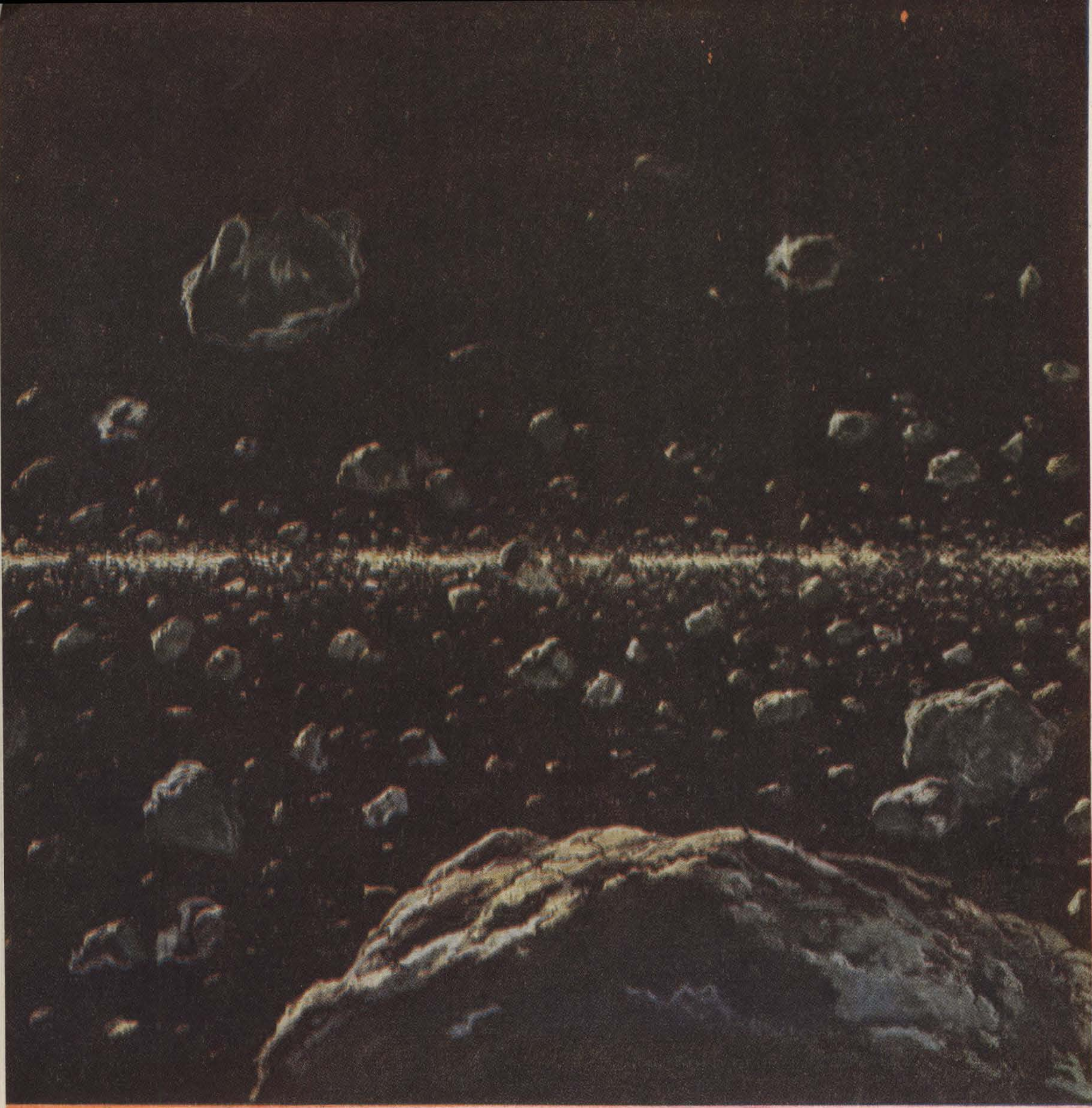
...Итак, мы снова в полете. Одну за другой пересекаем орбиты спутников Сатурна, находящихся ближе к нему.

Рея и Диона плывут мимо нас голубовато-серебряными шарами. Тефия в виде узкого серпа блестит слева от Сатурна, чуть над краем кольца. Энцелад и Мимас скрыты за диском планеты. Впрочем, они успевают вынырнуть из-за него прежде, чем мы достигнем цели: у Энцелада период обращения чуть больше суток, у Мимаса — всего двадцать два часа.

Сатурн — величественный, огромный — все ближе. Уже взглядом нельзя охватить его кольца. Светлой чертой они перечеркнули не только диск планеты, но и все небесное полушарие, сколько хватает глаз.

Чаще и чаще локаторы корабля поднимают тревогу, предупреждая о метеоритах. Это уже сказывается близость колец. Ведь кольца не имеют четкой и строгой границы ни снаружи, ни изнутри.

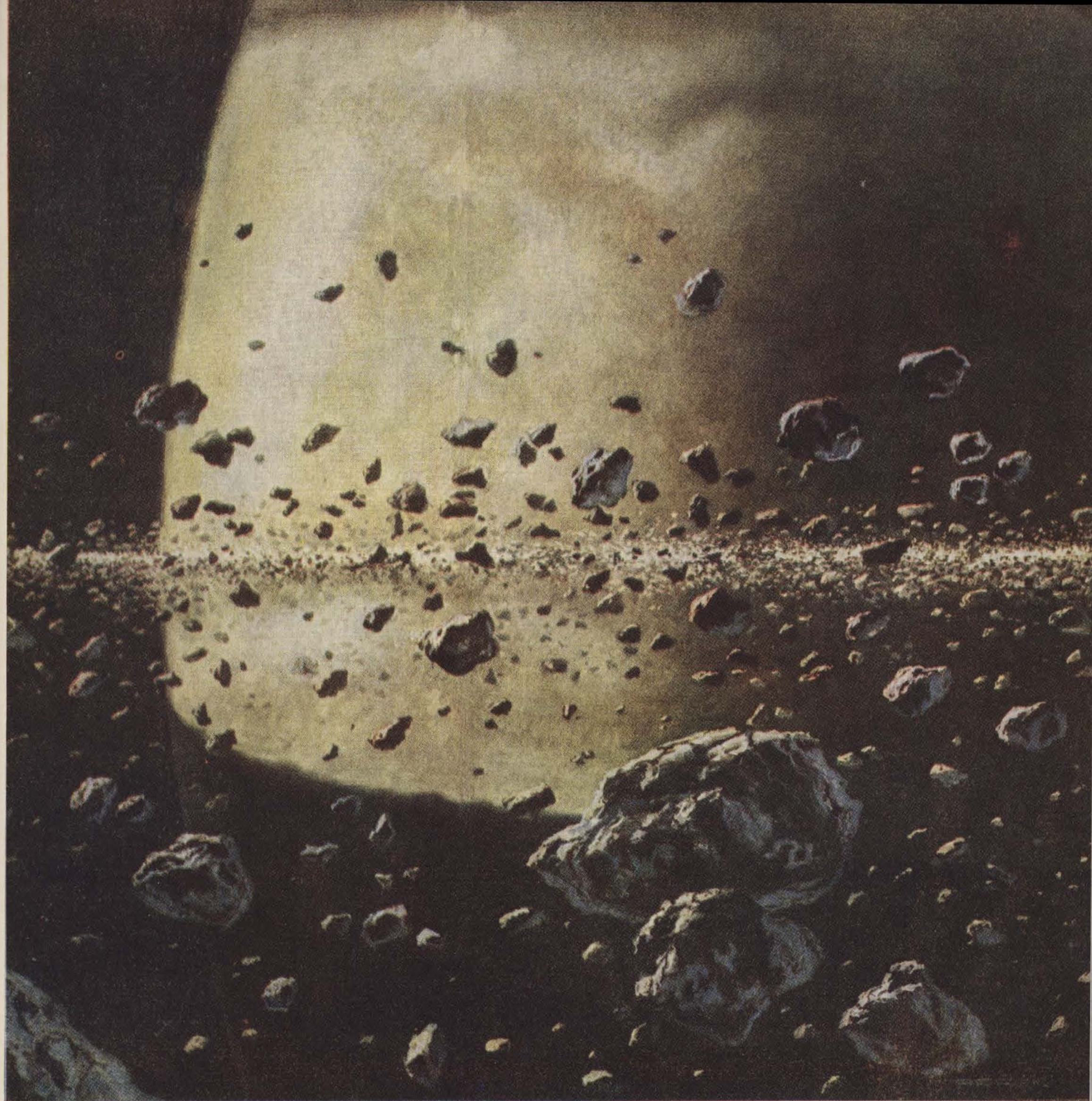
Это тучи мельчайших пылинок, миллиарды камушков и камней, размером от сотых долей миллимет-

ра до нескольких метров. Изредка встречаются огромные, стометровые глыбы. Но только изредка. Постепенно сгущаясь в одной плоскости, все они мчатся вокруг Сатурна по своим орбитам — полчища миниатюрных спутников в безостановочном хороводе...

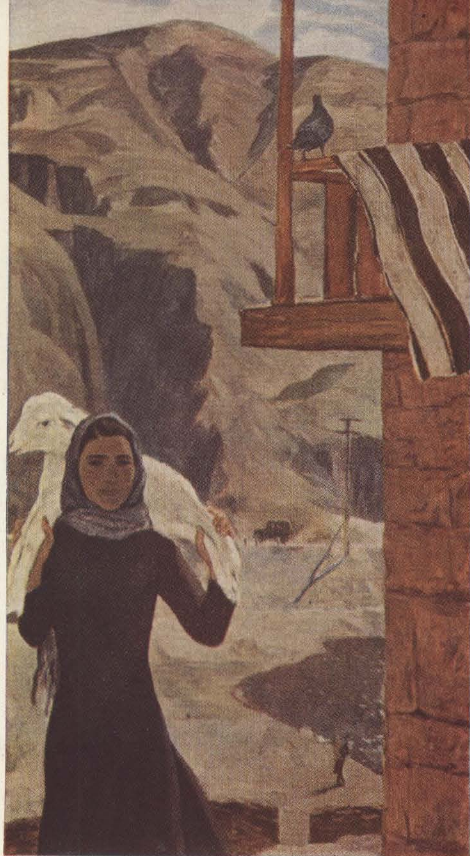
Да, астрономы Земли не ошиблись в своих выводах и предположениях. Нам здесь отчетливо видно, что эти камни, камушки и песчинки покрыты слоем инея и льда. Их неправильные изломы и грани искрятся и блестят в лучах Солнца.

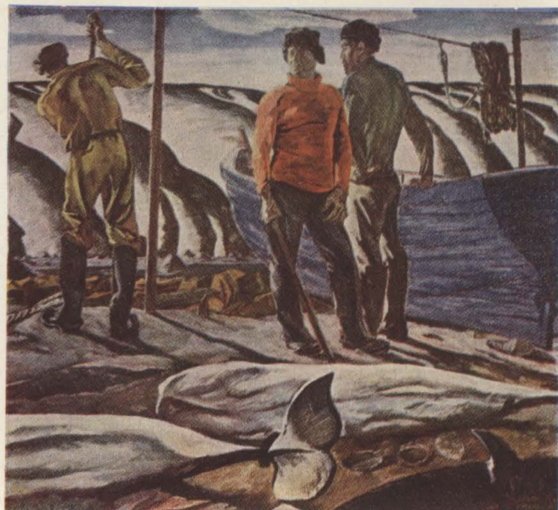
Сила, с какой кольца Сатурна отражают свет, позволила ученым Земли с расстояния почти в полтора миллиарда километров определить и среднюю величину частичек, составляющих кольца, и то, что эти частицы покрыты льдом.

Но все-таки и здесь, вблизи колец, мы еще не можем разгадать их главную тайну. Как они образовались? Осколки ли это спутника, разорванного силами тяготения? Или это остатки «строительных материалов», из которых сложился сам Сатурн и вся его большая семья?

Мы пробуем добыть «образец» вещества кольца. Облюбовав осколок, приближаемся к нему, выравниваем скорость... Увы, наша попытка едва не привела нас к гибели! Увлеченные охотой, мы попали под удар другого камня. Хорошо, что относительная скорость была невелика! Оказался поврежденным лишь один из контейнеров. Но в результате этой аварии космического топлива у нас в обрез. Мы вынуждены немедля возвращаться. Корабль берет курс к Земле.

К картинам братьев Смолиных

Это картины очень интересных художников Александра и Петра Смолиных. Они братья и работают и путешествуют вместе. Архангельск, Игарка, Владивосток, Дагестан, Памир, Новая Земля, север и юг, восток и запад — везде были эти неутомимые люди. И вот перед вами их талантливые работы: «Полярники», «Зверобои», «Колхозница Дагестана».

Поглядите, какие сильные, мужественные и умелые люди живут на этих полотнах. И какие разные все они. И какая просторная, заманчивая, новая жизнь стоит за каждым из них!

Смотрите, ребята, как ясно и широко умеют видеть глаза художника и как крепко и точно умеет работать рука мастера!

ТРЕТЬЕ ОКНО ОТ УГЛА

(Окончание.)

Вера МОРОЗОВА Рисунки Л. ХАЙЛОВА.

Побег

Поодиночке и небольшими группами, спрятав оружие под овчинные полушубки, уходили дружинники в темноту.

Проходными дворами Клавдия вышла на Вознесенскую улицу к дому чиновника Черногорова. Поднялась по лестнице, тихонько постучала к Антонине Соколовой, давнишней гимназической подруге.

Дверь отворила высокая худощавая девушка. Подруги обнялись.

— А я уж беспокоилась, — зашептала Антонина. — Боюсь, Клавдичка, ой, как боюсь за тебя...

Клавдия, отстранившись, торопливо вошла в комнату. Рядом с лампой под низким абажуром на столе стоял ужин. Комната была просторной, широкое венецианское окно выходило в сторону губернской тюрьмы.

Из этой квартиры Клавдия держала связь с заключенными. Она придумала систему трех абажуров — желтого, красного и зеленого. Зеленый должен был служить сигналом побега... И вот час настал.

— Клавдичка, садись за стол, — хлопотала Тоня.

— Спасибо.

— Чаю выпей...

Стенные часы пробили половину восьмого. Клавдия притушила лампу, сняла абажур. Тоня дала ей другой — зеленый. Клавдия кивнула: да, сегодня, как условлено, зеленый... Она широко отдернула тюлевую занавеску. Прижалась лицом к холодному стеклу. Темь, непроглядная темь... И там, за садиком, — мерцающее оконце тюремной камеры.

Лампа стояла на подоконнике, освещая Клавдию снизу широкой зеленоватой полосой — напряженное лицо, плотно сжатые губы.

Вот в камере заколебался свет, моргнул и погас: сигнал принят.

Клавдия перевела дыхание.

— Спасибо, Тонечка. Прощай! Спасибо.

— Помни, Клавдичка, я одна дома, — быстро проговорила Антонина. — Может, понадоблюсь... Жду тебя...

— Спасибо. Дверь пока не закрывай... Мало ли что... — Клавдия поцеловала Тоню и выбежала из комнаты.

На улице мрачно и угрюмо чернела тюрьма. Клавдия свернула с тропинки Анастасьевского сада в проход между сугробами и увидела Ваню Питерского. В руках он держал веревочную лестницу.

Среди кустов и сугробов залегли вооруженные дружинники. Клавдия вынула из кармана шубейки браунинг, всмотрелась в темноту: у тюремной стены неторопливо прохаживался часовой. Но вот послышалась резкая, отрывистая команда: смена караула. У стены, освещенной блеклым фонарем, появился новый часовой — Ян Суханек.

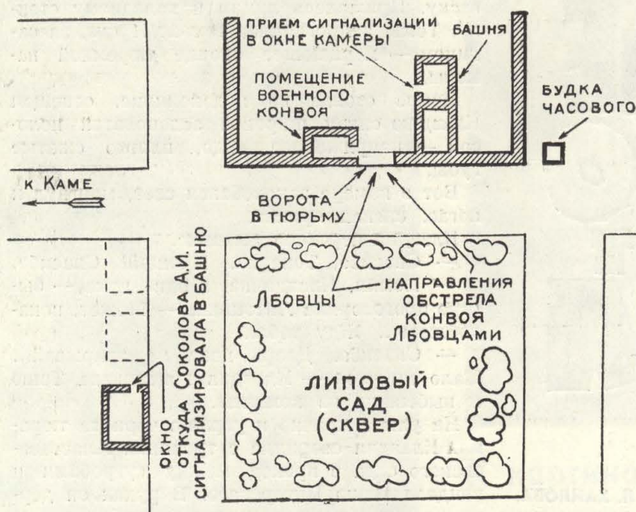
Ожиданием жили в этот вечер не только дружинники. Ожиданием жили и узники башни — Трофимов, Глухих и Меньшиков.

Они знали, что им грозит смертная казнь. Но никто из них не раскаивался, не сожалел о прошлом. Если бы им пришлось начинать жизнь сначала, они прожили бы ее так же.

Ожидание началось с того дня, когда через «волчок» в шестую камеру на пол упала записка. Трофимов быстро подошел и поднял ее. Мешали цепи на руках. Он молча кивнул Глухих, и тот, подтянув кандальный ремень, чтобы меньше был слышен звон, направился к «волчку». Заглянул в узкий коридор. Потом повернулся к «волчку» спиной и закрыл его затылком.

Трофимов развернул записку.

«Дорогие товарищи! Сердцем всегда с вами. Любим и гордимся. Примерно через неделю будем встречать в Анастасьевском садике. Сигналом послужит зеленый свет лампы в третьем окне от угла в доме Черногорова на Вознесенской. Ждите после семи. Готовим лестницу и железные крюки. Действуйте решительно. Верим в вас... До встречи, друзья, на воле! Наташа».

Вот план места, где разворачивались события. Нарисован он одним из политических заключенных пермской губернской тюрьмы.

— На-та-ша! — задумчиво проговорил Трофимов. — Понятно. Это кличка Клавдии Кирсановой. Значит, она готовит побег...

С этого дня воскресла мечта о жизни.

Вскоре в «волчок» упал план башни с указанием пути побега. Бежать нужно по железной лестнице. Направо входная дверь, она приведет к тюремной стене...

Назначенный час приближался. Даже Меньшиков, самый старший и осторожный среди них, все чаще задумывался о воле.

Одно лишь тревожило: как уйти без товарищей? Ведь здесь, в башне, они замурованы в каждой камере. Правда, смертная казнь другим пока не грозит. Но как уйти, как не помочь остальным? И Трофимов разработал встречный план. План, который давал возможность бежать всем политическим башни...

Меньшиков и Глухих одобрили его.

Десятого февраля в камеру подбросили две стальные пилки. Трофимов подержал их на ладони и молча обнял друзей. Потом сел на табурет, прикованный цепью к стене, и начал распиливать кандалы Меньшикова. Глухих встал у «волчка».

День выдался удачный. В тюрьме дежурил дядька Буркин, старый и добродушный надзиратель. Он попусту не придирался к узникам.

Тихо повизгивала пилка, острая и мелкозубчатая. Взмах, еще взмах — и с худых синеватых рук Меньшикова упали кандальные цепи, глухо звякнув о каменный пол. Арестант почувствовал непривычную легкость и стал растирать набухший красный рубец.

Глухих подозвал Трофимова к «волчку». Сам присел около Меньшикова на пол и принялся пилить его ножные кандалы.

Они все закончили, когда башенные часы отбили шесть ударов.

Густые сумерки вползали через решетчатое окно. Арестованные улеглись на нары, ожидая, когда дежурный уголовный зажжет керосиновую лампу. Натянули серые, изъеденные молью одеяла под самый подбородок.

У двери остановился надзиратель. Щелкнул замок. Уголовный Мухин с угрюмым и неприветливым лицом подошел к столу, снял с лампы закопченное стекло, зажег фитиль. Недоуменно взглянув на спящих «смертников», вышел. Снова щелкнул замок.

Трофимов откинул одеяло, поднялся.

— Ступай, папаша, к окну, — сказал он Меньшикову. — Нужно проверочку сделать...

Хотя до побега оставалось более часа, Глухих поспешил к «волчку», а Меньшиков встал под окном. Трофимов влез ему на плечи и ухватился руками за решетку. Прошла минута ожидания.

— Рано! — сказал наконец Трофимов и спрыгнул на пол. — Еще кипяток не разносили.

— Конечно, рано, — усмехнулся в седые усы Меньшиков. — Ложитесь!

В коридоре опять раздались шаги. Надзиратель принес кипяток. Тот же уголовный подлил керосин в лампу. Надзиратель молчал: о чем толковать с людьми, если каждого из них ждет виселица?

Башенные часы пробили семь. Жизнь в тюрьме затихла. Теперь у заключенных остался один час. Ровно в восемь надзиратель уносил ключи от одиночек в контору — и тогда побег невозможен. Успеют ли товарищи на воле?..

Подкрутив фитиль лампы, Трофимов вновь вскарабкался на плечи Меньшикова. Вце-

пился в холодные прутья решетки. Отыскал глазами третье окно от угла. Рано!..

Хрипло и устало пробили часы. Половина восьмого! Трофимов снова прильнул к решетке.

В темном окне деревянного дома вспыхнул зеленый свет. Трофимов спрыгнул, вытер вспотевшее от волнения лицо.

— Начнем! Путь свободен. Клавдичка дала сигнал...

Он снял с лампы горячее стекло, бросил его на пол и подбежал к «волчку».

— Эй, дядька Буркин!.. Дядька Буркин! — закричал он. — Стекло на лампе лопнуло.

В «волчке» показалось лицо надзирателя.

— Подожди... Сейчас принесу... Эка незадача! — И надзиратель, громыхая связкой ключей, заторопился в «ламповую», расположенную тут же, в башне.

Трофимов и Глухих заняли места у двери. Как только она отворилась, они схватили надзирателя, зажали ему рот, потащили к железной койке. Буркин ожесточенно сопротивлялся. Наконец его плотно связали холщовыми полотенцами и заткнули рот кляпом.

— Лежи, дядька... Не хотелось в твое дежурство... а пришлось, — тихо сказал Трофимов, отбирая у надзирателя наган и связку с ключами. И кивнул Меньшикову:

— Посторожи его.

Клавдия Кирсанова в тюрьме. 1911 г.

Гулко застучали по полу тюремного коридора деревянные коты. Вот выход из башни, витая железная лестница. Но Трофимов и Глухих повернули к дверям одиночек.

Неумело громыхая связкой, Трофимов стал подбирать массивные стальные ключи. Номеров на них не было. Они, словно близнецы, лежали на широкой ладони. Пришлось открывать замки наугад, перебирая всю связку. А каждый замок с секретом. И эти секреты нужно разгадать...

Одиннадцать одиночек на двух этажах башни. И все одиннадцать нужно открыть Трофимову — иначе он не может уйти. Не может...

Наконец распахнулась первая дверь.

— Свобода. Выходи, братва! — крикнул Трофимов и двинулся дальше.

Глухих стал помогать узникам распиливать кандалы.

В башне нарастал шум. Раздавались голоса. Скрипели двери. Звенели кандалы. Во всех камерах у «волчков» стояли заключенные. Давали советы, торопили Трофимова.

Седьмая одиночка. Ключ легко вошел в скважину, но замок зажал его. Трофимов нервничал, тряс дверь, но замок цепко держал ключ.

Дверь «ламповой» вдруг распахнулась. Уголовный Мухин, случайно задержавшийся здесь, испуганно всплеснул короткими руками и сипло прокричал:

— Караул! Спасите!

Трофимов резко повернулся и поднял наган.

— Не стреляй, кормилец! Не стреляй!.. Вот-те крест не выдам! — И Мухин стал мелко креститься.

— Черт с тобой! — бросил Трофимов. — Сиди здесь. — И опять стал возиться с ключами.

По витой лестнице раздался дробный стук шагов. Мухин, воровато озираясь, бежал к дежурному по тюрьме... Трофимов выстрелил. Мухин ахнул, присел и... побежал дальше...

Выстрел гулко разнесся под тюремными сводами. В двери заколотили, забарабанили. Зазвенел пронзительно звонок, и по железным ступеням тяжело застучали сапоги надзирателей.

— Тревога! — крикнул Трофимов. — Уходи, Глухих, в камеру.

Сам он опустился на одно колено и прицелился в надзирателя, рыжая голова которого появилась в лестничной клетке. Поднялась ружейная стрельба, сизый пороховой

дым заклубил под низкими сводами. Пуля пробила Трофимову плечо. Правая рука повисла, как плеть. Трофимов упал. Глухих бросился к другу и прикрыл его собою. Но вот и он покачнулся, тяжело охнув, медленно осел на залитый кровью пол.

Рыжий надзиратель сапогом ударил Трофимова. Тот открыл глаза, мутно посмотрел по сторонам. Услышав стон Глухих, он собрал последние силы, потащил его в камеру и захлопнул дверь.

«Волчок» вспыхнул ярким пламенем. Это начальник тюрьмы Гумберг выстрелил в «волчок» из браунинга. Надзиратели, тяжело дыша, ввалились в камеру. Первым к Трофимову подскочил Гумберг.

— Ты, сволочь, стрелял?

Дуло браунинга заплясало перед глазами Трофимова. Рукоятка взмахнула, ударила его по голове.

— Отвечать отказываемся... Показаний не даем, — прохрипел Трофимов.

— Дашь, сволочь!.. Дашь! Дашь! Дашь! — истерически кричал Гумберг, нанося удары Трофимову. — Заставим!..

Все так же неторопливо вышагивает часовой. Клавдия, зябко поеживаясь, не отрывает глаз от кирпичной стены: ждет товарищей. Ваня Питерский стоит наготове, с веревочной лестницей и железными крюками.

— Что-то долго, Клавдичка, — басом говорит руководитель дружинников Лбов, потоптывая по снегу ногами.

Вдруг с треском распахнулась дверь караульного помещения и оттуда высыпали солдаты.

— Готовьсь! — крикнул Лбов.

И в ту же минуту Клавдия выстрелом разбила шестигранный уличный фонарь, освещавший караулку. Лбов привстал и сильным движением бросил бомбу. Яркая вспышка озарила ночную мглу. Послышались крики. Солдаты отпрянули назад.

— Держать солдат в караулке!.. Не подпускать к башне! — прогремел Лбов.

— Башню береги! — прокричала Клавдия и тоже бросила бомбу.

Из караульного помещения ответили ружейным залпом. Завязался бой.

Пригибаясь, Лбов подбежал ближе к тюрьме. Боевики двинулись следом. Клавдия вновь посмотрела на тюремную стену, возле которой прохаживался Суханек.

Он вдруг вскинул винтовку, троекратно выстрелил в воздух.

Сердце у Клавдии сжалось. Ян предупреждает об опасности! Неудача?!.

И опять троекратно прозвучал выстрел. С низины шеренгой шли надзиратели с винтовками наперевес. Клавдия поднялась, крикнула:

— Отходить!.. Отходить!..

Лбов толчком сшиб ее с ног. И тотчас над Клавдией засвистели пули.

Ползи, Клава,— приказал Лбов.— Ползи, говорят тебе! Я их бомбой осажу! Ваня! Куда прешь на рожон? Назад!

Из караулки ударили залпом. Клавдия поползла через сугроб к темному проулку. Ваня Питерский с колена бил по черной шеренге. Бил спокойно, деловито.

Вновь ослепительный всплеск огня разрядил темноту. Клавдия увидела Лбова, сильного и яростного. Он бомбами сдерживал наступление. Пули жужжали над его головой.

— Отходим, Александр Михайлович!.. Отходим! — кинулась Клавдия к Лбову.

Лбов без ушанки, с почерневшим лицом схватил ее за плечи и круто повернул назад. Еще раз взглянул на башню, свистнул и, отобрав у Клавдии пистолет, отдал его кому-то в темноту.

Возле дома Черногорова он обнял ее.

— Прощай! Нам пора уходить... Может быть, махнешь с нами в лес, Клавдичка? — спросил он. — Пропадешь здесь...

— Спасибо, Александр Михайлович! В городе много работы. Уходи скорее...

— Негоже бегать мне, как зайцу! Много чести фараонам.

Выстрелы звучали все ближе. Солдаты караульного взвода прочищали тюремный садик. Лбов поднял огромный кулак и погрозил в ночь. Распахнул дверь, толкнул Кирсанову в подъезд и бесшумно исчез.

В подъезде Клавдия столкнулась с Антониной, бледной, встревоженной.

— Все пропало! — хрипло сказала Клавдия, шатаясь от усталости и волнения. — Не смогли их спасти...

Ветер раскачивал стволы деревьев, кровавым шаром застыло в небе солнце. Клавдия в шубейке и пуховом платке обкладывала еловыми ветками свежую могилу. Могила была на бугре, под высокой разлапистой елью. Ваня Питерский... Погиб он от солдатской пули, ночью, попав в засаду. Не стало бесстрашного боевика...

Фамилии Вани никто не знал. Работал он в Петербурге, в патронной мастерской социал-демократов. Выскочив босиком в сорокаградусный мороз, отстреливался от солдат, оцепивших мастерскую. И чудом спасся. Товарищи дали ему явку в Пермь. Так Ваня оказался у Лбова, в партизанском отряде дружинников — «лесных братьев».

Хоронили Ваню ночью. Плакала вьюга. Тяжелым ломом долбили мерзлую землю. Ваня лежал на сером брезенте. На лице застыла тихая улыбка. Чернела ранка от пули на высоком лбу. Безмолвно стояли дружинники над телом боевого друга. Низко склонил свою крупную голову Лбов. Он бросил первую горсть земли. Клавдия сплела венок из заиндевелой хвои и положила на холмик.

С того дня и зачастила она на старое кладбище к безвестной могиле. К безымянной могиле солдата революции...

Поклонившись до земли, Клавдия медленно побрела вдоль кладбища.

Была там, на кладбище, еще одна свежая могила. Тяжелый металлический крест отбрасывал тень, похожую на виселицу. На кресте громоздился пышный венок с черными лентами. На шелковой ленте надпись: «За спасение тюремной администрации». Рядом с крестом вбит большой осиновый кол. На коре его жирно чернело: «Иуда!»

Взглянув на эту могилу, Клавдия недобро усмехнулась: тут был схоронен уголовный Мухин. Она знала историю его смерти.

...В тот день Трофимова с товарищами унесли в больницу. Спас их от смерти, очевидно, дядька Буркин, которому удалось привести в башню врача. Молодой врач схватил Гумберга за руку и потребовал прекратить избиение. Лицо врача покрылось красными пятнами, голос звенел от возмущения. И Гумберг сдался. Врач вызвал санитаров с носилками. Тягостным было это шествие. Стонал Трофимов. С помертвевшим лицом лежал Меньшиков, что-то силясь сказать. Кричал Глухих, раненный в голову шашкой.

И все же Трофимов нашел силы переслать утром в тюрьму записку. Принесли ее санитары. На вощеной бумажке от порошка заключенные разобрали слова: «Нас предал Мухин. Мы избиты до полусмерти. Прощайте, товарищи. Трофимов».

Зверское избиение «смертников» возмутило всех арестантов. Они объявили протест. Дрожали от ударов двери, звенели стекла...

Записку Трофимова политические передали уголовным. Уголовные вынесли Мухину смертный приговор. От страха он сбежал в канцелярию. Но и там разыскал его повар — арестант Березин. Подошел к Мухину, всадил в него кухонный нож и презрительно бросил: «Сдохни, сволочь!»

Начальство устроило Мухину пышные похороны. Надзиратели силой согнали заключенных на панихиду в тюремную церковь, но те смеялись, переговаривались. Никто не жалел предателя.

Клавдия шла и думала: две жизни, две смерти. Один погиб за счастье миллионов людей, другой — из-за чечевичной похлебки...

Вдруг она услышала за собой осторожные шаги. Оглянулась и увидела низенького человечка в длинном пальто с каракулевым воротником.

Девушка почувствовала неприятный озноб. «Слежка, — подумала она. — Непременно слежка...»

О героях этой повести

Вот вы прочитали, ребята, несколько глав из новой повести Веры Морозовой «Клавдичка». Познакомились с самой Клавдичкой и ее товарищами. Узнали историю побега политзаключенных из пермской тюрьмы. Побег окончился неудачей. И вы, наверно, подумали: лучше бы другой, счастливый конец! Да, друзья, лучше бы, но исправить в повести ничего нельзя. Как написано, так все и было на самом де-

ле. Я сам участвовал в подготовке побега, но меня, как вы знаете, скоро арестовали. Потом в ту же губернскую тюрьму попала и Клавдия Кирсанова. Суд приговорил ее к вечному поселению в Сибирь. Трофимов, Меньшиков и Глухих выжили, оправились от ран. Власти так перепугались вооруженного нападения на тюрьму, что заменили им смертную казнь долгосрочной каторгой.

Трудным, суровым было то время. Революция 1905 года была подавлена. Разгромлены баррикады в Мотовилихе — большом поселке, где жили рабочие нашего Орудийного завода. Арестованы многие товарищи. В город вошли карательные войска, объявлено «чрезвычайное положение», которое позволяло царским палачам судить боевиков по жестоким законам военного времени.

Но борьба продолжалась. Партия работала в подполье. В лесах под Пермью в партизанском отряде укрылись члены боевых дружин. С ними был бесстрашный командир баррикады Александр Михайлович Лбов, мотовилихинский рабочий, который позднее стал героем всего Западного Урала. Год спустя к «лесным братьям» Лбова присоединились рабочие-боевики, приехавшие из Петербурга.

Этот скульптурный портрет изображает К. И. Кирсанову в годы гражданской войны. Сделан он дочерью Клавдии Ивановны М. Е. Ярославской.

Со многими товарищами, о которых вы только что прочитали, я встречался. Но ближе всех знал, пожалуй, Сашу Трофимова. Он был моим давним другом. Трофимов руководил подрайонным комитетом партии, а в дни вооруженного восстания был командиром-«десятником». Не раз он сопровождал Якова Михайловича Свердлова, и тот иногда ночевал у него дома в Мотовилихе.

И еще хорошим моим другом была в ту пору Клавдичка. Гимназисткой она уже стала профессиональной революционеркой. Ее уважали рабочие. Умная была, энергичная девушка. Она и рекомендовала меня, шестнадцатилетнего рабочего парня, в большевистскую партию.

В далекой якутской ссылке Клавдия Ивановна не прекращала партийной работы. Там она вышла замуж за известного революционера-большевика Емельяна Ярославского. А в Октябрьские дни и гражданскую войну Кирсанова занимала ответственные посты. Случалось ей и водить полк в атаку против белых...

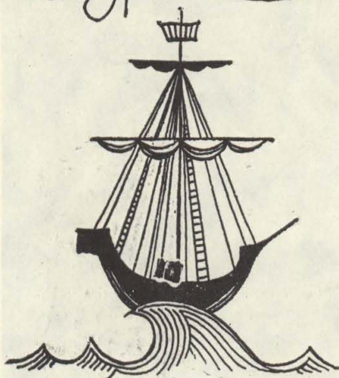
Нелегко нам, ребята, доставалась победа в революции.

Есть в Мотовилихе крутая, высокая гора. Называется она Вышкой. И там, на горе Вышке, стоит теперь памятник. У подножия памятника горит огонь вечной славы. Виден он с пароходов, плывущих по Каме, с поездов, со всего города. Поставлен тот памятник мотовилихинским рабочим, героям, павшим в революционных боях за коммунизм, за счастье народа.

В. А. УРАСОВ,
член КПСС с 1906 года.

Журнал в журнале

Кораблик

печатает только тебя

* * *

Вот лыжник с горки мчится,
И вдруг упал он в снег.
Ребята шли учиться —
Раздался дружный смех.

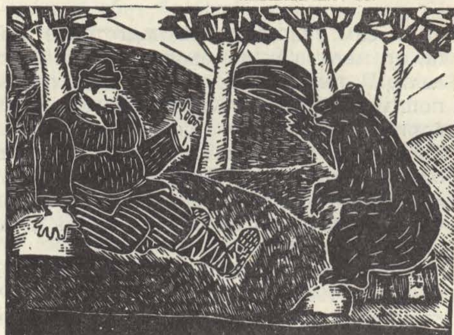
Саша РУДЬ,
7 лет.
Совхоз «Спартак»,
Башкирская АССР.

Весна

Солнечный день...
Ручьи текут
То тут,
то там.
А на горе
Птицы щебечут.
И кажется,
Что человек
Расправил в крылья
Свои плечи.

Светлана СТЕФАНИДИ,
9 лет.
г. Рига.

Басня. Гравюра Вовы Минкова. Москва.

Март

Март — весенний месяц,
А у нас метель клубится,
Воет ветер,
Вьюга злится,
Веселится
Зимушка-зима.

Володя ПРОКОПЧУК,
13 лет.
Поселок Первомайский,
Казахская ССР.

ОБЪЯВЛЕНИЕ:
«Кораблику» очень нужны рассказы, а ребята не присылают их. Рассказы нужны и веселые и грустные. Кто напишет рассказ, присылайте скорее в редакцию.

Крестьяне по дороге на рынок. Рисунок Муходжича Касима.

Снег на асфальте

Деревня. Гравюра Вовы Минкова.

Позавчера был дождь. И снег пропал...
И не осталось больше ни крупинки
ни на кустах, ни на траве, ни на асфальте.
Асфальту было холодно, наверно.
Он мерз, бедняга,
черный, жалкий.
И день был серый,
дождик моросил.
И не хотелось делать ни-че-го мне.
И скучно день тянулся...
Но стемнело,
И вечер начался... И вдруг...
Пошел снежок!
Такой он мягкий был
и легкий, незаметный. И асфальт
преобразился!
Под желтыми глазами фонарей
он засверкал, он стал переливаться!
Он не был черным, нет!
Он был зеленым, синим, желтым!
Он разноцветным стал!
Снежинки нежились на нем,
сверкали разными огнями
и чудом мне казались.
И ступить
Мне было страшно,
чтоб не раздавить
Вот этот огненный кусочек...
Мне приснился ночью
тот снег. Снег на асфальте.

Ольга САФИР,
15 лет. г. Фрунзе.

Фламинго.
Гравюра.
Гены Ярощука,
13 лет. г. Москва.

Водяная мельница. Рисунок Мухджича Касима, ученика VI класса. гор. Банья Лука. Югославия.

Автобус. Гравюра Вовы Минкова.

Бессмертный горнист

Николай БОГДАНОВ

Рисунки Н. БОРИСОВОЙ.

Тра-та-та, та-та! И снова: тра-та, та-та!

Алеша улыбнулся, заслышав призывные звуки серебряной трубы, и очнулся от боли: треснули губы. От недоедания у него так пересохла кожа, что нельзя было смеяться. Но как же не радоваться, заслышав пионерский горн, играющий побудку! Значит, еще одна блокадная ночь прошла. Живы пионеры. Жив горнист, посланный в утренний обход!

Это трубит Вася — коренастый, крепенький мальчишка из пригорода, захваченного фашистами. Перед тем, как слечь, Алеша передал ему свой пост. И счастлив, что горн попал в надежные руки. Каждое утро бесстрашный паренек ходит от дома к дому, из двора во двор и во время бомбежки и во время обстрела. И трубит, трубит, призывая ребят Ленинграда к стойкости и геройству.

В осажденном городе самое опасное быть мальчишкой. Не бойцом на передовой, не пожарником на крыше, даже не моряком на «Марате», на который сыплется больше всего бомб, а именно мальчиком-подростком.

Солдаты умирают в бою, дорого отдав свою жизнь, а мальчиков Ленинграда выкашивает голод, как траву... И хотя хлебный паек они получают наравне с солдатами, им трудней. Беда в том, что организм детей растет.

...Алеше нельзя умереть. Он должен бороться со смертью, как боец с врагом! И победить, чтобы потом встать в строй. Если не будут подрастать мальчики, кто потом станет на смену погибшим бойцам?

Прежде всего надо пересилить скованность, безразличие, усталость и двинуть хотя бы рукой. Если горнист сможет поднять горн к губам, значит, и я могу двинуть рукой.

Алеша заставил себя пошевелиться, подняться. Он пощупал галстук. Теперь он не снимал его даже ночью. Уже давно все спали не раздеваясь, но он не снимал его потому, что опасался, вдруг, если он умрет, мама забудет повязать, и его похоронят без галстука. А с частицей красного знамени на груди он чувствовал себя настоящим бойцом.

Он прислушивается, не гудят ли самолеты. Нет, наверно, опять морозный туман. Это хорошо: в туман фашисты не летают. Не станет надрывать душу сирена воздушной тревоги. За себя он не боялся, боязно было за людей, которым ничем не мог помочь. Ни поддержать старых на узкой лестнице, ни отнести малышей в убежище.

Алеша лежал обессиленный, как боец, раненный на ничьей земле. Лежишь один и подняться не можешь.

Но ведь подняться надо! Мама всегда говорила: главное — движение, обязательно дви-

жение. Немного, чтобы не растрачивать напрасно сил, но двигаться надо.

И прежде всего умыться. Уходя, она всегда оставляет рядом миску с водой, губку и полотенце. Проведешь мокрой губкой по лицу, и становится легче, потому что с лица смывается известковая пыль, налетевшая от разрывов бомб и снарядов. И копоть от коптилки и от железной печки. Ее поставил Антон Петрович, их сосед по квартире, в комнату которого они перебрались из своей, потому что воздушной волной высадило рамы.

Да, неумытое лицо гораздо тяжелее. Оно не дает поднять головы. Алеша с напряжением всех сил достает губку и снимает с лица тяжесть пыли и копоти.

Глаза открылись! Ого, уже веселей.

Теперь надо встать, чтобы поесть. Мама говорит: есть лежа — последнее дело. Надо обязательно сидя за столом. И чтобы стол был накрыт: тарелки, ложки, вилки — все как полагается. Чтобы фашисты не чванились, будто они загнали нас в пещерный век, заставили потерять человеческий облик. Нет, мы обедаем по-людски!

Правда, совсем недавно пришлось ему есть не по-людски. Но это был особый случай, когда он уже не поднимался.

В те дни даже по рабочим и детским карточкам ничего не давали. Но женщин, работающих в оборонном цехе, там, где снаряжают противотанковые мины и гранаты, кормили не супом и не теплой болтушкой, которую с собой не возьмешь, а кашей.

Все матери стремятся что-нибудь да унести с собой детям, а этого нельзя делать. Ведь если они ослабнут, кто же тогда будет снабжать оружием бойцов? Для того им и дополнительное питание, чтобы руки не слабели, чтобы побольше гранат и мин делали.

Поэтому мастера следят, как женщины едят добавочную пищу, и просят: «Все ешьте здесь, ничего с собой».

И все жидкое приходилось съедать, суп не вынесешь из цеха. Смотрят строго, ни в какую посудку не отольешь. А вот каша — это другой разговор. Маме повезло, что кормили не в обеденный перерыв, а перед концом смены. Походная кухня запоздала, попав под обстрел, и кашевар был ранен. Каша захолодала, была комковата.

Мама просто вся просветлела, когда подумала: «Ну, теперь-то я Алика угощу!»

Несколько комков каши съела, а остальные за щеку заложила. И так принесла домой во рту. Приложила губы к губам и давай кормить Алешу.

Он уже не мог жевать, обессилел. Но она его заставила. Проглотив немного теплой каши, он даже поднялся и сел в постели. Мама все целовала его и говорила:

— Вот мы как птички! Так голубки кормят птенцов, из клюва! Из клюва в клювик!

И они смеялись. Смеялись! И говорили, что, сколько будут жить, этого не забудут! Всем, всем будут рассказывать, как сказку, после войны.

Но теперь-то он не так слаб, он и без маминой помощи сможет подняться. Теперь ему помогает чеснок. Ой, какая это была удивительная находка! В своей квартире,

НИКОЛАЮ БОГДАНОВУ НАШ ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ

Один из первых пионерских вожатых, член первой редколлегии журнала «Пионер», первый пионерский писатель Николай Владимирович Богданов отмечает свое шестидесятилетие.

Все ребята, конечно, знают его книги. Знают и с нетерпением ждут новых книг от своего вожатого!

Во время Великой Отечественной войны военный корреспондент Николай Богданов был в Ленинграде. Вероятно, поэтому его рассказ «Бессмертный горнист» написан так достоверно и взволнованно. На этой фотографии писатель Николай Богданов (справа) и Герой Советского Союза летчик Подтыкан, участник многих воздушных боев над Ленинградом.

обысканной, переисканной, в которой ничего-ничего съедобного не осталось, даже яичной скорлупы. Вы знаете, что в скорлупе есть питательность? Не только присохнувшая к ней пленочка, но и сама скорлупа полезна. Это не просто кусочек извести. Ее можно истолочь и посыпать, как соль, на хлеб.

Переселяясь в комнату Антона Петровича, искали в кухне сковородник, еще раз заглянули за плиту и увидели там головку чеснока. Как она туда завалилась, когда? Вначале глазам своим не поверили. Голодающим часто видятся разные разности съедобные. Но это оказался настоящий, а не привидевшийся чеснок. Целая головка. А вы знаете, сколько в ней долечек? Подсчитайте, если есть каждый день по одной на двоих, хватит на полмесяца!

Но чеснок нельзя есть просто так, его надо натирать на кусочек хлеба. Тогда самый черствый, самый сырой и непропеченный хлеб становится похожим на колбасу!

И как же они с мамой берегли эту находку! Чтобы и не высохла и не подмерзла ни одна долька. Сколько времени прошло, а вот и сегодня Алеша будет есть хлеб, натертый чесноком.

И угостит Антона Петровича. Не чесноком, конечно, а запахом чеснока. Антон Петрович ни за что другого угощения не примет. Только проведет долечкой по кусочку хлеба и скажет, зажмурившись: «Ох, вкусно!»...

Что-то он долго не возвращается с дежурства? Заслышав его тяжелые шаги, Алеша, собрав все силы, поторопился было встать, чтобы не услышать: «Ай, как ты залежался, лежебока. Я старый, уже в очереди постоял и твой хлебный паек получил, вот, пожалуйста, а ты, молодой, все лежишь?»

Как хорошо, что он есть и живет вот здесь рядом, за шкафом! С ним легче. Когда он приходит с дежурства и спит днем, слышно его дыхание. С ним надежней и ночью. Знаешь, что, пока спишь, он бодрствует на чердаке, на крыше, не дает поджечь дом зажигалкам... Сколько он их потушил, и числа нет!

До войны он был уже седой, но с розовыми щеками. А теперь от голода стал совсем

белый и как бы прозрачный. Мама говорит: «И в чем душа держится». Но душа у Антона Петровича крепкая и хорошо держится. Когда ему особенно тяжело, он начинает громко разговаривать сам с собой.

«Красуйся, град Петра, и стой,

Неколебимо, как Россия», — слышит Алеша.

Много книг сожгли они в печке, но Пушкиным он не жертвует даже ради тепла... Много, много строк запомнил Алеша из того, что читает вслух Антон Петрович...

И он все же пришел. И был сегодня даже не белым, а синеватым. И не лег спать, приговаривая: «А я сегодня еще шесть штучек погасил... дивная ночка была... Ни одного пожара».

Антон Петрович не пожурил Алешу за лежебокость, он взял его руку и, вложив в нее бумажные пакетики, сказал:

— Сохрани это, мальчик, до весны... Здесь семена...

— Хорошо, — сказал Алеша, — конечно...

— Вот тут твой паек и мой, вы его тоже ешьте... Меня на дежурстве кормили... да, да...

— А вы куда, дядя Тоша?

— Я далеко, в пригород... Туда, где у моих родственников полная яма картошки со своего огорода... Ждите меня, обязательно ждите, я много, много принесу, сколько донесу...

Алеша закрыл глаза, представив себе яму, полную картошки, о которой не раз рассказывал Антон Петрович...

«Надо бы только дотерпеть до весны, когда открывают картофельные ямы... Вот оттает земля, возьмем мешки и пойдем!»

Это была мечта, которой они жили все втроем...

«До весны еще так далеко... Но, наверно, Антон Петрович что-нибудь придумал... Картошки так хочется! Но почему же он не зовет меня с собой? Разве я так уж слаб? Да, если не зовет, значит, я очень слаб...»

Все эти мысли вились в голове мальчика в то время, как старик ласково гладил его волосы, прежде волнистые, а теперь посекшиеся, ставшие жесткими и ломкими...

Алеша задремал и не слышал, как Антон Петрович ушел.

Очнувшись, он ощутил что-то зажатое в руке, вспомнил, что это семена. И стал разглядывать красиво нарисованные на пакетиках луковицу, морковь, свеклу... Ой, а ведь семена съедобны. И черненькие, островатые семечки лука, и похожие на просинки семена салата, и даже угловатые, сморщенные семена свеклы. В них много питательного. Но нет, не станет он их есть.

Конечно, если бы их было много, а то щепотка. А вот если их посеять и вырастить, это же будет целая гора. И вырастить есть где. Столько вокруг скверов и дворов. Ого, только копай да сажай!

Только бы дождаться весны, а уж там-то мы проживем! И другим поможем. Надо жить. Если не будет мальчишек, кто же будет копать грядки?

Надо только проявить силу воли. Есть же в Ленинграде люди, которые хранят знаменитую на весь мир собранную за долгие годы русскими учеными коллекцию семян пшеницы. Тысячи сортов. Начиная с тех, что обнаружили в гробницах фараонов Древнего Египта, до тех, что нашел академик Вавилов в неприступных горах Памира.

Там их не горстки, а килограммы, центнеры, тонны — пакетиков, пакетов, мешочков, мешков... И все целы. Их стерегут для науки, для будущего люди, умирающие от голода. И не жуют, как крысы. Нет, это люди, они не сдаются. Про их стойкость так хорошо рассказывал Антон Петрович. А какие же там, наверное, хорошие, крупные зерна! Однажды маме на заводе выдали горсть ячменя за ударный труд. Ой, как же они взволновались! Как его есть? Нельзя же так сразу. Сжевать, и все. Дикость какая! Ячменные зерна сначала поджарили, потом смололи на кофейной мельнице и целую неделю заваривали и пили, как кофе!

Но это было еще тогда, когда Алик сам сбегал и сам поднимался по лестнице. И даже тогда, когда его стала вносить мама. А потом она сказала: «У меня нет сил поднять тебя». И Алеша перестал выходить на улицу. Вот тогда пришлось сдать горн другому пионеру.

— Тра-та-та! Та-та! — Горнист все еще ходит, трубит. Пионерская побудка доносится в разбитые окна.

Горнист жив, и я буду жить!

Алеша готов встать и сесть за стол завтракать. Там на тарелке, накрытой чистой салфеткой, лежит ломтик хлеба, уже натертый чесноком. Мама убирает оставшиеся дольки, смешная, не верит в его силу воли!

Чудачка, он же знает, где спрятан чеснок, и может достать в любую минуту. Но он стойкий, никогда не съест свою порцию хлеба просто, а сделает все, как велит мама. Нальет горячего чаю из термоса, оставшегося в память от папы. Добавит туда одну чайную ложку, одну, вареньевой воды. Есть у них такая. Они налили воду в старую банку от варенья,

которую забыли когда-то вымыть, и получился душистый, пахнущий клубникой настой. Если его влить в кипяток, одну лишь чайную ложку, это уже будет не просто кипяток, а чай с запахом клубничного варенья!

Все это Алеша представил себе и чуть было не улыбнулся, но тут же вспомнил, что от улыбки у него трескаются и кровоточат губы, и сдержался.

Вставать было нужно, но так не хотелось, угревшись под одеялом и шубами, лежал бы и лежал весь день... Но у него есть священная обязанность — заготовка дров. До прихода мамы он должен заправить печку. Это их праздник — затопить и смотреть, как играет пламя. Усевшись рядышком, подставлять огню руки, лица, мечтать о весеннем солнце.

С напряжением всех сил Алеша выбрался из-под шуб, и оделся, и стал завтракать. Медленно-медленно жевал тоненький ломтик хлеба, пахнувший чесноком, совсем как бутерброд с копченой колбасой, и запивал чаем.

Потом стал трудиться. Без труда человек вянет, как трава без солнца, говорит мама.

Трудиться ему очень трудно. И хотя топор не тяжел, рубка дров дается нелегко. Мама приносит обломки старых стульев, кресел, кроватей из разбомбленных домов.

Горят они здорово, с треском, но крепки, как железные. Попотеешь, пока изрубишь.

Этой работы хватило бы до прихода мамы, но Алеша разделяет ее на два приема. Потому что ему нужно еще позаниматься, выучить уроки. Ленинградские ребята решили не бросать ученья ни за что! Пусть не думают фашисты, будто они заставят нас вырасти неучами в осаде. Не поддадимся!

Кто не мог ходить в подвал, где были классы с партами, с черной доской, тому уроки задавали на дом. И учительница через день, через два обходила ослабевших ребят...

Что-то ее давно нет. Но она придет же когда-нибудь, и Алеше будет чем отчитаться. В последний приход она задала урок на неделю!

Разогрев подмерзнувшие чернила, мальчик переписывает набело диктант, который он научился сам себе диктовать.

И вдруг его подбрасывает далекий подземный толчок, почти незаметный. Но он-то знает, что начинается обстрел. Это ударило тяжелое орудие, установленное немцами где-то за Пулковскими высотами.

Нарастает тугой свист. Из рамы вываливается подушка, которой заткнуто окно.

Разрыв позади дома сотрясает стены, жалобно звенят рамы.

Снова подземный толчок, и снова тугой свист. И еще и еще. Снаряды летят вразброс, разрывы справа, слева. Не поймешь, куда целятся.

— Дураки! Дураки! — сквозь стиснутые зубы ругает фашистских артиллеристов Алеша. — Куда палят? Наши солдаты, пулеметы, пушки — все на окраинах. В центре города ничего военного нет... Ну и пусть, пусть тратят зря снаряды, дураки!

Вот где-то совсем близко грохнуло. Окна застелило дымом. Хочется посмотреть, что загорелось. Алеша подтягивается на подоконник. Горит дом напротив, хороший, красивый, с колоннами...

— Дураки! Дураки!

Может быть, потушат? Хочется посмотреть дольше, но снова далекий подземный толчок, и мальчик сползает с подоконника. От близкого разрыва могут попасть в глаза осколки стекла.

Он заставляет себя отвернуться к стене, на которой играют тени пожара...

Разрыв где-то далеко... Но следующий ближе, может быть, и в их доме. Ему становится страшно при мысли, что вернется мама, а на месте дома груды развалин...

Вдруг доносится звук, от которого сразу теплеет на сердце. Он похож на успокаивающее гудение пчелиного улья!

— Ура! — шепотом кричит Алеша, у него что-то сел голос в последние дни. — Ура, пошли штурмовички! Они вам дадут жару!

Штурмовиков еле слышно за дальностью расстояния, но Алеша, закрыв глаза, воображает, как наши летчики пикируют на фашистскую батарею. Как гитлеровские артиллеристы разбегаются и падают побитые...

Когда-то он любил рисовать такие картины цветными карандашами, но теперь сил нет, он рисует эту картину мысленно. И шепчет:

— И это еще не все, вам еще ночью «подсыплет» за нас за всех «Марат»!

Он знает, матросы-сигнальщики — живые глаза броненосца, стоящего на Неве, притаившись у ничьей земли, высматривают позиции немецких батарей, замечают и засекают их по выстрелам.

А ночью медленно, тихо разворачивается башня главного калибра «Марата», громадные орудия нацеливаются. «Бамм, бамм!» Грохают, грохают. И весь город содрогается от радостного гнева. Ага, достается и вам, фашисты! От таких снарядов ни один блиндаж не спасет. Главный калибр не шутка!

Днем «Марат» притворяется мертвым. Вчера его беспрерывно бомбили. Эскадрилья за эскадрильей пикировала на линкор и сыпала бомбы, как мусор. Алеша видел их поток простым глазом. На палубе все кипело, как будто извергались вулканы. Когда корабль окутался черным дымом, немцы бросили бомбежку, решив, что все кончено.

Но Алеша знал, что маратовцы перехитрили врагов, напустили дымовую завесу. Линкору их бомбы что орехи. Потому что поверх палу-

бы матросы настелили много слоев броневых плит, заготовленных для постройки военных кораблей на балтийской судоверфи.

Бомба упадет, сбросит несколько слоев броневых плит, как чешую. Ночью матросы их снова положат на место, и все...

Гитлеровцы радуются, что разбомбили линкор, а корабль хитро дремлет весь день, а ночью, как проснется да как загрохочет!..

Вот и этой ночью он им даст!

И радость отмщения бодрит Алешу. Он потирает руки, бормоча:

— Попадет, попадет вам, дураки!

От сильных переживаний вдруг очень захотелось есть. Так, что закружилась голова, и мальчик повалился на пол мягко, как ватный. И долго лежал в забытьи.

— Тра-та-та-та! Тра-та! Тра-та! — пробуждают его звуки горна.

Оказывается, уже новое утро. Он проспал от слабости целые сутки. И чуть не умер во сне! Но жив скуластый паренек, к которому перешел его горн, значит, и он будет жить!

Алеша приподнимает голову, потом, опираясь на руки, встает и идет к столу, где ждет его недоделанный урок. Надо заниматься, надо учиться, отставать нам нельзя, мы ленинградцы!

Надо собраться с силами. И настроить мысли на занятия. Собрались же с силами ребята, которых повел горнист помогать пострадавшим от обстрела.

Какой же это отличный парень из пригородного колхоза, сколько в нем жизни! Это какой-то бессмертный горнист!

Алеша даже загадал: «Если каждое утро он будет играть побудку, я буду жить!»

Вот и вечер наполнил комнату синим светом. Пора опустить тяжелые, плотные шторы и зажечь лампочку-коптилку. В темноте нехорошо. Страхи ползут какие-то.

Главное, не застыть, надо двигаться, пока не придет мама. Она потормошит, потискает немного.

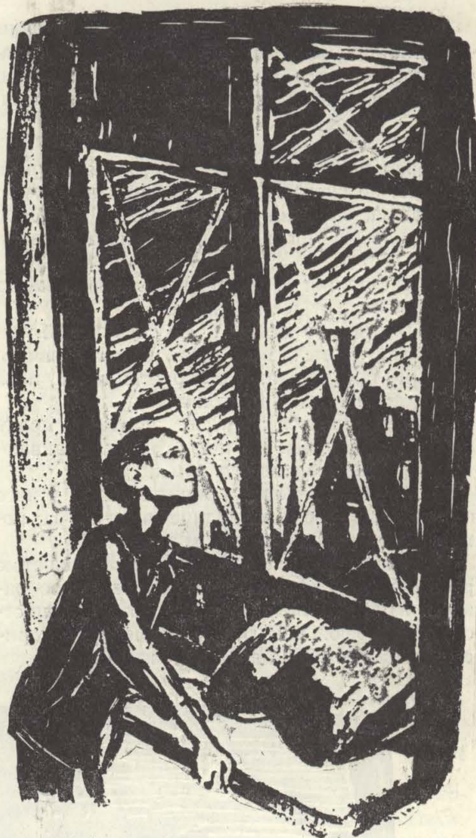
С мамой ночь не страшна. Только бы пережить то время, когда остаешься один, без нее.

Прошел еще один день осады. И Алеша остался жив.

Темнеет быстро. Лишь на западе зловеще багровеет полоса заката. И вдруг в этой багровой полосе возникают черные силуэты птиц. Стаями тянутся к городу... Воронье... Летят, а не машут крыльями... Фашистские стервятники...

Куда же летят они? Тянут к Неве...

Один за другим пикируют с высоты и опять, опять клюют и клюют «Марат».

Воздух сотрясается от взрывов, и снова из окна вываливается подушка.

— Ничего у вас не выйдет, дураки, дураки! — шепчет он, отворачиваясь от окна, не в силах глядеть на зловещую картину бомбежки.

— Значит, досадил он вам ночью... Постойте, вот стемнеет, наша возьмет!

И спускает тяжелую штору.

Во всех углах комнаты сгущается тьма, только над столом желтый, теплый огонек коптилки. И рядом стриженая голова мальчика. Беззвучно движутся его губы, он шепчет сам себе диктант. Он занимается. Если не придет учительница, мама проверит уроки и задаст новые.

Вот она идет! Это ее шаги! Он различает их издалека, на самых первых ступеньках лестницы! Она останавливается на каждой площадке. Отдыхает, а может быть, ждет, пока он поднимется, пойдет к ней навстречу,

чтобы помочь открыть забухшую от сырости дверь.

Когда мама тянет дверь к себе, а он толкает ее, пусть слабо, чуть-чуть, мама уже чувствует, что сын здесь, жив! И это такая радость!

Но сегодня он что-то очень слаб. У него не хватает сил, не может он толкнуть дверь и сползает к порогу...

И в это время дверь открывается, и к нему навстречу падает мама. Ее одежда пахнет морозом и дымом. Ее лицо черно от копоти. Пряди волос слиплись. И губы черствы. Но он целует, целует их, хотя ему больно...

И вдруг понимает: это не его мама... Чья-то чужая. У нее такие же ввалившиеся глаза. И из них так же, как у мамы, текут слезы. И она шепчет те же слова, что мама:

— Ты жив? Ты цел? Зайчонок!

Ему хочется сказать, что она ошиблась подъездом. И он совсем не ее «зайчонок». Но чужая мама, схватив его в объятия и усаживая на стул, говорит:

— Вижу, занавешено ваше окошко даже днем... Думаю, никого в живых уже нет. И вдруг смотрю щелочка и в нее кто-то смотрит... Как бросилась я вверх по лестнице, откуда и силы взялись! Подумала, а вдруг это мой?.. А у тебя, что, тоже никого не осталось? Ты один? На вот, маленький. Кушай!

И сует ему в рот что-то липкое.

— Это питательно. Это я своему несла... А его нет. И дома нет и ничего нет... развалины. Когда уходила, все еще было... И дом и он... Ну, ты кушай, кушай... Да ты что, разучился есть? Давно один? Ослаб совсем... Кушай, кушай, ты должен есть, чтобы жить!

Алеша машинально ест. Согревается и засыпает.

Возможно, это ему приснилось... Но, проснувшись еще раз от звуков горна, мальчик обнаруживает подле себя сверток с едой. От него так необыкновенно пахнет, что Алеша находит его сразу. Развертывает, что же там? Хлеб, намазанный повидлом! Это так вкусно... И его зубы сами впиваются... Но тут его останавливает мысль: «Это не мое... Здесь какая-то ошибка!»

Но зубы уже нельзя остановить. Они жуют, жуют...

Наверно, Алеша уже был так плох, весь организм его был на таком крайнем пределе, что не съесть этот хлеб с повидлом было бы равносильно смерти. И когда мальчик проглотил все до последней крошки, он впал в забытье...

Когда Алеша проснулся снова, он сразу встал с кровати. И чуть не упал от радости: в дверях показалась мама.

— Ты жив? Цел, олененок! — Она крикнула таким голосом, как та, чужая мама, которая назвала его «зайчонком».

И у нее тоже закапали слезы. И они обнялись так крепко, что слышали биение сердец друг друга за тонкими, слабыми ребрами. И это так радостно! Бьются два сердца рядом. Они живы, живы. И вместе.

— Как ты тут жил без меня? Олененок!

— Ничего, — отвечает Алеша.

— А я, когда очнулась, спрашиваю, где я, что со мной, какой день идет?.. Подумать только, была в обмороке трое суток! Как упала, выходя из цеха... И вот... Хорошо... Хорошо, что подвезли на машине... Жив, жив, милый Алешуня мой... Теперь все будет хорошо. Все чудесно. Ты не слышал — по льду Ладоги проложена ледовая дорога. Дорога жизни! А что ты ел тут без меня? Как ты не умер с голоду? Постой, да у тебя кто-то был... Чужие варежки...

И Алеша тоже замечает варежки под столом... И рассказывает о чужой маме, которая ему словно приснилась. Как она плакала о своем и кормила чужого «зайчонка».

Мама молча кивает головой. Она видела этот дом, развалины которого до сих пор курятся дымом... Там работают саперы, спасают людей из-под обломков... И многих уже спасли.

— Может, она еще найдет своего, поэтому она и поторопилась уйти, — старается мама утешить Алешу.

— Зачем же я съел его хлеб с повидлом?

— Ничего, Алеша, только был бы он жив. В госпитале накормят... Да и я могу помочь... Если... Как же она ушла и ничего, кроме этих варежек... Она ничего не сказала? Хоть бы узнать, кто она? Может быть, с Антоном Петровичем она разговаривала? Он что, спит после дежурства? — прислушалась мама. — Почему на тебе его меховое пальто?

— Я забыл, он же ушел... За картошкой. Велел ждать его.

— Да? — Мама тревожно оглядела комнату. — А взял ли он мешок, Алеша?

— Взял, взял, я сам видел... И оделся похуже, это ведь далеко, там уже окопы... И яма. Полная яма картошки!

— Зачем же ты отпустил его, Алеша?

— Так он же обещал вернуться!

— И отдал тебе хлеб? И карточки до конца месяца?

— Да, вот они, велел получать, а он там у родственников покормится. Картошкой. Ну, что ты, мама?

— Давай, Алеша, помолчим.

— Ты думаешь, он пошел на кладбище?

— Чтобы не быть людям в тягость?.. Нет, Алеша, нет! Помолчим...

— Он же обещал вернуться... А пальто набросил на меня, чтобы мне было теплее!.. Нет, мама... Он не мог обмануть меня!

— Нет, конечно, Алеша, старые коммунисты не обманывают... Мы будем ждать его.

Мать и сын долго молчали.

А потом они обедали и заодно ужинали, заправив кипяток лавровым листом. Получился почти суп. Они ели его ложками, налив в тарелки. И несли ко рту, подставив ломтики хлеба. Когда на хлеб капало, хлеб тоже пропитывался запахом настоящего супа. Так вкусно! Мама, как всегда, пыталась перехитрить сына, подсунуть ему кусочек хлеба побольше.

Но Алеша бдителен. Он разгадывает ее «военные хитрости» и не ошибается, сортируя маленькие кубики, на которые они режут паек.

Сегодня уже подвезли муку по «дороге жизни», по льду Ладоги. Был туман, и немецкие летчики не смогли помешать нашим автоколоннам. Все прошли.

И завтра, глядишь, машины пробьются, и можно будет вот так же есть не пустой обед и ужин, а с хлебом, с настоящим хлебом!

И сын и мать полны надежд, укладываясь спать вместе, чтобы согревать друг друга. Они вдоволь насмотрелись на огонь. Закрыли печь.

Прежде чем заснуть, еще долго говорят, не наговорятся. Алеша рассказывает, как снова его разбудил утром веселый горнист.

— Он так хорошо трубил, мама, так громко! Ты не бойся, он и завтра придет и разбудит. Я знаю. Он такой здоровый паренек из пригорода. Он жив, и я буду жить!

— Такой беленький, да? — говорит мама. — Кажется, я его видела вчера.

— Нет, он смугловатый.

— Ага, с голубыми большущими глазами, ну да, я же с ним встретилась в воскресенье, собирая обломки мебели на дрова...

— Да нет же, мама, глаза у него как раз карие.

— Ну, мне показалось...

— Конечно, ты его видела издалека, а я смотрел прямо ему в глаза, когда передавал горн.

— Да, крепкий мальчишка, на нем матросский бушлат...

— И вовсе и не бушлат, а полушубок.

И вдруг они засыпают, не успев уточнить, как выглядит горнист.

Он жив, здоров, каким бы он ни был, голубоглазым или кареоким, главное, что он трубил в горн, призывно поднимая ребят на борьбу за жизнь.

И каждый раз, пробуждаясь, Алеша улыбкой ранил себе губы.

«Жив горнист!»

Так продолжалось много-много дней. Пока наконец не пришла весна. И все, кто уцелел, вышли на улицу. И Алеша вышел с семенами, сбереженными для посева. И взрослые и дети чистили, убирали улицы, вскапывали каждый клочок земли. Семена были нужны, как вода и воздух. Каждому пакетику люди радовались. Алеша, преодолевая усталость, бросился к горнисту, как только завидел паренька с медной трубой в руках. Обнял, подкравшись сзади, и удивился, что горнист так худ. Закрыл ему глаза ладонями:

— Угадай, кто? Не узнаешь? Спасибо тебе! Спасибо, друг! Если бы не ты, я бы, пожалуй, умер! Как ты здорово трубил каждое утро побудку! И откуда у тебя столько силы? Я едва по комнате передвигался... А ты чуть не по всему городу... Я слышал, как ты играл и на нашей улице, и дальше, и еще дальше... Ты просто железный какой-то! Ну, разве ты меня не помнишь? Ты же принял от меня горн, тогда зимой.

Поняв, что горнист не может угадать, кто с ним разговаривает, Алеша разомкнул руки и заглянул ему в лицо.

И отшатнулся. Перед ним стоял совсем незнакомый мальчик, не тот, которому он передал горн, а синеглазый, узколицый. Совсем другой.

— А где же тот, из пригорода? Вася?

— Не знаю, — сказал синеглазый, — мне передал горн Аркадий с нашего двора.

— А ему кто?

— Девочка из дома напротив...

— А ей кто?

Оказывается, ходил и трубил не один горнист и не два, а много-много мальчиков и девочек. Они сменялись, передавая горн из ослабевших рук в более сильные. Многие умирали, но горн жил, звучал непрерывно, помогая ленинградским ребятам стойко переносить беду.

И вот всем ребятам светит солнце. Они будут жить. А их враги утекли, как растаявший снег в половодье.

А бессмертные наши горнисты — послушай! — они и сейчас по утрам звонко играют побудку!

ЧТО скажет Володя

Я знаю, что это странно, но я люблю школу. Я люблю и домашние уроки. Но я хотел бы и играть во дворе, как играют другие ребята. Как сделать, чтобы оставалось время для игры?

Зорик ЖИЛЬЦОВ, Ленинград.

Наверное, ты недостаточно любишь уроки, если тебе приходится делать их так долго. И, наверное, ты не очень хочешь играть с ребятами, если не можешь найти для них время. Но я, конечно, не прав. И ты это докажешь. Сегодня же, энергично, не отвлекаясь, сделаешь уроки и пойдешь играть. Лодырей высмеивают за то, что они целый день во дворе, но и тратить целый день на уроки, ты прав, жалко. Постарайся быть энергичным.

Мне нравится девочка из нашего класса, но я не могу ей об этом сказать. Что ты мне посоветуешь?

Миша ГОНЧАРОВ, Ленинград.

Ты же хочешь сделать приятное этой девочке? Реши. Пойди и скажи. Разве это не обрадует ее?

Все считают, что Таня красавица, а я так не считаю. И меня называли завистницей. Но, по-моему, главное в человеке — внутренняя красота. Разве это так трудно понять?

Лена ГУСЕВА.
г. Симферопольский,
Волгоградской обл.

Каждый имеет право на собственное мнение. Девочки не правы, если хотят, чтобы ты думала, как все. Но и ты постарайся понять, что другие люди могут думать иначе, чем ты.

Меня считают клоуном в классе. А я не хочу быть посмешищем. Что мне делать?

Боря КРИВОНОС, Киев.

Боря, клоун — это тот, кто видит в окружающем смешное, незаметное для всех и изображает его так, что всем становится ясно. «Да это ведь смешно, как же мы не заметили?» — и все смеются. Если клоун хороший, то смеются не над ним, а над тем, что он изобразил. Если же ты ничего не изображаешь, а просто кривляешься, тогда ты посмешище. Это неприятно и тебе и окружающим. Что делать? Попробуй через смешное в себе показывать смешное в жизни.

А еще вот что. На твоем месте я бы чем-нибудь очень серьезно занялся: математикой, радиотехникой или, скажем, спортом. Серьезное занятие не покажется ребятам смешным. Не так ли?

Почему родители такие непринципиальные? Обещали давать деньги каждый месяц, но каждый раз забывают, и все разговоры начинаются сначала.

Волик АФАНАСЬЕВ, Москва.

Попроси еще раз и, если это будет безрезультатно, больше не проси. Будь гордым. Ты же обойдешься без этих денег.

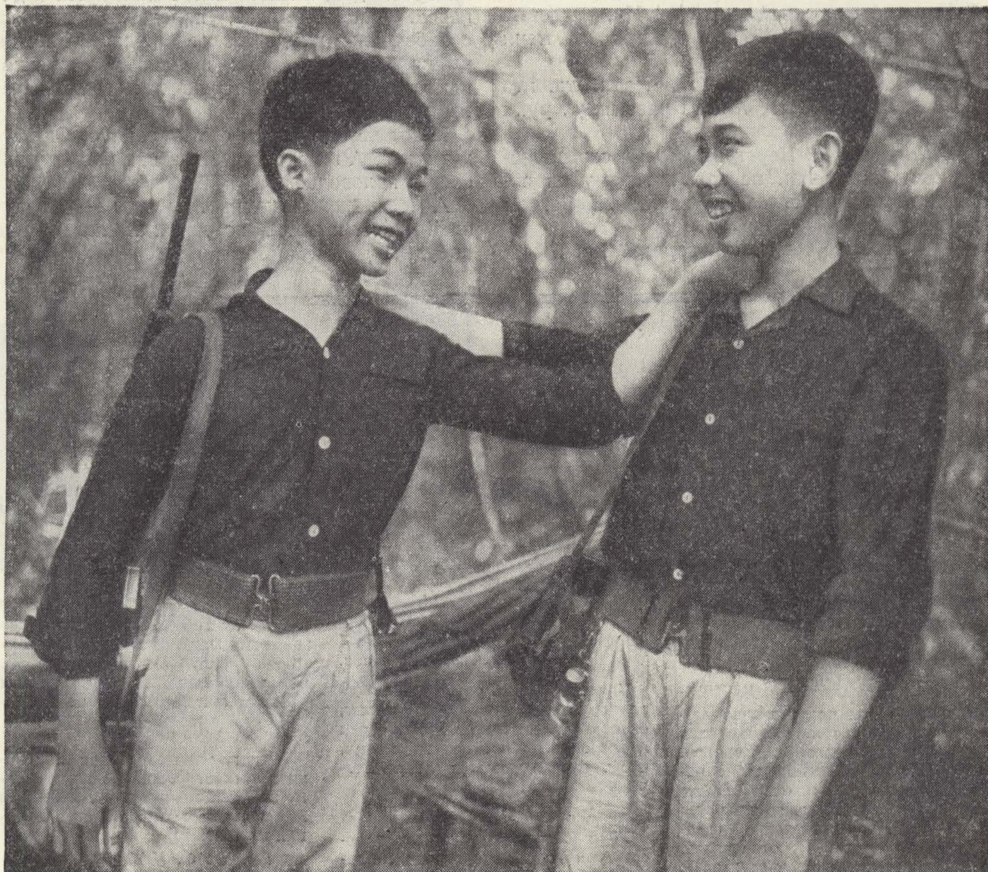
Мама не понимает, что я выросла, считает меня маленькой. Как мне доказать, что это не так?

Соня МИХАЙЛОВА, Москва.

Сонечка, меня тоже когда-то волновал этот вопрос, но потом я понял: для мам дети всегда маленькие, и с этим ничего поделать невозможно.

Владимир МАЗЕПУС

Встречи с отважными

Эти снимки я привез из Южного Вьетнама. Прямо с фронта. Вы ведь знаете: южновьетнамский народ уже много лет героически сражается против американских оккупантов и их наемников.

Длинный и опасный путь — путь через войну — проделали кадры фотопленки. Посмотрите на них внимательно. Они расскажут вам о самых юных вьетнамских бойцах и патриотах. О ваших, ребята, сверстниках.

Жалко, что я не могу вам назвать их настоящих имен. Как бойцы Армии освобождения, подпольщики и партизаны, ребята зовут друг друга по кличкам: Мот, Хай, Ба, Ты, Нам, Шау, Бай, Там, Тин, Мыой (то есть первый, второй, третий, четвертый и т. д.).

Вот этих двух ребят — Бая и Ты — я встретил на партизанской тропе. Они были одеты в новое военное обмундирование. На плечах их покачивались трофейные американские карабины.

Несколько месяцев назад Бай и Ты воевали в партизанском отряде родной деревни в дельте реки Меконг. Потом им выпала боль-

шая честь: за отвагу и находчивость командир отряда поддержал просьбу ребят о вступлении в Армию освобождения, и они стали ее бойцами. Недавно их подразделение наголову разбило целых три батальона карателей.

— Как только победим на войне, прогоним всех до одного американцев, тогда обязательно приедем к вам, в Советский Союз,— сказал мне Ты.— А пока передайте от нас с Баем привет всем советским школьникам!

Несмотря на жестокую войну, в освобожденных районах Южного Вьетнама открыты школы. В них учится около полутора миллионов детей. Фотографию школьного урока я сделал в партизанской деревне, в двадцати пяти километрах от Сайгона, оккупированного американцами.

Под навесом из пальмовых листьев стоят длинные парты. За каждой — четыре-пять учеников. Около первой парты зияет большая яма — вход в бомбоубежище. Когда в небе появляются американские самолеты — а это бывает очень часто,— ребята спускаются в яму и по тайному подземному ходу пробираются в деревню. И яму и ход длиною в сотни метров школьники вырыли сами. А если на деревню нападает батальон карателей, все ребята помогают партизанам отбить врага.

И вот что самое интересное: в Южном Вьетнаме уже есть пионеры! Посмотрите на их отряд. Ребята этого отряда живут в одном из партизанских районов провинции Цзя-Динь. Вожатая у них — учительница-комсомолка. Ей семнадцать лет, но учить она начала два года назад, когда сама только что окончила четвертый класс. По вечерам пионеров и вожатую можно увидеть в крестьянских хижинах: они обучают грамоте взрослых.

У южновьетнамских пионеров нет пока галстуков, знамени, барабана. Но каждый из них торжественно обещал хорошо учиться, помогать Армии освобождения, быть верным делу социализма.

Иван ЩЕДРОВ

Януш **КОРЧАК**

Король Матиуш Первый

(Продолжение.)

Перевела с польского Муза ПАВЛОВА.

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО.

Начались жалобы.

Министр финансов говорил, что у него нет денег. Министр торговли — что торговцы много потеряли из-за войны и не могут платить налогов. Министр путей сообщения сообщил, что вагоны совершенно испортились и нужно их ремонтировать, а это будет дорого стоить. Министр просвещения сказал, что дети за время войны распустились без отцов. Учителя требуют увеличить жалованье, а также вставить разбитые стекла. Поля из-за войны не засеяны, товаров из-за войны мало...

Старший министр выпил стакан воды, что он делал всякий раз, когда собирался долго говорить. Матиуш ужасно не любил, когда старший министр пил воду.

— Господа, наше совещание выглядит странно. Если бы кто-нибудь, не зная, в чем дело, услышал все это, он подумал бы, что война окончилась для нас несчастливо, что мы побеждены. А ведь мы победители. До сих пор побежденные платили контрибуцию, а победитель обогащался. И это правильно: выигрывает тот, кто не скупится на пушки, на порох, на провизию для войска. Мы затратили больше всех, и мы выиграли. Но почему мы должны платить? Они нас затронули, они с нами начали войну, мы им простили — и в этом наше великодушие и доброта. Но почему они не должны возместить нам военные расходы? Не хотим ничего вашего, но дайте нам то, что нам следует. Героический король Матиуш, преисполненный благородства, заключил с врагами мир. И это было шагом столь же разумным, сколь и великодушным. Но мир, заключенный без контрибуций, создал необычайные финансовые затруднения...

— Господин старший министр,— прервал его Матиуш,— хватит этой брехни. Дело в том, что вы хотите управлять, а я снова должен быть фарфоровой куклой. Так вот, я вам говорю: к дьяволу, сто тысяч чертей, я не согласен!

— Ваше величество...

— Хватит. Не согласен — и баста. Я король и королем останусь.

— Прошу слова,— отозвался министр юстиции.

— Пожалуйста, только покороче.

— По закону: добавление пятое к параграфу 777555, книга XII, том 814, Свод законов и предписаний, страница пятая, строка четырнадцатая, читаем:

«Если наследнику престола нет еще полных двадцати лет...»

— Господин министр юстиции, меня это не интересует.

— Понимаю: ваше величество желает обойти закон. Я готов назвать пункт, который это предвидит. Имеется параграф 105, том 486.

Министры, белые как мел, шли в тюрьму.

— Господин министр юстиции, меня это не интересует.

— И на это есть пункт. *«Если король пренебрегает законами, заключенными в параграфах...»*

— Перестанете вы, холера вас забери...

— И о холере есть закон. *«В случае вспышки эпидемии холеры...»*

Потеряв терпение, Матиуш хлопнул в ладоши. В зал вошли солдаты.

— Арестуйте этих господ!— крикнул Матиуш.— Отведите их в тюрьму!

— И на это есть закон! — вскричал обрадованный министр.— Это называется военная диктатура... Ой, это уже беззаконие! — крикнул он, когда солдат штыком ткнул его в ребро.

Министры, белые как мел, шли в тюрьму. Военный министр остался на свободе.

Воцарилась гробовая тишина. Матиуш остался один. Заложив руки за спину, он долго ходил по залу. И каждый раз, когда проходил мимо зеркала, смотрел в него и думал: «Я немного похож на Наполеона».

На столе осталась куча бумажек, может быть, подписать их, все подписать, что в них написано? Почему на одних написано «разрешаю», на других «отложить» или «запретить»?

Может быть, не всех министров следовало арестовать? Может быть, вообще не следовало этого делать? Что-то теперь будет?

И за что, собственно? Что плохого они сделали? По правде говоря, Матиуш сделал глупость. Почему он так поспешил с заключением мира? Мог вызвать министров, наверно, министр финансов сказал бы о контрибуции. Кто мог знать, что есть какие-то контрибуции? Да, что правда, то правда. Почему должен платить тот, кто победил? Ведь они сами начали!

— А может быть, написать королям? Их целых три, им легче заплатить, чем ему одному.

Но как пишутся такие бумаги? Как он говорил, этот министр: том 814. Сколько же этих книжек? А Матиуш прочитал только два сборника рассказов и биографию Наполеона. Это очень мало.

Тяжелые мысли мучили Матиуша, но вдруг в открытое окно он услыхал голос кукушки. Наконец-то!

— Слушай, Фелек, что бы ты сделал на моем месте?

— Я бы на месте вашего величества продолжал веселиться в саду, а на их совещания не ходил бы совсем. Я бы делал, что мне нравится, а они пускай делали бы, что им нравится.

Матиуш подумал, что Фелек все-таки наивный мальчик и не понимает, что король должен управлять для счастья народа, а не играть в городки. Но он не сказал ему этого.

— Нехорошо получилось, Фелек. Они уже сидят в тюрьме.

— Пускай сидят!

— Нет, погоди. Слушай, я без них ничего не знаю, даже старые короли не могут обойтись без министров.

— Ну так можно их выпустить.

Матиуш от радости чуть не бросился Фелеку на шею. Так просто, а ему не приходило в голову! Действительно, ничего плохого не случилось. Можно их в любую минуту выпустить. Но он поставит им условия. Им не будет разрешено так распоряжаться. Они должны будут его слушаться. Нет, так не будет, чтобы он, король, вынужден был что-нибудь красть из буфета или из собственного сада, чтобы угостить приятеля или смотреть с завистью через решетку на игры ребят. Он тоже хочет играть. Хочет, чтобы его учителем был добрый капитан, под чьим начальством пробыл он всю войну. Что же в конце концов он хочет такого плохого? Хочет быть веселым мальчиком, как каждый, хочет, чтобы его не мучили.

Фелек не мог оставаться долго, потому что у него были какие-то важные дела в городе; он пришел только одолжить немного денег — какие-нибудь пустяки: на трамвай и, может быть, на папиросы и шоколад.

— С большим удовольствием. Возьми, Фелек.

И Матиуш снова остался один.

Церемониймейстер почему-то его избегал, воспитатель куда-то спрятался, а лакеи двигались бесшумно, как тени.

И вдруг Матиушу пришла в голову мысль: а что, если все они считают его тираном?

Его охватил страх.

Это было бы ужасно. Ведь Матиуш был правнуком Генриха Стремительного, который убивал людей, как ворон.

Что тут делать, что делать?

В комнату тихо вошел старый доктор Матиуша. Матиуш искренне обрадовался.

— У меня важное дело,— начал несмело доктор.— Однако боюсь, что ваше величество мне откажет.

— А что, разве я тиран?— спросил Матиуш, внимательно глядя доктору в глаза.

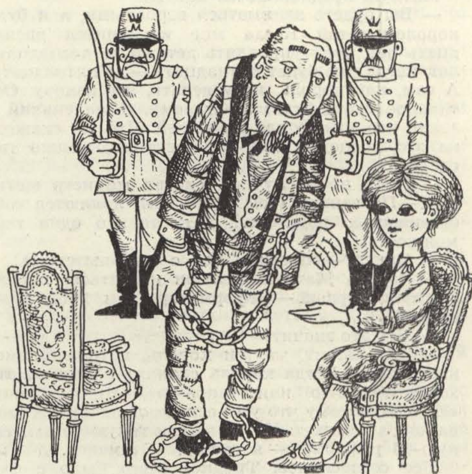
— Э, почему тиран? Просто я пришел с трудным делом.

— С каким?

— Я хотел бы просить несколько небольших льгот для арестованных.

— Говорите смело, доктор. Заранее на все согласен. Я на них совсем не сержусь. Я готов их выпустить из тюрьмы, только они должны мне обещать, что не будут слишком распоряжаться.

— Вот это настоящие королевские слова! — вскричал обрадованный доктор. И начал смело

Министра юстиции он велел позвать к себе...

читать просьбы арестованных.— Старший министр просит подушку, матрац и перину, потому что не может спать на соломе, так как у него болят кости...

— А я спал на земле,— сказал Матиуш.

— Министр здравоохранения просит щетку и зубной порошок. Министр торговли просит белый хлеб, потому что не может есть черный, тюремный. Министр просвещения просит книжку. Министр внутренних дел просит порошков: от неприятностей у него начались боли в желудке.

— Ну, а министр юстиции?

— Он ничего не просит, потому что прочел в 745-м томе Свода законов, что заключенные министры только после трех дней пребывания в тюрьме имеют право обращаться к королевской милости, а они сидят только три часа.

Матиуш приказал послать всем министрам дворцовую постель, королевский обед, а вечером ужин с вином. А министра юстиции велел под стражей привести к себе, любезно предложил ему кресло и спросил:

— Будет ли это законно, если я завтра выпущу вас из каталажки?

— Не совсем, ваше королевское величество, но военная диктатура признает ускоренную процедуру.

— А если я их выпущу, могут они посадить меня в каталажку?

— Не имеют права, хотя, с другой стороны, параграф 949 оговаривает сторону закона так называемого покушения на правительство.

— Не понимаю,— признался король Матиуш.— Сколько надо времени, чтобы понять все это?

— Наверно, лет пятьдесят,— ответил министр.

Матиуш вздохнул.

С министров сняли кандалы, отвели их в тюремную столовую, сюда же прибыли с воли министр юстиции и военный министр, стража с обнаженными саблями заняла свои места, и совещание началось.

Матиуш предложил им вот что:

— Вы будете заниматься взрослыми, а я буду королем детей. Когда мне исполнится двенадцать лет, буду управлять детьми до двенадцати лет, когда мне будет пятнадцать — до пятнадцати. А сам, как король, могу делать, что захочу. Остальное пусть будет по-старому. Я маленький и знаю, что нужно для малышей. Что вы скажете на это, господин министр юстиции, можно так сделать?

— Ни в коем случае,— сказал министр юстиции.— По закону (том 1 349) дети являются собственностью родителей. Есть только одна возможность.

— Какая?— спросили все с любопытством.

— Король Матиуш должен назваться: король Матиуш Первый — Реформатор (том 1 764, страница 377).

— Что это значит?

— Это значит, что он король, который изменяет закон. Когда король скажет: «Хочу издать закон такой-то или такой-то»,— то я скажу: «Нельзя, потому что уже есть иной закон». А когда король скажет: «Хочу ввести такую-то или такую-то реформу»,— я скажу: «Отлично».

Все согласились. Труднее всего было с Фелеком.

— Он не может быть фаворитом.

С министров сняли кандалы, отвели их в тюремную столовую, и совещание началось.

— Почему?

— Потому что этого не позволяет этикет.

На заседании не было церемониймейстера, так что министры не могли хорошенько объяснить, что такое придворный этикет.

— Ну хорошо,— сказал Матиуш, чтобы их испытать,— а если я не уступлю и оставлю вас и дальше в тюрьме?

— Это уж совсем другое дело,— улыбнулся министр юстиции.— Король может все.

Матиуш удивился, что из-за какой-то глупости, из-за какой-то бумажки столько людей согласны сидеть в заключении.

— Ваше величество,— сказал министр юстиции,—вы не обижайтесь, закон и это предвидит, есть и об этом замечание в 235-м томе. Король может и при жизни назначать фаворитов, но должен называться не Реформатором...

— А как?— спросил Матиуш встревоженно, потому что начал уже немножко догадываться.

— Он должен быть королем Тираном.

Матиуш встал, тюремная стража настороженно подняла сабли. Наступила глубокая тишина. Все даже побледнели от страха, ожидая, что скажет король Матиуш. Даже тюремные мухи перестали жужжать.

А Матиуш громко и отчетливо сказал:

— С сегодняшнего дня я называюсь королем Матиушем-Реформатором. Господа, вы свободны.

Тюремный сторож тут же вынес кандалы в кладовую, потому что они не были нужны, тюремная стража спрятала сабли, а ключник открыл тяжелые железные двери. Министры весело потирали руки.

— Сейчас, господа. Я хочу дать моему народу одну реформу. Пусть завтра каждый школьник получит фунт шоколада.

— Слишком много,— сказал министр здравоохранения.— Самое большее — четверть фунта.

— Хорошо, пусть четверть фунта.

— Во всем государстве пять миллионов школьников,— сказал министр просвещения.— Если шоколад должны получить и шалопаи и лодыри...

— Все,— вскричал Матиуш,— все без исключения!

— Такое количество шоколада могут приготовить наши фабрики только в девять дней.

— А поезда могут развезти по всей стране за неделю.

— Как видите, ваше величество, приказ может быть выполнен только через три недели.

— Ну, ничего не поделаешь,— сказал Матиуш, а про себя подумал: «Как хорошо, что у меня опытные помощники! Без них я даже не знал бы, сколько потребуется шоколада, без них не знал бы, кто должен его сделать. Не пришло бы мне в голову, что нужно развозить его по всей стране».

Но вслух Матиуш этого не сказал. Даже сделал вид, что немного недоволен, и добавил:

— Итак, прошу, чтобы завтра же было объявлено об этом в газетах.

Матиуш поехал в королевском автомобиле во дворец, там выбежал в сад и свистнул Фелеку.

— Видишь, Фелек, теперь я уже настоящий король. Все уже хорошо.

— Ваше величество, но мне-то не очень.

— Почему?— спросил удивленный Матиуш.

— Потому что отец так меня отлупил за эту бумагу, что у меня шрапнель перед глазами летала.

— Отлупил тебя, говоришь?— удивился Матиуш.

— Ну да. «Право короля,— говорит,— давать тебе милости, а мое отцовское право, дворняга ты этакий, ребра тебе пересчитать. Во дворце ты королевский, а дома ты отцовский».

Матиуш был осторожен. Он уже знал, что ничего не следует делать наспех. В жизни, как на войне: «Если хочешь победить, ты должен хорошо приготовиться». Поспешил с этой бумагой— и сделал глупость. Себе натворил хлопот, и Фелеку досталось. А теперь стыд и срам для его королевской чести.

— Слушай, Фелек, мы немного поспешили. Помнишь, я хотел подождать? Я должен объяснить тебе одну вещь.

И Матиуш рассказал, как получилось с шоколадом.

— Короли не могут делать всего, что хотят.

— Ну да, ваше королевское величество...

— Слушай, Фелек, ты называй меня лучше по имени. Ведь мы вместе воевали, благодаря тебе я вырвался из плена.

Посоветовавшись, они решили, что с глазу на глаз будут называть друг друга по-старому.

— Идет, Валигора.

— Идет, Вырвидуб.

Теперь уже легче было Матиушу отобрать злополучную бумагу.

— Дам тебе за эту бумагу коньки, две биты, альбом с марками, увеличительное стекло и магнит.

— И старик опять меня изобьет.

— Право, мой Фелек, будь терпеливым, сам видишь, что короли не могут так сразу. Короли должны слушаться закона.

— А что это такое?

— Я сам еще хорошенько не знаю. Это какие-то книжки или что-то такое...

— Ну да,— сказал грустно Фелек,— если ты все время на совещаниях, так ты понемногу учишься всему, а я что?..

— Не беспокойся, Фелек, увидишь, все будет хорошо. Если я могу раздать пяти миллионам детей шоколад, то ведь и для тебя могу сделать много хорошего. Только это должно быть сделано по закону. Ты совсем не знаешь, как я долго теперь не могу заснуть по вечерам. Лежу, лежу и все думаю, думаю: что бы это сделать такое, чтобы всем было хорошо? Что я мог бы дать взрослым? Папиросы? Но у них есть деньги, сами могут себе купить. Водку дать — напьются, что же хорошего?

— Не знаю,— сказал Фелек.— Я бы приказал сделать качели, карусель с музыкой...

— Видишь, Фелек, ты не король, ты этого не понимаешь. Хорошо, пусть будет карусель, но не одна. Сейчас же на ближайшем совещании скажу, чтобы во всех школах устроить качели и карусель с музыкой.

— И кегли и тир.

— Ну, видишь...

Как только министры вышли из тюрьмы, они сейчас же отправились в кондитерскую пить кофе со сливками и есть пирожное с кремом. Они получили свободу, но вид у них был невеселый. Все поняли: с Матиушем будет нелегко.

— Прежде всего нужно будет одолжить денег.

— А нельзя ли напечатать новые деньги?

— Сейчас нельзя, потому что слишком много мы напечатали во время войны. Нужно немного подождать.

— Ба, жди тут, когда нужно столько платить!

— Так вот, я и говорю, что мы должны одолжить у иностранных королей.

Съели по четыре пирожных с кремом, выпили кофе со сливками и пошли домой.

На другой день старший министр у короля на аудиенции сказал, что нужно одолжить деньги у других королей.

— Хорошо,— согласился Матиуш,—а я с сегодняшнего дня начинаю брать уроки у моего капитана.

Приехал военный министр с капитаном. Матиуш сердечно с ними поздоровался, даже спросил, нельзя ли произвести капитана в майоры, но оказалось, что нельзя, потому что капитан еще недавно был поручиком.

— Вы будете учить меня всему, а иностранный воспитатель — только иностранным языкам.

И Матиуш начал учиться с такой охотой, что даже забыл об играх. Капитан жил далеко, так что Матиуш предложил, чтобы он поселился во дворце вместе с семьей. У капитана был сын Стасек и дочь Еленка. Приходил и Фелек на уроки, но много пропускал: он не очень-то любил учиться.

В королевский сад стали приходить дети. Отец Фелека, который до вступления в армию был столяром, сделал качели, и все качались, играли в прятки, в мяч, в пожарников, катались на лодках по королевскому пруду, ловили рыбу. Садовник был недоволен новыми порядками и жаловался в дворцовое управление. Но Матиуш был теперь королем-Реформатором и вводил собственные порядки.

Уже велено было поставить в тронном зале печь. Матиуш заявил, что не думает мерзнуть во время аудиенций.

Раздача шоколада в столице происходила так: дети были выведены изо всех школ и поставлены в два ряда на улицах. Ехали в грузовиках солдаты и раздавали шоколад. А когда кончили, Матиуш поехал по улицам, а дети ели, смеялись и кричали:

— Да здравствует король!

И Матиуш вставал, посылал им воздушные поцелуи, размахивал шляпой, махал платком и нарочно вертелся, улыбался, двигал руками и головой — пусть не подумают, что это опять их обманывают и возят фарфоровую куклу.

Но все и так знали наверняка: это настоящий Матиуш. Кроме детей, были на улицах их отцы и матери, тоже довольные, ибо дети теперь стали лучше учиться, зная, что король их любит и помнит о них.

К этим торжествам министр просвещения добавил от себя сюрприз: воспитанным и прилежным школьникам были розданы билеты в театр. Итак, вечером Матиуш, капитан, Фелек, Еленка и Стасек заняли королевскую ложу, а весь театр был полон детей.

Когда Матиуш вошел в ложу, оркестр заиграл гимн. Все встали, и Матиуш вытянулся, как требует того этикет.

Министров на спектакле не было, они как раз заканчивали составление бумаги об иностранном займе; у них не было времени. Только министр просвещения забежал на несколько минут и сказал, довольный:

— Это я понимаю. Теперь получили награду те, которые ее действительно заслужили.

Матиуш вежливо его поблагодарил, и день закончился очень приятно.

Зато на следующий день Матиуш должен был выполнить неприятные обязанности.

Приехали министры и послы иностранных государств: им должна была быть торжественно вручена бумага об иностранном займе. Матиуш должен был сидеть спокойно и слушать.

Акт делился на четыре части.

Когда наконец бумагу прочли, послы сказали:

— Мы отошлем послание нашим правительствам; наши короли хотят жить в дружбе с Матиушем и, наверно, согласятся одолжить ему денег.

Тут подали Матиушу золотое перо, усыпанное драгоценными камнями, и он приписал:

Ваши королевские величества. Я вас победил и не взял никакой контрибуции, а теперь прошу, чтобы вы мне одолжили денег. Так что не будьте свиньями и одолжите.

Король Матиуш Первый — Реформатор.

Иностранные короли пригласили Матиуша в гости. Они писали, что очень просят короля Матиуша приехать к ним, а также капитана, доктора, Стасека и Еленку. Король Матиуш может быть уверен, что не пожалеет. Мы сделаем все, что будет в наших силах, чтобы он хорошо провел время и чтобы получил все, чего захочет.

Матиуш ужасно обрадовался. Он был только в одном иностранном городе, да и то во время войны, а теперь должен был увидеть три столицы, три иностранных дворца и королевские сады и очень интересовался, как там все устроено. В одной столице, говорят, замечательный зооло-

Добро пожаловать, долгожданный юный друг!..

гический сад, где собраны звери со всего света. В другой, говорят, есть такой высокий дом, что, как выразился Фелек, он почти достает до неба. А в третьей магазины с такими красивыми витринами, что можно смотреть на них целый год — и не надоест.

Министры же были очень недовольны: их не пригласили, но ничего они не могли поделать. Министр финансов умолял Матиуша ничего не подписывать, а то его непременно обманут.

— Уж вы не бойтесь,— ответил Матиуш.— Моложе был, а не дал себя обмануть, так и теперь не дам.

— Ваше величество, но они теперь будут притворяться друзьями, война-то кончилась!

— Будто я этого не знаю! — сказал Матиуш. Но в душе был рад предупреждению и решил не подписывать никаких бумаг.— Буду осторожен,— добавил он.

Матиуш ехал уже однажды с войны королевским поездом, но тогда он был очень усталый и не мог как следует все разглядеть. Теперь было совершенно по-другому. Он ехал для собственного удовольствия и мог ни о чем не думать. Ему ведь полагался отдых после такой тяжелой войны! С радостью и со смехом рассказывал он, как, укрытый попоной, прятался от поручика, своего теперешнего учителя. Говорил о жидком супе, о блохах, которые его донимали, о встрече с военным министром, когда из хлева смотрел Матиуш на поезд, в котором сейчас едет.

Ксролевский поезд состоял из шести вагонов. Один был спальный. Каждый имел свою комнату с удобной кроватью, умывальником, столиком и стулом. Другой вагон — столовая. Посередине стоял стол, вокруг стулья, на полу красивый ковер, везде цветы. Третий вагон был библиотекой, и на этот раз, кроме книжек, там были самые красивые игрушки короля. В четвертом была кухня, в пятом ехала дворцовая служба — повар и лакеи, а в шестом были сундуки, полные вещей.

Останавливались на больших станциях, когда нужно было долить воды в паровоз. Вагоны шли так легко, что не было ни шума, ни тряски.

Вечером легли, как всегда, а утром проснулись уже за границей.

Только Матиуш умылся и оделся — явился посол иностранного короля с приветствием. Он сел в поезд ночью и не хотел беспокоить короля Матиуша и сам спал до самой границы, ибо теперь Матиуш находился под его опекой.

— Когда я буду в столице вашего короля?

— Через два часа.

Матиушу было очень приятно, что королевский посол не говорил на иностранном языке, потому что, хотя Матиуш уже понимал и говорил на нескольких иностранных языках, все же приятнее было говорить на своем.

Трудно описать, какой прием ожидал Матиуша. Он въезжал в столицу чужой страны не как победитель его крепостей и стен, а как победитель сердец этого народа. Старый, седой король со своими взрослыми детьми и внуками ожидал его на вокзале. Было столько цветов, словно тут прекраснейший сад, а не железнодорожная станция. Добро пожаловать, долгожданный юный друг! Были произнесены четыре длинных приветственных речи, на серебряном подносе поднесли ему хлеб и соль. На грудь повесили самый высокий орден Льва с огромным бриллиантом. Старый король поцеловал его так сердечно, что Матиушу вспомнились его покойные родители и слезы навернулись ему на глаза. Оркестр, знамена, триумфальные арки. На балконах ковры и флаги.

Так Матиуша еще никогда не приветствовала даже его собственная столица.

Люди не хотели расходиться.

— Пусть он скажет нам что-нибудь! — кричала толпа.

Уже был вечер, когда Матиуш наконец показался на королевском балконе.

— Я ваш друг! — крикнул он.

Грянул орудийный салют, зажглись фейерверки и бенгальские огни. Ракеты рассыпали в небе красные, синие и зеленые звезды. Было очень красиво.

И начались балы, театры, поездки за город, в замки в старых лесах, потом на охоту, потом на смотр войска, и снова торжественный обед, и снова театр...

Внуки и внучки старого короля хотели отдать Матиушу все свои игрушки. Он получил двух прекрасных коней, маленькую пушку из настоящего серебра и новый кинематограф с очень интересными картинами.

Но самое прекрасное было, когда двор поехал на автомобилях к морю, где был разыгран морской бой. Первый раз в жизни Матиуш стоял на корабле, да еще в честь Матиуша названном его именем.

Так принимали Матиуша, и он с удовольствием остался бы подольше, но должен был ехать к другому королю, к тому, которого он отпустил из плена. Этот король был победнее, и приняли Матиуша гораздо скромней, но очень сердечно. Здесь Матиуша ждали тоже очень интересные балы, на которых были негры, китайцы и австралийцы. Одни были желтые, с косичками, другие черные, в носу и ушах носили украшения из раковин и слоновой кости. Матиуш подружился с этими королями; от одного из них он получил четырех красивых попугаев, которые

говорили, как люди. Другой подарил крокодила и змею боа. Третий — двух обезьянок, которые выделывали такие смешные штуки, что Матиуш смеялся каждый раз, когда смотрел на них.

Увидел Матиуш и самый большой в мире зоологический сад, где были пингвины, похожие на людей, белые медведи, зубры, большие индийские слоны, львы, тигры, волки, лисы и всякие зверюшки, вплоть до самых маленьких, как живущие на земле, так и морские. Здесь были всевозможные рыбы и разноцветные птицы, одних только обезьян пятьдесят пород.

— Это все подарки моих африканских друзей,— сказал король.

И Матиуш решил во что бы то ни стало пригласить африканцев и в свою столицу, чтобы тоже завести такой зоосад.

Ну, пора ехать. Что-то покажет ему третий король? Это в его стране тот самый большой дом, о котором говорил Фелек.

У третьего короля Матиуша приняли совсем скромно. Матиуша это удивило. «Скупой он, что ли?»

Даже дворец тут не был похож на королевский замок и почти не отличался от других домов города.

На каком-то лакее были даже не первой свежести перчатки, а на скатерти была хотя и маленькая, но все же дырка, ловко заштопанная шелком.

Король играл, но как-то грустно...

Еще больше удивился Матиуш, когда король повел его в сокровищницу — столько было в ней золота, серебра и драгоценных камней.

— Ваше королевское величество страшно богаты!

— О нет,— сказал король,— если бы я хотел раздать все это гражданам моего государства, на каждого пришлось бы по одной монетке.

И так он это как-то приятно сказал, что у Матиуша даже сердце дрогнуло.

Этот король был самый молодой из всех троих, но какой-то грустный.

Если вечером они не были в театре, король играл на скрипке, но как-то так грустно, что все время хотелось вздохнуть.

«Какие разные бывают короли!» — подумал Матиуш и сказал:

— Говорят, у вашего величества есть громадный дом?

— Ах, да. Я не показывал его вашему величеству, потому что это — здание парламента. Поскольку в вашей стране нет народовластия, я полагал, что вам это не будет интересно.

— А я бы очень хотел увидеть этот... этот... парламент.

Матиуш не понял, о чем говорил король, и снова подумал: «Странно. Мне столько рассказывали, что делали короли сто, двести, тысячу лет тому назад, но почему-то не говорят, что делают и какие короли теперь. Если бы я их знал раньше, может быть, не дошло бы до войны».

Король снова начал играть на скрипке, а Матиуш, Еленка и Стасек слушали.

— Почему ваше королевское величество играет так грустно?

— Потому что жизнь невеселая, друг мой. А уж, пожалуй, самая печальная жизнь у короля.

— У коро-ля-а-а? — удивился Матиуш.— А те два такие веселые.

— И они печальные, дорогой Матиуш, только при гостях притворяются—таков обычай, так велит этикет. Разве могут быть веселыми короли, только что проигравшие войну?

— Ах, вот почему ваше величество так огорчается?

— Я меньше всех из нас троих. Я даже доволен.

— Довольны?— еще больше удивился Матиуш.

— Да, потому что не хотел этой войны.

— Тогда зачем же воевали?

— Должен был, не мог иначе.

«Странный какой-то король,— подумал Матиуш,—не хочет воевать, а объявляет войну и радуется, что проиграл. Очень странный король».

— Выигранная война — это большая опасность,— говорил король, как бы рассуждая сам с собой.— Тогда легче всего забыть, для чего существует король.

— А для чего существует король? — наивно спросил Матиуш.

— Во всяком случае, не для того, чтобы носить корону. Для того, чтобы дать счастье своим подданным. А как дать счастье? Вводятся разные реформы.

«Ого, это интересно»,— подумал Матиуш.

— А реформы — это самое трудное, да, самое трудное.

И на этот раз скрипка заиграла так грустно, точно заплакала.

Долго этой ночью размышлял Матиуш, ворочался с боку на бок, а в ушах все звучала грустная мелодия скрипки.

«Спрошу его. Он мне посоветует. Это, должно быть, добрый человек. Я король-Реформатор, а не знаю, что такое реформы...»

А временами Матиуш думал:

«Может быть, он врет. Может быть, они договорились между собой, чтобы именно этот третий дал мне подписать какой-нибудь акт».

Матиуша очень удивляло, почему с ним не говорят ни о займе, ни о чем другом. Ведь короли съезжаются для того, чтобы говорить о политике и о разных важных вещах. А тут ничего подобного. Может быть, они не хотят с ним разговаривать, считают его маленьким?

Матиуш полюбил грустного короля, но все же

не доверял ему вполне. Короли рано учатся быть недоверчивыми.

Желая поскорее уснуть, Матиуш стал напевать вполголоса одну грустную песенку, когда вдруг услышал в соседней комнате шаги.

«Меня хотят убить!» — промелькнуло у него в голове; он слыхал и о таких случаях, когда королей заманивали в засады и убивали.

Матиуш быстро включил настольную лампу и сунул руку под подушку, где лежал револьвер.

— Не спишь, Матиуш?

Это был король.

— Не могу уснуть.

— Значит, и у маленьких королей черные мысли прогоняют сон? — с улыбкой сказал король, садясь у кровати.

Он замолчал и только смотрел на Матиуша. И Матиуш вспомнил: вот так же смотрел на него отец. Матиуш не любил, когда отец так смотрел на него. Но теперь это ему было приятно.

— Да-да, Матиуш, ты очень удивился, когда я тебе сказал, что я не хотел с тобой воевать, а воевал. Ты думаешь, что короли могут делать, что пожелают?

— Я вовсе так не думаю. Я знаю, что многое нам велит делать этикет, а многое — закон.

— А, значит, ты знаешь. Да, мы сами издаем плохие законы, а потом должны им подчиняться.

— А разве нельзя издавать хорошие законы?

— Можно, даже нужно. Ты молодец, Матиуш. Учись и издавай хорошие, разумные законы... Знаешь, мы всегда плохо делали, что проводили реформы для взрослых, попробуй ты с детьми, может быть, тебе удастся...

Когда на следующий день Матиуш попытался вернуться к этому разговору, король уже не хотел говорить. Только объяснил, для чего нужен парламент. Это было действительно громадное и красивое здание, внутри напоминающее театр или храм. За столом на возвышении сидели мужчины, так же как и в его дворце во время совещаний. Входили ораторы и говорили, как говорят проповедь. А кругом были ложи, и в этих ложах сидели разные министры. Сбоку у большого стола сидели те, кто пишет в газеты. А выше — публика. Как раз когда они вошли, какой-то человек говорил очень сердито, обращаясь к министрам:

— Мы не позволим! — И застучал кулаками. — Если вы нас не послушаете, вы не будете больше министрами. Нам нужны умные министры!

Другой сказал, что министры очень умны и новых не надо. Потом все поссорились, все начали кричать. Какой-то человек крикнул: «Долой правительство!» Другой: «Стыдитесь!» А когда Матиуш уже выходил из зала, кто-то крикнул: «Долой короля!»

— Почему они поссорились?

— Потому что им плохо жить на свете.

— А что будет, если выбросят министров?

— Выберут других.

— Ну, а тот, который крикнул: «Долой короля!»?

— Он всегда так кричит.

— Он сумасшедший?

— Нет. Просто не желает короля.

— А разве могут выбросить короля?

— Конечно, могут.

(Продолжение в следующем номере.)

Такие же,

Я хочу танцевать

— Мэми, хочу танцевать! Мамочка, я хочу танцевать!

— Таня, пощади! Ты же видишь, даже Олечку не приняли.

Оля старше Тани на пять лет. Она танцевала в ансамбле при Московском Дворце пионеров. Но в хореографическое училище Олю не приняли.

— Все равно, мэми, хочу, хочу тан-це-вать!

У Тани с детства так получалось: не мама, а мэми.

Оля присматривалась к сестренке. Такая некрасивая, такая худющая, но кто, как не Оля, может понять, что такое мечта о балете!

И она пошла в училище и подала заявление с просьбой принять Таню. Маме ничего не сказали.

Начался конкурс. Сестры оглядывали шумный вестибюль. Другие девочки почти все в шуршащих пачках, некоторые в балетках. Многие, видно, уже учились. Вот одна постучала ножкой о ножку, вот другая делает подскок. А Таня — она этого ничего не умеет.

Первый тур, второй, третий! Таня прошла все три тура. Глаза у нее счастливые, как у Золушки, которая наконец встретила принца!

— Видишь, мэми, я все-таки буду танцевать!

Жюри должно было угадать, кто же станет балериной через десять лет. И в Тане оно не ошиблось: у нее музыкальный слух, она чувствует ритм, и у нее природная пластичность и удивительная способность отдаваться танцу.

Теперь Тане четырнадцать. Она в четвертом классе хореографического училища. Занятия там не шесть часов, как в обычной школе, а с утра и до вечера.

— Танечка, ты, наверное, устала?

— Что вы! Если бы мне сказали: «Будешь заниматься двадцать часов подряд»,—как бы я обрадовалась!

В этом году Таня Великанова танцует на сцене Большого театра. В балете «Цветик-семицветик» у нее главная роль. Она танцует очень хорошо.

Нина АЛЛАХВЕРДОВА

как ты

РОМАН СЕФ
РИСУНКИ Э. БУЛАТОВА

РОБОТ

Робот
Над роботом
Однажды
Подшутил,
Робот
У робота
Гайку
Отвинтил,
Бедный
Робот
Сразу
Ослеп
На правый глаз...
Вот и все,
Окончен
Печальный
Мой
Рассказ.

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЕ СТИХИ

В самом веселом краю
Живут самые веселые люди.
В самом веселом кра (банг!!!)
Живут с (тр-р-рах!) весе
(тлиньш-ш-ш).
(Это сломалась машина,
которая пишет эти стихи.)
Всасасасасаса

ве
ве
ве
ве
ве
ве
ве
ве
ве
Кра кра кра
кра кра
кра кра кра
у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-!
(Это мчится машина,
В которой сидит механик,
Он едет чинить машину,
Которая пишет эти
Стихи.)

ТАРАКАН

Залез в бутылку
Таракан,
А вылезти
Не смог.
От злости
Бедный таракан
В бутылке
Занемог.
Он сдох в начале января,
Прижав усы
К затылку.
...И если злюка ты,
То зря.
Не надо лезть
В бутылку.

ФОТОТО

Что такое
ФОТОТО!
И не это,
И не то.
Удивительное слово,
Не слыхал его никто.
Только ЭТО
Очень просто:
В новом доме
Возле моста
Магазин фототоваров,
А на нем
Вывеска «ФОТОТОВАРЫ»
Голубым
Горит огнем.
Но сегодня
В полвосьмого
Загорелось «ФОТОТО...»,
Удивительное слово,
Не слыхал его
Никто.

СОСЕД

Кто умеет
Лаять, как собака,
И рычать,
Как разъяренный лев!
Кто умеет
Плакать, как гиена,
И стонать,
Как раненый хорек!
Мой сосед
И добрый мой приятель,
Петр Петрович —
— ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬ.

ПЛОХОЙ МАЛЬЧИК

Один мальчишка толстый
На лавочке в саду
Сидел и. молча лопал
Коврижку на меду.
Он был совсем невесел,
Он очень грустен был:
Он, бедный, не имел друзей,
И маму не любил.

КАРНАВАЛ

Карнавал!
Карнавал!
Васька Зайцев
Волком стал.
Коля Бегемотом,
Сеня — Дон-Кихотом.
Мы с Васильевым
Вдвоем
Стали
Небольшим
Слоном,
Мы крутились,
Мы плясали,
То-то смеху
Было в зале!
Очень жаль,
Что из слона
Плохо
Публика видна.

а у нас...

САД БУДЕТ РАСТИ

На голой сопке, в камнях, неизвестно откуда, выросло небольшое деревце. Может, ветром занесло на сопку семечко дикой яблони или человек случайно его бросил...

Одна девочка ранней весной часто приходила на сопку собирать подснежники. Сорвав цветы, садилась отдыхать возле маленькой яблоньки... Ей жаль было яблоньку, и однажды она окопала кругом деревце и потихоньку стала вытаскивать его. Принесла и посадила в огороде школы.

На другой день рано утром она полила деревце. И яблонька ожила. А потом пришла полить яблоньку, а она уже полита: ребята тоже полюбили яблоньку и стали за ней ухаживать.

Потом на яблоньке появились слабенькие бело-розовые цветочки, и тогда все решили принести и посадить по одному деревцу, чтобы яблоньке не было скучно.

Назавтра к вечеру уже много деревцев посадили, а на третий день весь участок был засажен. Ребята бережно ухаживали за яблоньками, и ни одно деревце не пропало.

Когда ребята уходили в другую школу, то передали сад малышам. И наказали так же бережно растить и любить каждое деревце, а первую яблоньку в особенности. Так, наверное, будет всегда: ребята будут уходить в другие школы, а сад будет расти, и за ним будут ухаживать младшие, вспоминая своих старших товарищей.

Нина Янкова,
г. Сретенск,
Читинская область.

ПРО ВОРОБЬЯ, БЕЛКУ И МАРТЫШКУ, КОТОРОЙ ПОКА НЕТ...

Я очень люблю животных и птиц. Когда из гнезда выпал воробышек, я подобрала его. Он жил у меня до тех пор, пока не научился летать. Жаль было с ним расставаться, но что поделаешь!..

У меня жила и белочка. Мальчишки с нашей улицы подарили мне ее, потому что знают, что я люблю зверюшек. Когда моя белочка превратилась во взрослую белку, я выпустила ее в лес. Как она обрадовалась! И я радовалась тоже.

Я мечтаю, чтобы у меня жила мангуста или веселенькая мартышка. Я знаю, что иметь живую мангусту и мартышку, наверное, невозможно. Но когда я вырасту, то стану капитаном дальнего плавания и в Африке или еще где-нибудь куплю себе мангусту или мартышку.

Людмила Климович,
г. Шепетовка,
Хмельницкая область.

ПО СВЕЖЕМУ СНЕГУ

Я очень люблю ходить в лес с фотоаппаратом. Посылаю вам несколько фотографий, выберите лучшую.

Снегопад только что кончился. Все деревья оделись в тяжелый снежный наряд. Великаны-ели и те опустили темно-зеленые ветви.

Какой-то непоседа лыжник не утерпел, попробовал уже, как пойдут лыжи по свежему снегу.

Евгений Седов,
г. Александровск,
Пермская обл.

МЫ ДУМАЛИ ПРО АРХЕОЛОГОВ

Сначала мы думали про археологов: какая интересная у них работа! Потом решили собрать отряд и пойти за город. На другом берегу реки когда-то была крепость басмачей...

Но так мы и не пошли туда. Договорились, что встретимся в два часа у электростанции. Было уже половина второго, я побежал за водой, и меня укусила собака. Десять дней мне пришлось пролежать в больнице, а когда я вышел из больницы, то узнал, что никто не ходил тогда к крепости басмачей: все мальчишки переругались. Жалко, что все было зря.

Прошло два месяца. Но мы с Алешей мечтаем стать археологами.

Вася Мясников,
г. Казалинск.

Васька и Пират

Говорят, что кошка и собака — враги. Я этому не верю. У нас дома жил кот Васька. Он дружил с нашей собакой Пиратом. Когда у нас появился Васька, Пират его не трогал. Васька, увидев Пирата, хотел ощетиниться, но, поняв, что Пират не хочет с ним драться, спокойно прошел мимо.

Васька был любопытный, его интересовало, почему собака не трогает его. И вот раз он подошел к Пирату и стал есть из его чашки. Пират на эту дерзость со стороны кота ничего не сделал.

А однажды Васька подрался с другим котом. Он, может, и оттрепал бы его, но на помощь к первому коту подоспел второй. Васька кинулся в будку к Пирату. Пират вышел из будки и прогнал чужих котов. С тех пор они дружили.

Только в одном расходились у них характеры: Пират любил фотографироваться, а кот только ради дружбы с Пиратом еле усидел для одного этого снимка.

Пират был старше Васьки и на двенадцатом году жизни умер. Мы очень любили его за его ум. Он у нас жил без цепи, но никуда не уходил. Мы очень горевали о Пирате. И Васька не остался безразличным к смерти друга. Он мало ел и часами лежал в Пиратовой будке. А потом он ушел, и никто его больше не видел.

А. Емельянов,
г. Омск.

ПАРЕНЬ ВРОДЕ БЫ НИЧЕГО...

Наш класс, в общем-то, дружный. Но бывают у наших мальчишек такие выходки, что прямо ужасаешься. Вот сегодня был у нас урок ритмики. Мальчишки кривляются, учительницу не слушают, девчонки не лучше. В результате всем поставили двойки.

Или вот, к примеру, Коля. Вроде бы парень ничего, а может ни с того ни с сего ударить девочку, друга, нагрубить учителю. В последнее время он стал немного лучше, но все равно нет-нет да опять с ним что-нибудь случится. Однажды его даже выгнали с ботаники. Ему все равно. Что ему ни говори, не слушает, и все.

Был у нас «КВН» с шестым «Б». Ну, выиграл шестой «Б». Разница всего в несколько очков, а Коля затеял драку. Написали об этом в стенгазете...

Наташа Кондрашина,
г. Пермь.

ОТВЕЧАЕМ ОЛЕГУ ЦОЮ

БУДУ МОРЯКОМ

Дорогой «Пионер»! В двенадцатом номере я прочитала письмо Олега Цоя. Он пишет, что хочет стать архитектором, строить красивые здания. И еще Олег просит, чтобы все ребята написали о своей мечте.

Я очень люблю море, мечтаю стать капитаном дальнего плавания. Все родные и знакомые, как только узнают о моей мечте, сразу начинают говорить одно и то же: ты девочка, тебя не возьмут в моряки. Но я думаю по-другому.

Главное, чтобы человек был влюблен в ту профессию, которую для себя выбрал.

Нина Вдовина,
г. Кузнецк, Пензенская обл.

МОЯ МЕЧТА

Здравствуй, дорогая редакция! Я прочитала письмо Олега Цоя и тоже решила рассказать о своей мечте. Я учусь в двух школах: в общеобразовательной и в музыкальной. В обеих школах я учусь в седьмом классе. Я очень люблю музыку, люблю балет, люблю смотреть разные драматические постановки. Моя мечта — стать театроведом.

Оксана Сивцова,
г. Якутск, Якутская АССР.

КОГДА Я ВЫРАСТУ

Я живу в городе Белеве, Тульской области, учусь в седьмом классе. Моя мечта — стать врачом.

Из больного человека ты можешь сделать здорового — это ведь такое большое счастье!

Некоторые ребята говорят, что это все романтика, что я еще передумаю.

Нет! Когда я вырасту, я буду врачом. Бороться и искать, найти и не сдаваться!

Ира Кубарькова
г. Белев, Тульская обл.

а у вас?

Мишель СИФР

На юге Франции, в Приморских Альпах, на глубине более ста метров, недавно была обнаружена пещера с огромным подземным ледником. В июле 1962 года через пропасть Скарассон в эту пещеру спустился двадцатидвухлетний французский геолог и спелеолог Мишель Сифр. Спустился, чтобы поставить на себе рискованный эксперимент: провести два месяца в царстве холода и мрака!

В наш век космических исследований очень важно знать, как влияет на человеческий организм длительное пребывание в темноте, холоде и одиночестве. Важно установить, может ли человек долго существовать «вне времени», сохранится ли его суточный ритм, приспособится ли он к вечной ночи... Перед тобой главы из книги Мишеля Сифра «Вне времени». Скоро она выйдет в издательстве «Мир».

ВНЕ ВРЕМЕНИ — ПОД ЗЕМЛЕЙ

СПУСК В ПРОПАСТЬ

16 июля. Утро.

Недалеко от входа в пропасть мои товарищи поставили среди камней маленькую палатку, расчистив для нее место кирками и молотками. В ней будут постоянно дежурить стрелок и спелеолог. Они обязаны никого не допускать к пропасти и отмечать время моих телефонных звонков.

У входа в пропасть царит лихорадочное оживление.

Все готовятся по возможности облегчить мой спуск. Филипп и Пьер уже готовы и ожидают только моего сигнала, чтобы занять свои места в пропасти. Оба они потрудились на совесть, не считаясь со временем и не жалуясь на усталость. Особенно туго пришлось Пьеру. У него воспалились ступни, ему трудно ходить, и все-таки он здесь.

Вместе с ефрейтором Лафлёром я отхожу в сторону, чтобы составить и подписать заявление о том, что меня ни в коем случае не следует поднимать на поверхность, пока не истечет по крайней мере месяц. Мой опыт будет иметь смысл только, если продлится достаточно долго.

И вот я у входа в пропасть. Со мной мои товарищи, которые помогут мне добраться до подземного ледника. С помощью двух друзей натягиваю комбинезон, потом надеваю сапоги. Я готов.

Нервное напряжение достигло предела, мысли скачут, и я уже не контролирую свои движения. Я рассеян и в то же время взвинчен. Надев каску, не без волнения вручаю свои часы ефрейтору Канове,— опыт требует, чтобы у меня не было никакой возможности отмечать действительное время.

Наступает момент прощания. Взволнованно обнимаю Ноэля и Анну-Марию и... едва не поддаюсь приступу панического страха. Последнее интервью, последний поцелуй, последнее рукопожатие, и я ступаю на металлическую лесенку, с которой начинается путь в мой подземный мир.

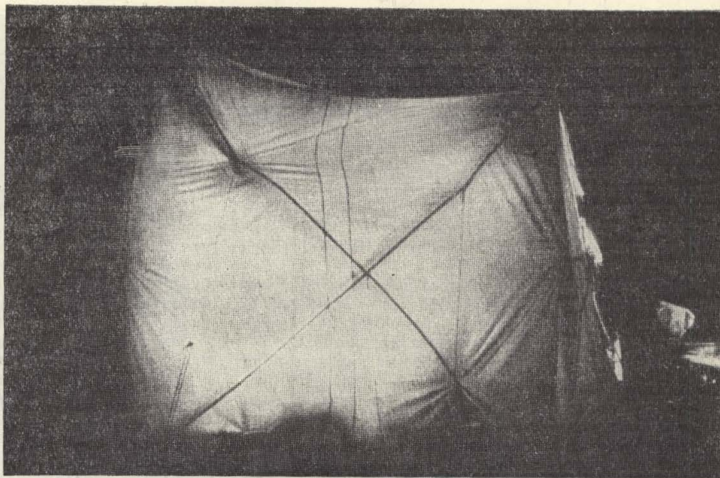
Спуск начинается. 16 июля 1962 года. 13 часов.

16 июля. 14 часов.

Бросив последний взгляд на встревоженные лица провожающих, начинаю спуск вдоль вертикальной стены. Один из товарищей меня подстраховывает.

На глубине в двадцать семь метров я проникаю в небольшой зал, пересеченный трещиной.

А вот и «кошачий лаз». После него я уже не увижу ни единого солнечного блика. Протиснувшись сквозь эту вертикальную трубу, я попадаю на край широкого тридцатиметрового колодца с обледенелыми стенками. Со дна его довольно просторные галереи приводят меня к началу большого колодца глубиной в сорок метров.

Моя палатка, маленький мир, еле светилась во мраке.

Здесь меня догоняет Клод Соважо и делает серию снимков. Я медленно спускаюсь по металлическим перекладинам, разглядывая ледяные кристаллы на стенках колодца. И вот мы уже на глубине в семьдесят девять метров.

Теперь я уже наверняка знаю, что не поднимусь наверх раньше чем через два месяца. Отступать слишком поздно, и сердце мое сжимается. Пальцы окоченели, потому что лестница во многих местах прилегает вплотную к стене, покрытой слоем льда в несколько десятков сантиметров. В прошлом году этого льда не было. Правда, мы спускались тогда в августе, а сегодня только 16 июля.

Наконец, я ступаю на ледниковую морену. Глубина — сто пятнадцать метров. Огромная каменная осыпь, вершина которой упирается в противоположную от лестницы стену, сильно изменилась за прошедший год. Абель ожидает меня у северной стенки наверху осыпи: отсюда начинается горизонтальный проход к леднику, на котором мне предстоит жить. Первое, что я там увидел, была моя красная палатка.

И как только взбрела мне в голову эта идея? Я содрогаюсь при мысли, что мне придется провести два месяца в этом хрупком убежище площадью два с половиной на четыре с половиной метра, в двух шагах от ледяной стены. А с другой стороны, кому как не мне сделать эту попытку? С детства я провел вместе с товарищами столько дней в пещерах, что чувствовал себя здесь совершенно свободно.

Когда мне было семнадцать лет, я провел однажды трое с половиной суток, то есть восемьдесят один час, на глубине от трехсот двадцати до четырехсот пятидесяти метров. Этот первый опыт жизни под землей поразил мое юношеское воображение, и я дал себе слово когда-нибудь его повторить.

Я замечаю на леднике указатели, иду по ним и приближаюсь к первым скважинам, пробуренным неделю назад теми, кто «благоустраивал» пропасть. Работа сделана на совесть. Во мне пробуждается азарт геолога, и я с энтузиазмом говорю себе, что без дела здесь не соскучусь. Счастливая мысль! Потому что иначе я бы думал о том, что еще не поздно подняться на поверхность.

Моя палатка установлена на горизонтальной поверхности ледника.

Слева от выхода небольшая площадка примерно в метр шириной; к северу она постепенно повышается, переходя в вертикальную стену, а к югу — понижается, обрываясь в многометровый колодец. По этой площадке я смогу проходить к задней стенке палатки. Беглый осмотр показал, что свод пещеры прямо надо мной покрыт трещинами, заполненными льдом. Из одной трещины длиной в два-три метра и шириной около метра свисает огромный ледяной поток.

Справа от палатки лед завален огромными глыбами, обвалившимися с потолка; нижние глубоко ушли в ледник, а верхние громоздятся друг на друга в довольно шатком равновесии. Кажется, они вот-вот покатятся либо на мою палатку, либо под уклон, вниз по леднику.

16 июля. 18 часов.

Пока я осматривал свои владения, ко мне присоединилась вся группа, спустившаяся на ледник. Товарищи мужественно помогают мне разбирать снаряжение для подземного лагеря, несмотря на то, что все окоченели от холода. Одни таскают мешки, сваленные неподалеку на каменистой площадке, другие вытряхивают их у входа, третьи устанавливают походную койку, складной стол и стул, налаживают освещение от батарей, устанавливают бутановый обогреватель и два телефона, которые свяжут меня с поверхностью. Оборудование моего лагеря — работа поистине адская. Дыхание вырывается изо ртов белыми клубами, здесь, в темноте, это зрелище кажется фантастическим. Стоит на секунду остановиться — и холод сковывает тебя так, что лучше продолжать работу. Все это время двое товарищей ждут на площадке над сорокаметровым колодцем, чтобы помочь остальным подняться наверх. Они сидят там неподвижно на каменном мокром уступе шириной не более метра и ждут. Им слышно, как мы здесь возимся, но сами они не говорят ничего. Лишь время от времени они кричат, чтобы мы поторапливались, что они долго не выдержат. Я ускоряю темп работ, но для них время все равно тянется

мучительно медленно, потому что они неподвижны и единственно, что им остается,— это ждать...

Я не знал, как мне разместить все свое снаряжение. К счастью, у меня будет походная койка, а не надувной матрас. Я просто ужаснулся, когда увидел, что пол палатки покрыт тонким слоем ледяной воды. По-видимому, обе нижние оболочки продырявлены.

Я отправляюсь с Марселем брать пробы с ледника. Мы их упакуем в пластмассовые контейнеры, которые поднимут на поверхность и сразу же отошлют в Париж, в Музей естественных наук.

Наполнив контейнер до половины, возвращаемся к нашим товарищам.

Скоро я окончательно замерз и решил приготовить горячий напиток. Угощаю им товарищей, и все пьют с удовольствием, потому что леденящая сырость уже начинает сковывать движения.

Время пролетело незаметно, моим друзьям пора уходить. Я с волнением пожимаю им руки. Все поднимаются наверх. Мы обмениваемся прощальным взглядом с последним из уходящих, и он тоже исчезает в темноте. Я вижу, как его лампа поднимается все выше, освещая вертикальные стены, и слышу ободряющий голос кого-то из спелеологов:

— Осталось только три метра... осталось только два... еще немного... ну вот, молодчина!

Теперь нас разделяет сорок метров колодца. Мы обмениваемся последними словами прощания. Сердце сжимается, когда слышу, как пощелкивает о камни лестница, поднимаемая наверх. Отныне я уже не смогу отсюда выбраться без помощи друзей сверху.

Стоя в темноте, я еще улавливаю последние смутные звуки, которые постепенно замирают в отдалении. И внезапно меня охватывает страх.

ДНЕВНИК

На дне пропасти Скарассон я вел дневник, в котором отмечал все, что происходило каждый день, или, точнее, в периоды моего бодрствования. Сначала я вел записи «по вечерам», перед сном... Но позднее, измученный усталостью и холодом, я уже не мог этого делать и только несколько раз в день диктовал в магнитофон, описывая события дня. Это было гораздо легче, чем писать. Тем не менее когда я чувствовал себя лучше, я старался перенести свои устные отчеты в дневник. Вот несколько записей:

16 июля. 22 часа.

Я один. Совершенно один среди вечной тишины и вечного мрака. Долго стоял у колодца и смотрел вверх на маленькую светящуюся точку — последний привет, который посылали мне люди. Но вот и этот огонек исчез. Один, совсем один! Я еще не могу с этим свыкнуться, хотя сам к этому стремился, сам этого хотел.

Мрак давит на меня. Слабый свет моей лампы не в силах разогнать черноту безжизненного мира, где царствует единственный повелитель — камень. Я чувствую себя совсем ничтожным. Положение мое трагично, но я не хочу в этом признаться. Нет, это невозможно! О мое призвание, куда ты меня завело? Я один, затерянный в недрах земли. Стою и не свожу глаз с черного провала. Безмолвие наваливается на меня невыносимым грузом. И только холод обрывает мои размышления у сорокаметрового колодца. Я взбираюсь на глыбы морены и спускаюсь к палатке. Хаос неописуемый!

Прежде всего я отыскиваю мой спальный мешок, извлекаю из нейлоновых чехлов одежду и раскладываю в палатке, чтобы вещи не промокли. Затем начинаю переносить снаряжение и продукты с моренной плиты.

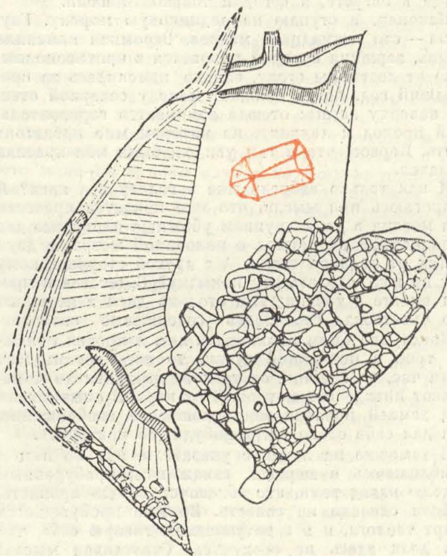
Почувствовав вскоре усталость, решаю прилечь. И тотчас засыпаю, сломленный усталостью, не успев даже поразмыслить о последних событиях.

17 июля. Утро. 1-е пробуждение.

Первая подземная ночь прошла хорошо, без тревог и даже без сновидений. Тем не менее я проснулся разбитым. Я совершенно не представлял, который был час, однако сегодня у меня еще было право спросить об этом по телефону. Сегодня, до вечера,— период акклиматизации. Мне каждый час будут сообщать точное время до 22 часов — часа отсчета, который я назначил сам. После этого у меня не останется никаких ориентиров во времени.

Весь пол палатки покрыт ледяной водой, которая мгновенно пропитывает обувь; ноги промокают, и я дрожу от холода. Вчера у меня хватило сообразительности сложить одежду около постели; теперь, проснувшись, я буквально прыгаю в брюки и тотчас натягиваю толстую шерстяную рубаху, а поверх нее — пуловер из верблюжьей шерсти. От холодного влажного воздуха захватывает дух, однако я не сдаюсь: быстро подогреваю воду, кинув в нее немного сахара и какао. Приятная теплота разливается во мне с каждым глотком, и я постепенно приободряюсь. Но когда кружка пустеет, снова становится холодно.

Принимаюсь за работу по благоустройству лагеря. Переношу с морены к палатке как можно больше вещей. Мой красный складной столик — я постарался, чтобы большая часть предметов была красной, потому что это теплый цвет, и, я думаю, он будет приятен для глаз, даже чернила у меня красные! — мой столик скоро исчезает под грудой самых разнообразных вещей. Тут и ножи, и бумага, и электри-

Положение палатки на дне пропасти. Слева — ледник, спереди — глыбы морены.

Я звоню снизу, а на поверхности отмечают время моих вызовов.

ческие лампочки, и зажигалки, и бог знает что еще. На посудном столике-буфете, поставленном справа от входа, громоздятся коробки с пленками, папки и тетради с заметками о моих геологических исследованиях на Цейлоне.

Чтобы зажигать свет, не вставая, перетаскиваю в палатку и устанавливаю у изголовья койки второй комплект промышленных электробатарей; это целый ящик, и по дороге я несколько раз спотыкаюсь с ним о камни. Наконец устанавливаю на место проигрыватель, который мне одолжили, и сразу же ставлю пластинку. Выбираю Третий концерт Бетховена для фортепьяно с оркестром. Эта музыка производит на меня неизгладимое, трагическое впечатление.

Попробуйте представить одинокого человека, который сидит во мраке на брезентовом раскладном стуле и слушает в абсолютной тишине неповторимую музыку. Слушает и знает, что это единственное, что связывает его с духовным миром людей.

С поверхности мне сообщили, что уже 20 часов. Я удивлен: день пролетел так быстро!

Запираюсь в палатке и зажигаю обогреватель, чтобы не слишком мерзнуть ночью. Потом ложусь, еще быстрее, чем вчера, и ставлю пластинки: мне просто необходимо что-нибудь слышать, потому что полное безмолвие ужасно.

Но вскоре раздается звонок телефона. С поверхности мне сообщают: «22 часа ровно! До свидания! Желаем тебе удачи, Мишель!»

Так началось мое путешествие вне времени по волнам подземной ночи.

Я уже провел здесь тридцать три часа.

Среда, 18 июля. 2-е пробуждение.

Этой ночью я просыпался много раз. Но только когда почувствовал, что мышцы мои достаточно расслабились, я решил, что пора вставать.

Мне кажется, что сейчас восемь утра, но, по совести говоря, я не уверен: может быть, девять часов, а может, и десять. Прослушав пластинку Мариано, встаю и тут же опрокидываю бутылку минеральной воды, которую с вечера поставил в ногах возле койки. Одеваюсь потеплее: поверх шелкового белья — шерстяная рубаха, толстый пуловер и красные брюки с пуховой подкладкой. Вытираю воду и стараюсь по возможности осушить пол. Широко распахиваю полотнища и выбираюсь наружу, чтобы подогреть себе завтрак. Жуткий холод! Натягиваю красную куртку, подбитую пухом, нахлобучиваю капюшон, но сразу же его отбрасываю, потому что он мне очень мешает.

Установив бутановую плитку перед входом в палатку — чтобы пар не осаждался внутри,— кипячу воду, завтракаю и, покончив с едой, растягиваюсь во всей своей амуниции на койке. Прочитываю несколько страниц из книги Бомбара «За бортом по своей воле», слушая одновременно сонаты Бетховена и Листа. Через какое-то время, продолжительность которого мне трудно определить, я вдруг вспоминаю о поистине неописуемом хаосе в палатке и вновь принимаюсь приводить все в порядок. Для этого мне, как и вчера, приходится без конца ходить от палатки к морене, где свалены нейлоновые мешки, и обратно.

Я работал довольно долго, устал, измучился, а главное — я не имею ни малейшего представления о времени... Почувствовав голод, решаю, что сейчас должно быть около 13 часов. Попробую приготовить себе макароны с сыром. Как за них приняться? Заглядываю в записную книжку, в которую Ноэль, секретарша Спелеологического клуба Мартеля *, переписала для меня несколько самых простых кулинарных рецептов. Итак, бросаю в кипяток горсть макарон и, когда мне кажется, что они готовы, сливаю воду. Потом вываливаю макароны на бумажную тарелку, добавляю масло, соль и сыр. Получилось не так чтобы уж очень, однако я доволен своей стряпней. После еды снова занимаюсь разными мелочами, читаю, и хотя мой график времени показывает только 16 часов, начинаю засыпать. Звоню наверх, сообщая товарищам свое предполагаемое время, считаю до ста двадцати, считаю пульс по биению сонной артерии. Все это я обязан проделывать каждый раз, когда просыпаюсь, ем или ложусь спать. Измеряю температуру — у меня 36,8°. На сей раз не зажигаю обогреватель и оставляю вход в палатку открытым, чтобы проверить, смогу ли я выдержать холод и сырость.

Проснувшись, я четыре или пять раз звонил на поверхность, но никто не подошел. Из этого я заключил, что Жан-Пьер и Канова, спелеолог и горный стрелок, которые дежурят у входа в пропасть, еще спят. Внешняя оболочка спального мешка отсырела, а потолок палатки над моей головой весь покрылся мелкими каплями. Я осматриваю всю палатку. Пол промок. Вода просачивается сквозь центральный шов. С электрическим фонарем в руках пролезаю в узкое пространство между внешней и внутренней оболочками палатки, стараясь не зацепить растяжки. То, что я там увидел, привело меня в ужас! Вода буквально струится по внутренней поверхности внешней нейлоновой оболочки, а местами льется на внутреннюю оболочку и начинает соби-

---

* Мартель — знаменитый французский спелеолог.

раться на ней в лужицы. На полу между двумя оболочками лужи заполняют все складки, а поролоновая подстилка купается в воде, которая все время прибывает.

Воскресенье, 22 июля. 7-е пробуждение.

Сегодня мне трудно вставать: никак не могу вылезти из мешка. Тем не менее решаюсь отправиться на морену, чтобы зарисовать там ледяные кристаллы. Трижды забываю карандаш, и мне приходится трижды возвращаться за ним в палатку. Откуда такая рассеянность? Мне удается сделать очень хороший рисунок. Впервые пользуюсь «кошками»: это пластинки с острыми шипами, которые крепятся к подошвам резиновых сапог, для изысканий на леднике они очень удобны. Подогнув колени и наклонившись вперед, осторожно продвигаюсь враскарячку, словно лягушка. И сам посмеиваюсь над своей «грациозной» походкой... Но рисунки теперь получаются неважные, и я вскоре прекращаю работу.

После полудня, примерно в час дня, я впервые испытываю страх, настоящий страх! Большая глыба рухнула совсем близко от морены. Надо будет побыстрее убрать оттуда остатки снаряжения; если я буду медлить, страх одолеет меня, и я не сделаю этого никогда. Вокруг царит гнетущая тишина. Сегодня время тянется медленно — это первый приступ одиночества,— день все не кончается и не кончается.

Понедельник, 23 июля. 8-е пробуждение.

Вчера вечером я так и не пошел на морену: мне было слишком страшно! Отправился туда сегодня проверить, не пострадали ли мои вещи от обвала. Чтобы преодолеть страх, нарочно не надеваю каску. Слава аллаху, все в целости! Я осматриваю место происшествия, ищу обвалившиеся глыбы и... не нахожу их. Правда, здесь все глыбы похожи одна на другую, и у всех одинаково свежие изломы. На всякий случай перетаскиваю к палатке ящик с промышленными электробатареями, которые должны обеспечивать меня светом в течение полутора тысяч часов. Потом раздумываю, приняться мне за работу или нет. Не раздеваясь, вытягиваюсь на койке и слушаю музыку. Внезапно такой же сильный, но более близкий, более мощный, чем вчера, грохот заставляет меня вскочить на ноги. Но на сей раз это не обвал, а осыпь на морене: должно быть, какой-нибудь большой обломок скалы скатился на два-три метра ниже.

Сегодня я заметил, что, когда мне хочется спать или когда я просто закрываю глаза, у меня начинает шуметь в ушах. А вокруг мертвая тишина, которую не нарушает даже редкая капель. Только теперь я начинаю «слышать» тишину.

Четверг, 26 июля. 12-е пробуждение.

Несмотря на то, что ночью в палатке было сравнительно тепло, мне кажется, что я не выспался. Я снова ощущаю тяжелую усталость в ногах. На внутреннем пологе вверху сконденсировалось очень много влаги. Значит, пользоваться обогревателем при закрытых вентиляционных отверстиях нельзя.

Когда я готовил свой первый завтрак, на морене произошел огромный обвал. Я был тогда очень взволнован, однако теперь на грохот реагирую иначе, чем раньше: сразу выхожу из палатки, чтобы осмотреть обвалившиеся глыбы. У меня такое впечатление, что вся морена двинулась с места и ссыпала груду камней к подножию ледника. Бегло осмотрев место осыпи, решаю исследовать морену подробнее.

Мне хочется подняться на ледяную стену, которая преградила мне путь в прошлый раз. Беру для спуска двенадцатиметровую веревку, привязываю один конец к поясу и, оставив второй волочиться по земле, начинаю подъем. Упираясь спиной в скальную стенку, покрытую тонкой коркой льда, глубоко вонзаю шипы в противоположную ледяную стену и так подтягиваюсь вверх. Ноги мои широко расставлены, колени чуть согнуты. Одной рукой я удерживаюсь за выступы, а другой вырубаю во льду ступеньки. Поза крайне неудобная. А тут еще осколок льда попадает в рефлектор на каске и гасит лампу; чтобы зажечь ее, приходится снимать зубами рукавицы.

У края трубы изо льда и камня я подтягиваюсь на руках и с трудом вползаю на верхнюю платформу ледника. Прежде всего подбираю веревку и только после этого оглядываюсь. Вокруг царство неведомого! Слева крутой спуск в колодец, справа плавный подъем, переходящий в ледяную стену. Скала с противоположной стороны покрыта ледяными сталактитами и бахромками мелких сосулек. Я в восторге от этого зрелища!

Отвязываю веревку и углубляюсь в открывающуюся передо мной галерею. Галерея плавно поворачивает, и тут, на повороте, я замечаю во льду белые вкрапления. Подхожу ближе, снимаю рукавицы и ощупываю стену. К моему величайшему изумлению, это оказывается так называемое «мондмильх» («лунное молоко») — своеобразная коллоидная масса, которая обычно встречается только на скальных стенах глубоких пещер. Это моя первая интересная находка. До сих пор никто на моей памяти еще не видел «лунного молока» на льду.

Не задерживаясь дольше, медленно продвигаюсь по галерее и вскоре дохожу до обрыва. Дальше не пройти, приходится возвращаться к тому месту, где я оставил веревку, но по дороге я еще раз внимательно рассматриваю потеки «лунного молока».

Во время спуска я любуюсь великолепной ледяной колонной и прозрачной бахромой из сверкающих кристаллов. Внезапно замечаю наполовину загроможденный льдом восходящий колодец и начинаю подниматься по нему, вырубая довольно широкие ступени. Через два-три метра подъем становится так крут, что мое продвижение резко замедляется. Мне приходится рубить лед молотком, неловко согнувшись, пот ручьями течет у меня по лицу, временами спину пронзает острая боль. В такие мгновения я выпрямляюсь и, еле удерживая равновесие, жду, пока приступ пройдет. Это опасно, и тем не менее я продолжаю взбираться по ледяному склону.

Еще через несколько метров мне удается уцепиться за каменный выступ и немного отдохнуть. Бросаю взгляд вниз и спрашиваю себя: «Как же я отсюда спущусь? Ведь я забыл веревку!» Но делать нечего: продолжаю подъем по левой стороне колодца, цепляясь за вмерзшие в лед камни, и вот достигаю узкого хода в скале, который быстро обрывается. Над моей головой лед сомкнулся с камнем. Дальше пройти невозможно.

Начинаю спуск. Сначала медленно, неуверенно, потому что вырубленные мною ступеньки здесь довольно узки да к тому же засыпаны ледяной крошкой. Несколько раз гаснет лампа. Наконец, добираюсь до выхода из трубы, отыскиваю мою веревку и сажусь прямо на лед немного передохнуть.

14-е пробуждение.

После долгих расчетов я установил, что нахожусь здесь по крайней мере десять дней, в лучшем случае двенадцать. Значит, сейчас я где-то между 27

Музыка — самое любимое мое развлечение.

и 29 июля 1962 года. Сегодня узнал, что группа спелеологов, которая должна была исследовать Ардеш, уже выступила. Но ведь эта экспедиция должна была начаться приблизительно 10 августа...— ничего не понимаю!

Вот уже три дня подряд я просыпаюсь с большим трудом, и мне не хочется вставать...

Решил собрать пробы воды со сводов. Для этого я сходил за мешком с маленькими пластмассовыми сосудами — их доставили сюда мои друзья гляциологи * Лориус и Кан. Чтобы избежать загрязнения проб, я вымыл сосуды дистиллированной водой и, захватив с собой несколько штук, вышел наружу. Но мне удалось взять только две пробы недалеко от палатки, потому что это оказалось мучительно долгим делом. Приходится стоять с поднятыми вверх сосудами и ждать, пока где-то наверху образуется капля и упадет в сосуд. В результате даже шестидесятиграммовую бутылочку мне удалось заполнить всего на четверть. Холод и усталость от бесконечного ожидания заставили меня отступить.

Понедельник, 30 июля. 19-е пробуждение.

Я лежал на койке и читал, когда страшный грохот, видимо, огромного обвала заставил меня замереть от ужаса. Слезы потекли у меня из глаз, голова была как в огне. Я бросился звонить сразу по обоим телефонам, чтобы проверить, не оборвалась ли связь. Потом испробовал магнитофон. Такого страха я еще не испытывал с тех пор, как спустился под землю. Ни разу в жизни я не слышал подобного грохота и только теперь начинаю понимать, как призрачна моя безопасность.

Я никогда не представлял себе, что может натворить большой обвал. Я видел огромные глыбы, некогда оторвавшиеся от сводов и теперь составляющие основу морены. Но никогда не представлял, как это бывает, когда они низвергаются из мрака! Теперь я начинаю это понимать. И постепенно в меня вселяется опасное, смертоносное чувство страха и незащищенности.

42-е пробуждение.

Я утратил представление о времени: например, сегодня утром, позвонив наверх по телефону, я долго думал, сколько же минут или часов прошло между началом и концом разговора. И не мог определить.

Диктую в магнитофон, лежа в темноте, и вдруг перед моими глазами вспыхивают белые молнии. Они вспыхивают независимо от того, открыты глаза или закрыты, вспыхивают нерегулярно, но свет их очень ярок. В темноте трудно держать глаза открытыми: веки сами опускаются, и каждый раз я чувствую легкое жжение.

Время для меня вовсе не тянется, а, наоборот, летит слишком быстро. Царит абсолютная тишина, словно обвалы окончательно прекратились. Одна мысль о том, что мне не придется больше цепенеть от ужаса при звуках этих страшных обвалов, приводит меня в отличное настроение. Я диктую, лежа в своем спальном мешке. К несчастью, все равно не могу согреться: ноги у меня ледяные. Заснуть тоже не удается, и я пытаюсь высчитать, сколько же времени я нахожусь под землей. Со дня спуска в пропасть скоро минует месяц — никто еще не жил в пещере так долго. По моим расчетам, сегодня воскресенье 12 августа **...

Перевел с французского Ф. Мендельсон.

* Гляциолог — ученый, исследующий ледники, их возникновение, деятельность и распространение.

** В действительности был четверг 30 августа. Мишель Сифр уже отстал в своих расчетах от реального времени на восемнадцать дней.

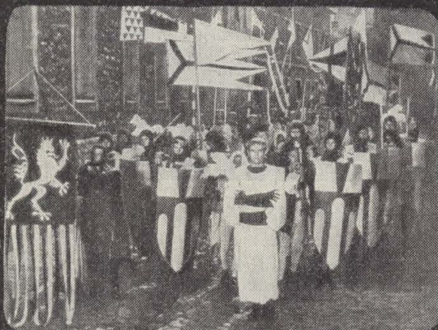
(Окончание следует.)

смотрите не пропустите

Город МАСТЕРОВ

Кто не читал чудесной сказки Татьяны Габбе «Город мастеров»! Многие видели эту сказку на сцене. Ну, а теперь всем нам предстоит встреча с веселыми и отважными жителями вольного города на киноэкране.

Цветной фильм-сказку «Город мастеров» поставил режиссер В. Бычков. В главных ролях снимались: Г. Лапето (Караколь), М. Вертинская (Вероника), Л. Лемке (герцог де Маликорн), П. Шпрингфельд (бургомистр), С. Крамаров (Клик-Кляк).

1. На улицы вольного города пришла беда: отряды рыцарей — захватчиков герцога де Маликорна заполонили город.

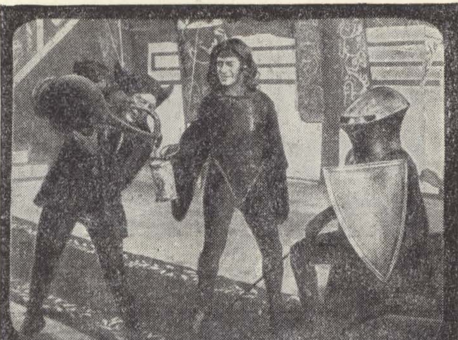
2. Тайная полиция герцога сбилась с ног: ищут хозяина попугая — того, что кричал на улицах крамольные слова: «Долой иноземных солдат!» И метельщика Караколя проверили, не шепелявит ли.

3. Сыщики все же схватили умную птицу. Но дети принесли Караколю новых птиц и снова учат их словам, призывающим к восстанию.

4. А это предатели — бургомистр и его трусливый сынок Клик-Кляк, который мечтает о свадьбе с красавицей Вероникой.

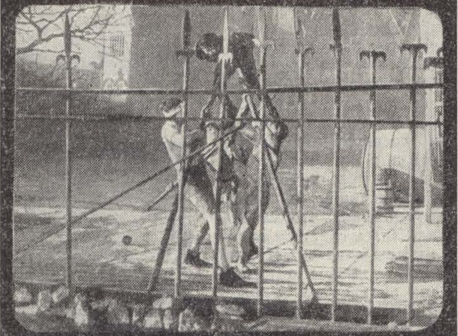
5. Начальник полиции доволен: смутьян, метельщик Караколь, помог уговорить кузнеца Мартина сделать железную ограду вокруг герцогского дворца.

6. Сам герцог прослышал о красоте Вероники...

7. Гонец принес весть о победе над взбунтовавшимися горожанами. «Караколь убит!» — радуется герцог и не узнает в гонце отважного метельщика.

8. Вот как послужила железная ограда замка — на копья для вольных горожан.

9. Крепко били вольные мастера черных рыцарей да еще нахлобучивали на них корзины — так легче было считать, много ли недобитых осталось...

Так что же понравилось читателям?

Письма все шли и шли. И вот уже на столе выросла целая гора почтовых конвертов. Мы даже с опаской посматривали: не рухнул бы он под тяжестью,— но тут подошел срок, когда нужно было читать эти письма, сортировать, подсчитывать. Тогда Смехотрон позвал в редакцию своего приятеля Кибера — того самого, у которого электронно-вычислительное устройство. Кибер засучил рукава и...

Вы догадались, что это за письма? Это письма тех ребят, которые ответили на вопросы нашей анкеты. Ответы пришли разные.

Одни ребята просто вырезали анкетку, заполнили и отослали ее в журнал. Другие написали нам, почему им понравилась такая-то повесть, заинтересовал вот этот рассказ и полюбились именно эти стихи. Конечно, такие письма нас особенно обрадовали.

Так что же больше всего понравилось читателям в прошлогоднем «Пионере»?

Особенно много друзей оказалось у мальчишек — «змеевиков» из повести В. Крапивина «Та сторона, где ветер». В письмах ребята вспоминают про их дела, их дружбу. Автор одного из таких писем — московская школа-интернат № 58. А Каримат Яхьяева из дагестанского села Гуниб пишет: «Если б каждый человек имел такую силу воли, как Владик, то, мне кажется, он всю свою жизнь счастливым человеком прожил бы».

Разумеется, мы тотчас же написали Владиславу Петровичу в Свердловск: «Ваша повесть заняла первое место. Ребята ждут новой». И вот к пятому номеру новая повесть будет готова. Мы уже знаем, как она будет называться: «Оруженосец Кашка».

Между прочим, получали мы и жалобы. Сколько ребят жаловались (нет, мы не оговорились!), что одну «очень интересную повесть» мы «обрывали на самых интересных местах». В нетерпении они по многу раз бегали на почту узнать, не пришел ли следующий номер «Пионера», в котором печаталась «Машка Самбо и Заноза» Ю. Сотника. Вот в чем «призналась» нам Оля Соловьева из поселка Каменка Ивановской области: «В этой повести мне понравилась сама Машка. Я вообще люблю читать про таких девчонок, которые мало чем отличаются от мальчишек».

И, наконец, повесть А. Алексина «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле». Эта повесть нашла особенно много почитателей среди девочек.

«У нас, в Турчаке,— пишет Аза Путина из Алтайского края,— многие считают, что переписываться с мальчиком, как, например, Коля и Оля,— это вообще никуда не годится. Но разве мальчишки не такие люди, как девочки? А вот у нас, если ты дружишь с девочкой, то хорошо, как-то закономерно, а если пойдешь с мальчиком или дружишь ты с ним, то уже все смеются, дразнят. Почему?»

Смешно, конечно, ставить вопрос так: кто лучше — мальчишки или девчонки? Важно, чтобы человек был смелым, честным, добрым. С такими хорошо дружить.

Помните, какой была Инга («Ингин») в рассказе

Владислав **КРАПИВИН**

Мира **АЛЕЧКОВИЧ**

Юрий **СОТНИК**

Валентина **ОСЕЕВА**

Э. Корпачева «Ледовая королева»? Ее уважали все мальчишки. В письме Иры Силиной из Туапсе мы читаем: «Мне очень хотелось бы, чтобы многие мальчишки подумали над этим рассказом. Ведь это пережиток прошлого. Почему девчонке нельзя играть в хоккей, в футбол, в ручной мяч? Но Инга не сдалась. Она упорно играла, добивалась своей цели».

Нет, неспроста рассказ «Ледовая королева»» пришелся по душе большинству читателей.

И еще очень многие назвали лучшим рассказом «Кочерыжку» В. Осеевой. В нем повествуется о мальчике, которого нашел солдат в отбитой у гитлеровцев деревне. Солдат не только спас этого малыша, но и сделал его своим сыном. Полюбили ребята и молчаливого Кочерыжку, полюбили и солдата. «Он безжалостно бил врага, но у него было доброе сердце и чуткая душа. Он никогда не оставался равнодушным к обездоленным детям, он не мог успокоиться, если не находил приюта для них» — вот что написала Нурия Сулейманова из Ташкента.

Был в анкете такой вопрос: «А стихи? Любишь ли ты их, и какие стихи были хороши в 1965 году у нас в «Пионере»?

Ну, конечно, ты их любишь. Много разных стихов названо лучшими. А больше всего запомнились ребятам стихи Е. Винокурова, Б. Слуцкого и особенно стихотворение югославской поэтессы Миры Алечкович «Звездная сказка».

Но очень часто в письмах была и такая просьба: «Любим веселые стихи. Печатайте их в каждом номере».

Смехотрон тотчас подскакивал на месте, толкал в бок своего приятеля Кибера и говорил:

— Да, да! Я тоже ужасно люблю веселое. Я просто жить не могу без веселого.

Он вообще был в преотличном настроении, озорно подмигивал своей лампочкой-носом и шевелил антенками. Еще бы! Сколько ребят обращались в письмах к нему. И просили чаще появляться в журнале.

Написали нам ребята и про то, какой очерк они считают лучшим. Свои сердца читатели отдали венесуэльскому партизану — коммунисту Дугласу Браво и ленинградской пионерке — Герою Советского Союза Зине Портновой. «Венесуэльских партизан поддерживает весь народ. Значит, они победят. Я верю в их победу!» — это мы читаем в письме Миши Стекольникова из Рыбинска. Автор очерка «Дуглас Браво и его боевые друзья» — А. Крушинский.

Очерк о Зине Портновой «Девочка с косичками» написал А. Солодов.

Очень интересным нашли ребята и очерк В. Матвеева «Славка и его сосед». Все дело здесь в дружбе этих двух людей — обычного мальчика Славки и космонавта А. Леонова.

Ну, а лучшим художником ребячьи анкетки назвали Сережу Иванова. Его работы, посвященные космосу — «На дальних планетах»,— увлекли всех.

Теперь скажите, обратили ли вы внимание, что мы поместили здесь главным образом отзывы девочек? Нарочно, скажете. Вовсе нет. Просто так получилось. А почему? Да потому, что девочки прислали нам в три раза больше писем, чем мальчики. Вот так-то вот!

Эдуард **КОРПАЧЕВ**

Борис **СЛУЦКИЙ**

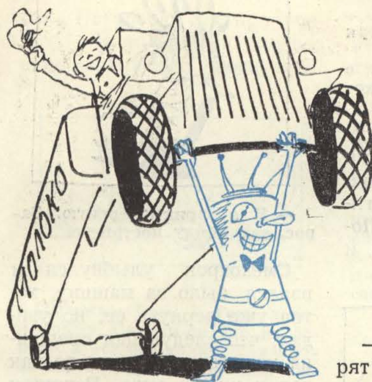

Анатолий **АЛЕКСИН**

Андрей **КРУШИНСКИЙ**

Анатолий **СОЛОДОВ**

Евгений **ВИНОКУРОВ**

КАК Смехотрон помогал везти молоко...

«До чего же давно не питался я смешинками!» — подумал вдруг Смехотрон и повеселел тут же, как веселеет всякий голодный, вспомнив, что лежит у него в кармане килограмм пряников... У Смехотрона всегда с собой смешинки — Н. З. (неприкосновенный запас). Но в этот раз вспомнил он про них особенно кстати. Срочно нужна была сила, и сила немалая.

Дело-то вот в чем. Гулял как-то наш Смехотроша за городом, как вдруг налетела метель. Завыло, закружило и так занесло дорогу, что влетели в сугроб и встали один за другим сразу шесть автомобилей, да все с молоком. Стоят, гудят и ни с места. Ну, повылезли, конечно, шоферы и давай дорогу лопатами чистить, но — метель, куда там! — все старания без толку. Колеса крутятся как бешеные, а машины ни с места, хоть ты тут лопни.

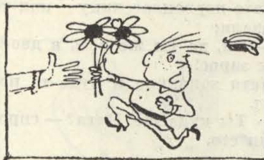
Пробрался сквозь снег Смехотрон, подумал и говорит:

— Есть выход! Берите друг дружку на буксир, а я впереди встану и буду всех вас тянуть. Только обождите минутку, я ЧИ выработаю. Есть у меня с собой несколько ЭНЕРГИЧНЫХ смешинок...

— Уходи, малыш, — говорят шоферы. — Нечего тут над нами шутить. Мы молоко везем детям, да вот завязли и, кажется, привезем простоквашу. Нам тут и тягач не поможет, а ты и подавно.

— Ну ладно, я уйду. — И, улыбнувшись, пошел Смехотрон в голову застрявшей колонны, взял там первую машину «под уздцы» и принялся выбирать смешинку повкуснее.

— Вот, это Коля Вдовенко мне написал. Смешно, а значит, и вкусно и сытно. Жаль только, не написал, где он живет.

Пришел Саша с букетом цветов. Мама спросила:

— Ты где же это цветы взял?

— А у дяди Семена. Хорошие? Это я их тебе принес!

— Очень хорошие, но дядя-то Семен знает об этом?

— Знает, еще бы! Он потом за мной три улицы гнался...

— Так-так, пошла энергия. Еще несколько смешинок слопаю, и можно будет тянуть этих недоверчивых молочников. Ну-ка!

Приехала в гости бабушка из деревни и спросила у внука, в каком он классе. Внук отвечает:

— В четверто-пятом...

— Как так? — удивилась бабушка и даже подпрыгнула.

— Да ведь сейчас лето, — рассмеялся внук.

— Очень неплохо! Набирается во мне ЧИ. ЧИ — чувствую, как по чи-жилам течет ЧИ, ап-чхи! А сестрам Наде и Люсе Преденцевым из Омской области мое Смехотронье спасибо.

А это что такое? Ага, это от Полины Чужиновой из Артемьевска. Сейчас попробуем на зубок то, что она пишет!

— На что жалуешься? — спрашивает доктор у мальчика.

— На маму! Что она меня то за хлебом, то за сахаром гонит!

— Хм, — сказал Смехотрон, — а я бы его еще и за керосином и за картошкой гонял бы. Ишь какой — на маму жалуется. А у меня,

была бы у меня мамочка, пусть хоть не человек, а тоже, как я, робот, так уж я бы для нее всюду бегал, все бы ей носил...

О, вот и из Ташкента смешиночка, от Любы Логвиной. Ну-ка!

— Знаешь,— девочка говорит маме,— мне уже расхотелось яблоки чистить.

— Почему же, доченька?

— А потому, что я уже наелась...

— Хорошо, Люба. Но твоя девочка наелась, а я-то еще нет. Какой-то я стал прожорливый. Но ничего, мне ведь и силы надо много: машины-то стоят. Эх, чи-чи-чи-чи, ты вперед меня помчи!

Зимой шла мама с мальчиком и ему советовала на ходу:

— Не дыши ртом: простудишься. Дыши носом.

— А у меня тогда насморк будет...— заныл мальчик.

— Дыши ушами! — сказал с насмешкой какой-то прохожий.

— Хе-хе, это вправду смешно. Пусть-ка он ушами подышит. Миша Флейдервин молодец, а живет он в Могилеве-Подольском. Наташа Лобова живет под Москвой, и вот что она мне пишет:

Мама дочке:

— Сбегай-ка в магазин, только быстро: одна нога тут, другая там!

— Ой, мамочка, я согласна на одной ножке, только какую оставить и какую с собой взять,— не знаю...

— А вот и еще одна, от Нади Кортуновой из деревни Наволок:

Пете-первокласснику как-то сказали:

— Ой, да ты же весь в двойках зарос!

Петя заплакал и куда-то пошел.

— Ты куда же, Петя? — спросили его.

— Я в парикмахерскую. Зарос, так пойду постригусь...

Смехотрон улыбнулся и взялся было за машину, хотел уже дернуть ее, но увидал, что следующая смешинка про «силу», а ему-то как раз и нужна сила. Решил и ее заодно прочитать:

Учитель физики спросил одного ученика:

— Что такое сила?

— Это когда один человек может побить другого.

— Докажи мне,— сказал учитель.

— На вас? — растерянно спросил ученик.

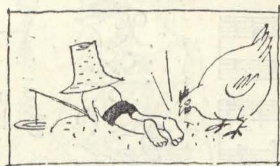
— Э-э-э, что-то я невкусное скушал. Даже ЧИ сразу уменьшилось. Лида Назарова, смешинка у тебя грубова-

тая. Нехорошо так про учителя! Надо скорей другую смешинку искать, повкусней!

Однажды Вова и Гена ловили рыбу. Сидели-сидели на берегу, а все без толку. Даже задремали. Вдруг Гена как заорет:

— Клюет! Клюет!

— Где клюет? Не вижу,— вытаращился на воду Вова.

— Да ты на меня смотри! Это мне курица ногу клюет!

— Вот смешно, так смешно! Гена Ли из Балашова, ты меня развеселил и наполнил энергией. Теперь — чи-чичи — вы-ру-чи!

Смехотрон, не теряя ни секунды, стал вытаскивать одну за другой машины, застрявшие в сугробах. Шоферы удивились, заахали:

— Ну и парень нам попался, прямо буксир! С таким ни крана, ни тягача не надо. Поступай ты, парень, к нам, будешь «Техпомощью». Как тебя зовут-то, милый? Странный ты какой-то на вид...

— Ничего я не странный, я Смехотрон. А к вам пойти не могу, я в журнале «Пионер» работаю. Но помочь — всегда помогу. Зовите!

Стали шоферы ему плату предлагать — деньги. Не берет. Тогда молочка ему попить предлагают, тоже отказывается. Говорит:

— Вот я вам сейчас покажу, чем питаюсь. Мне еду ребята присылают по почте. Каждое письмо вроде консервов. Сушеный, консервированный юмор. Открою конвертик, а в нем, как рыбка, лежит смешинка.

— Ну-ка, покажи, как это, — попросили шоферы и тут же услышали:

Бегает под дождем мальчик, до нитки промок. Ребята его спрашивают:

— Ты что, простудиться, что ли, захотел?

— Ага! Если заболею, то малинового варенья наемся, да еще и в школу ходить не надо. А если не заболею,— закалюсь и буду, может, посильней Власова!

— Это для меня Сережа Ятрушев из Приморского края придумал!

— Найди нам сумму двух чисел,— сказал учитель ученику.

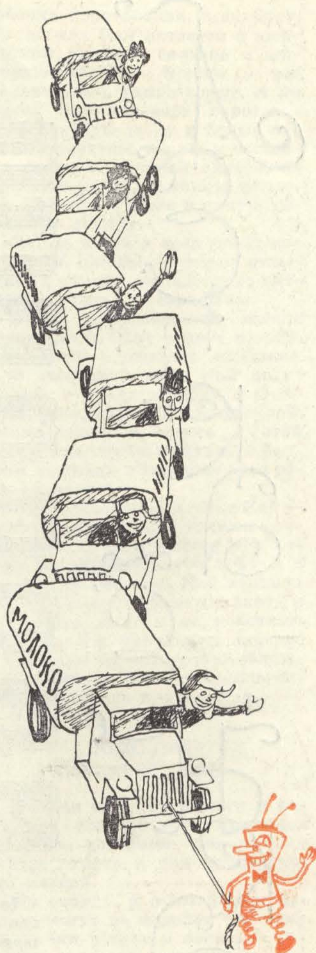
— Да ведь я ее и не терял,— ответил ученик учителю.

— Пусть знает Петя Мозго из Читинской области, что съел я его смешинку с удовольствием. Пусть еще присылает!

— Здорово! — И шоферы засмеялись. — Ты поезжай, парень, с нами!

Сели — поехали. Только забуксуют — бежит Смехотрон и себя и других угощает весельем и — раз-два — машины дергает. Хорошо им было.

А когда благополучно добрались до Москвы, то пришел один из шоферов в редакцию и говорит нам:

— Здравствуйте, тут товарищи мои просили сказать, что мы все очень благодарны вашему парню, вот этому — Смехомору, то есть Хохотрону... Фу ты, запутался, Трахомору, что ли? В общем, сами-то мы его «Техпомощью» прозвали. Помог он нам здорово, и ехать с ним было весело. До свидания.

Хлопать в ладоши

Повторить с начала до слова Конец

Танец «летка-енка» придуман в Финляндии. Совсем простой и удивительно веселый, он сразу пришелся по душе и взрослым и ребятам.

Начинает танец девочка, к ней тотчас же пристраиваются цепочкой другие ребята — мальчишки и девчонки. Держа друг друга за талию, они повторяют немудреные движения «летки-енки».

На счет «раз» — левую ногу в сторону, на счет «и» — обратно. На счет «два», «и» — то же самое. Дальше точно такие же два движения правой ногой. Потом прыжок на обеих ногах (ноги вместе), вперед, маленькая четкая пауза; прыжок назад и снова пауза, и, наконец, три прыжка вперед без пауз.

Все это вместе повторяется снова и снова, пока звучит музыка и никто не падает от усталости.

ХРАБРЫЕ портняжки

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ—КАЙ!

Эту девочку зовут Кай. Кай живет в Эстонии, в городе Таллине. Учится она в пятом классе.

И в школе и дома все ее любят. Кай — веселая, аккуратная девочка, и товарищ она хороший.

На Кай всегда приятно смотреть. Платье ее хорошо выглажено, банты, чулки, туфли подходят по цвету к платью.

Кай понимает, что большой капроновый или шелковый бант в школу не наденешь: такой бант для праздника. А узенькую ленточку, в цвет школьной форме, она иногда носит.

В первом классе Кай однажды надела под платье брюки от спортивного костюма и вышла в таком виде на улицу. Мама ей объяснила, как это некрасиво, и теперь Кай смешно вспоминать, как странно она выглядела.

Утром, после зарядки, Кай надевает легкий халатик, летом — ситцевый, зимой — из мягкой фланели. Приготовит себе бутерброды и только после завтрака берет школьную форму.

В школе все девочки одеты одинаково — это очень красиво. Но в пятой школе у ребят есть еще своя эмблема: на шапочке — металлическая, на рукаве жакета — вышитая. Идут ребята по улице, и все знают, что они из пятой школы!

Кай приходит из школы домой раньше мамы, но она никогда не забывает сразу же снять школьную форму и аккуратно повесить ее в шкаф.

Для осени и весны у Кай есть ярко-красное пальто на теплой клетчатой подкладке. Отделано оно металлическими пуговицами и пряжками. Шапочку Кай вместе с мамой сшили сами из той же ткани, из которой сшито пальто. Шапочка плотно сидит на голове, и Кай не страшен ни холод, ни ветер.

Зимой Кай носит зимнее пальто с маленьким круглым воротником. Раньше у Кай была меховая шубка, но Кай из нее выросла, и теперь пальто ей нравится больше. Оно легче, и цвет у него красивый — васильковый. К этому пальто Кай связала себе теплый берет с большим помпоном. Одноклассницам этот берет очень понравился, и все девочки из пятого класса взялись за вязание.

Если Кай после школы идет в библиотеку или в гости, она надевает теплое шерстяное платье с белым воротничком и маленьким черным бантом. Воротничок и бант делают его нарядным.

Для спортивной школы у Кай несколько комплектов: она играет в теннис, катается на лыжах и на коньках. Теннисный костюм у Кай сшит из белой хлопчатобумажной ткани, юбочка коротенькая, в складку. На лыжах Кай катается в шерстяном вязаном свитере в широкую полоску. Брюки у нее вельветовые, темно-синие. А на каток Кай надевает коротенькую красную юбку и белые вязаные рейтузы. Шарф и шапочка связаны плотной вязкой, из толстых ниток. В таком костюме Кай тепло даже в самую холодную погоду.

Летом, когда у всех ребят каникулы, школьная форма отдыхает в шкафу, а Кай носит ситцевые платья и сарафаны.

Если к соломенной шляпе прикрепить бант в цвет платья, оно будет выглядеть наряднее.

В выходной день Кай носит белую в складку юбку с розовой трикотажной кофточкой. Мама обещала сшить к этой юбке еще легкую блузку с бантом из ткани в горошек. Это тоже красиво!

Самое нарядное платье Кай — желтое, репсовое, с узкими кружевами. В этом платье Кай ходит на дни рождения подруг, в театр, на концерт. Кай вышила себе тонкими нитками бант, и он очень идет к ее коротким волосам и к нарядному платью.

Загляни на четвертую обложку журнала, и ты увидишь самые любимые платья Кай.

ДОПОЛНИ ГАРДЕРОБ КАЙ

Возьми плотную бумагу и нарисуй еще много красивых платьев, костюмов для разных видов спорта и для пионерского лагеря.

Не забудь, к этим новым вещам могут не подойти прежние шапочки, туфли и носки.

Все, что ты нарисуешь, ты можешь раскрасить акварельными красками. Только помни, что девочке больше идут ткани в горошек, в полоску, в клетку и совсем не идут ткани с крупным рисунком или с большими цветами.

Желаем тебе побольше изобретательности и еще... терпения! И не забудь написать нам: интересно ли тебе играть, переодевая девочку Кай в разные наряды?

Знаете, кто рассказал нам про девочку Кай? Лилиан Мохановна Козенкраниус. Лилиан Мохановна работает в таллинском Доме моделей. Когда мы были в Таллине, мы с ней подружились и пригласили ее в гости к нам, в журнал «Пионер». Лилиан Мохановна обещала советовать ребятам, как одеваться красиво, со вкусом.

Храбрые портняжки.

П·О·Д·С·К·А·З·К·И

ОПЕРАЦИЯ «УЛЫБКА»

Так уж заведено, что первого апреля все пускаются на веселые шутки. Правда, первоапрельские шутки бывают разными. «Эй, посмотри, у тебя нос в чернилах»,— это иные шутники считают остроумной выдумкой...

Мы с вами придумаем что-нибудь поинтереснее. Что, если договориться всем вместе и отправиться в этот день в лес, на луга за первыми весенними цветами? Сколько букетиков подснежников, фиалок, тюльпанов мы соберем! А потом возьмем и раздарим их всем знакомым хорошим людям. А может быть, еще всем, кто хмурится в этот день.

ГОВОРИ КОРОТКО

Если, обсуждая свои дела, ребята говорят очень уж длинно,— можно ввести одно нехитрое правило: через две или три минуты (как мы сами условимся) ты можешь продолжать свое выступление, но только... стоя на одной ноге! Поневоле постараешься быть кратким. Такое правило ввели недавно в одной дружине. Результат отличный!

Содержание

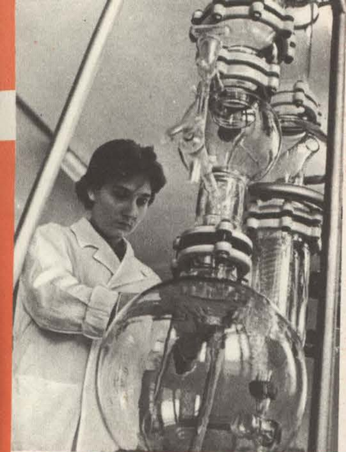
Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 10223. Подписано к печати 25/II 1966 г. Тираж 660 000 экз. Изд. № 399. Заказ № 409.

Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Объем 5,25 физ. п. л. 8,82 усл. п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

РАПОРТУЕТ УКРАИНА ШЛЕТ СВОИ СООБЩЕНИЯ

ПРИБАЛТИКА БЕРЕТ СЛОВО МОЛДАВИЯ

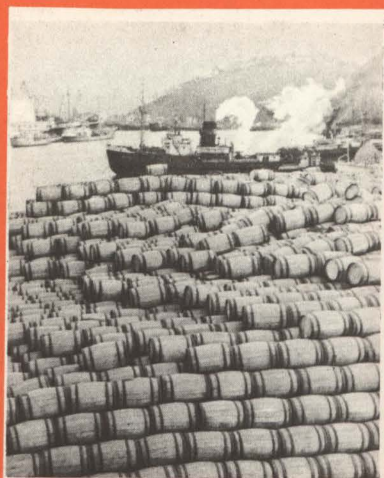

РАДОСТНЫЕ ВЕСТИ

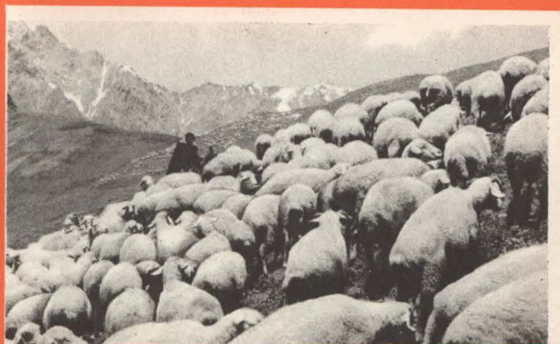

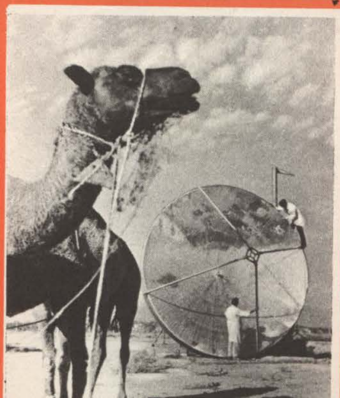

ИДУТ СО ВСЕХ

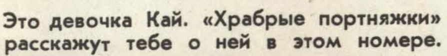

КОНЦОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

Цена 25 коп.

Это девочка Кай. «Храбрые портняжки» расскажут тебе о ней в этом номере.

Рисунки М. Канасаар.

Индекс 70694